A29 8/29

А 298/29

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ

ОАЗИСЪ

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

(Историко-Географическіе и оро-геологическіе очерки Закаспійской области).

СЪ РИСУНКАМИ и КАРТОЙ.

П. С. ВАСИЛЬЕВА.

Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

ВЛАДИМІРА АНТОНОВИЧА

БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

принимаетъ на себя высылку всѣхъ литературныхъ произведеній: романовъ, повѣстей, путешествій и т. п., по цѣнамъ объявленнымъ издателями и магазинами. ЧАСТНЫЯ ЛИЦА благоволятъ высылать деньги одновременно съ заказами.

Исторія Россіи. ***В. А. Абаза.*** 1885 г. Для учащихся. Въ трехъ частяхъ . . . . . **1** р. **30** к.

Разсказы изъ русской исторіи съ 14 изящными гравюрами. ***Б. А. Павловича.*** Изданіе 3-е 1883 г. **1** р. **25** к.

Тоже въ изящной папкѣ . . . . . **1** р. **75** к.

Въ Обзорѣ Народно-Учебной литературы- страница 614, между прочимъ сказано:

«При разборѣ этой книги нельзя, прежде всего, не обратить вниманіе читателя на очень удачный выборъ историческаго матеріала. Несмотря на то что всѣхъ разсказовъ помѣщено въ книгѣ не болѣе одинадцати, они тѣмъ не менѣе почти исчерпываютъ все содержаніе отечественной исторіи».

Покореніе Туркменъ-Текинцевъ русскими войсками подъ начальствомъ генерала Скобелева въ 1880—1881 гг. Составилъ ***Л. К. Артамоновъ.*** 2-е изданіе 1888 г. съ портретами и виньетками . . . . . **20** к.

Справочная книжка для вольно-опредѣляющихся, поступающихъ въ сухопутныя войска. Съ приложеніемъ: списка учебнымъ заведеніямъ съ раздѣленіемъ ихъ на разряды по отношенію къ отбыванію воинской повинности, программъ для испытанія вольно-опредѣляющихся, положенія объ охотникахъ, а также формъ документовъ, требуемыхъ при опредѣленіи на службу. Изданіе 4-е, дополненное и исправленное, 1887 г. Составилъ подполковникъ ***Курсаковъ.*** . **60** к.

Рекомендованы 1-е, 2-е и 4-е изданія Циркулярами Главнаго Штаба 1878 г. № 162, 1879 г. № 251 и 1888 г. № 7.

Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Съ портретомъ и рисункомъ, изображающимъ смерть графа. Составилъ ***Гр. Г. М—чъ.*** 1886 г. . . . . **1** р.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», ноябрь 1886 г., стр. 431, между прочимъ сказано:

. . . «И такое крупное историческое лицо не имѣетъ еще пока вполнѣ обработанной біографіи, а потому нельзя не быть признательнымъ составителю книги съ вышеозначеннымъ заглавіемъ. Она читается легко и полна интереса». *К. А. Б.*

АХАЛЪ-ТЕКИНСКІЙ

ОАЗИСЪ

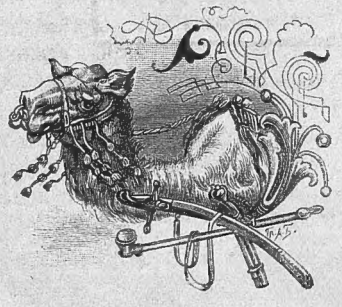
ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

(Историко-Географическіе и оро-геологическіе очерки Закаспійской области).

СЪ РИСУНКАМИ и КАРТОЙ.

П. С. ВАСИЛЬЕВА.

5081/1



Издалъ В. Березовскій

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1888.

173.

Инвент. № 335173
193 г.

Типографія Литографія
ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
С.Петербургъ. Р. ГОЛИКЕ. Троицкій, 20.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Происхожденіе почвы и племени, образъ жизни и бытъ Текинцевъ 1
II. Обзоръ экспедицій и краткая исторія покоренія оазиса. . 21
III. Оазисъ въ настоящее время 33
IV. Бытъ Текинцевъ въ настоящее время и ихъ обряды. . . 47
V. Текинскія школы и жизнь въ укрѣпленіи 75
VI. Минеральныя богатства (нефть, сѣра, селитра, галлотрихитъ, озокеритъ, поваренная и глауберовая соль и гипсъ). 83
VII. Общій выводъ 97

АХАЛЪ ТЕКИНСКІЙ ОАЗИСЪ

ЕГО ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.

I.

Происхожденіе почвы и племени, образъ жизни и бытъ Текинцевъ.

дѣ нѣкогда, въ эпоху доисторическую, бушевали волны Гиперборейскаго моря, гдѣ позднѣе, во времена Александра Македонскаго, процвѣтали густо населенные города, тамъ нынѣ бушуетъ не менѣе грозное море, но море безводное, море песковъ. Не малое пространство заняли эти пески, извѣстные подъ именемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса у туземцевъ и Закаспійской области у насъ, пески, простирающіеся до береговъ Аму-Дарьи, захватывающіе части Хивы и Бухары съ одной стороны и доходящіе до границъ Афганистана и плодоносной Персіи съ другой. Песочныя волны ведутъ постоянную, упорную борьбу съ Мервомъ, врѣзавшимся въ нихъ въ видѣ полуострова. На югѣ песковъ, у подо-

ивы горъ Копетъ-Дага, на сравнительно узкой полосѣ земли, мало-мальски годной для обработки, поселился человѣкъ, загнанный сюда безпощаднымъ песочнымъ моремъ, грозно, незамѣтно и медленно подвигающимся все впередъ и впередъ. Дальше бѣжать ему ужь некуда, и здѣсь-то, на обездоленной полосѣ, принужденъ Текинецъ влачить жалкую полу-осѣдлую, полу-кочевую жизнь полу-дикаго пахаря.

Не веселую картину представляетъ собою Ахалъ-Текинскій оазисъ, далеко не сходящійся съ тѣмъ понятіемъ, которое сложилось у насъ объ оазисахъ пустыни, какъ о мѣстностяхъ изобилующихъ водой и растительностью. Если узкая полоса земли, идущая параллельно персидской границѣ и сколько-нибудь годная для обработки, и именуется оазисомъ, то лишь по отношенію къ Кара-Кумской *) пустынѣ, лишенной не только растительности и орошенія, но даже жалкихъ колодцевъ. Закаспійская область, образовавшаяся вслѣдствіе дѣйствія подземныхъ вулканическихъ силъ изъ дна морскаго, о чемъ на каждомъ шагу говорятъ почва и уцѣлѣвшіе остатки свойственныхъ морю растеній, животныхъ и минераловъ, представляла нѣкогда плодоносную страну, въ которой могли возникнуть города и большія поселенія, но современемъ, подвергаясь разрушительному нашествію переносныхъ песковъ, она мало-по-малу обращалась въ пустыню, чему не мало способствовало палящее солнце, выжигавшее растительность, изсушавшее источники. Но это было такъ давно, что памятники былой культуры, свидѣтельствующіе о былой жизни народовъ, попадаются рѣдко, хотя и служатъ живымъ доказательствомъ справедливости вышесказаннаго. Такъ, напримѣръ, въ аулахъ Дурунѣ и Анау уцѣлѣли развалины мечетей, развалины грандіозныя, говорящія о вкусѣ и культурѣ строителей; въ послѣдней мечеть стоитъ болѣе 600 лѣтъ.

---

*) Пустыня Кара-Кума, въ переводѣ «Злые Пески» находится къ сѣверу отъ Копетъ-Дага и граничитъ съ культурной полосой.

Закаспійская область, простираясь почти на тысячу верстъ отъ восточныхъ береговъ Каспійскаго моря къ юго-востоку, хотя и имѣетъ повсемѣстно одинаковый климатъ и одинаковую среднюю температуру, тѣмъ не менѣе представляетъ во многихъ мѣстахъ рѣзкіе контрасты во флорѣ и фаунѣ, а также и въ царствѣ минеральномъ. Главною причиной такихъ контрастовъ является большая или меньшая степень орошенія, служащаго здѣсь важнымъ факторомъ жизненной дѣятельности страны и размѣщенія ея населенія, которое скучилось на узкой полосѣ идущей у подножія горъ Копетъ-Дага, представляющихъ собою отроги Парапамиза и большею частію извѣстныхъ подъ названіемъ Балхановъ. Полоса эта, къ сѣверо-востоку граница съ Кара-Кумскою пустыней, сама начинается у Каспійскаго моря на протяженіи тридцати верстъ сыпучими песками, переходитъ затѣмъ въ суглинокъ настолько твердый, что если бы не степной ковыль и кусты молочая, то его можно было бы принять за грунтъ вполнѣ окаменевшій, и идя параллельно Персидской границѣ, доходитъ до предѣловъ Бухары и Афганистана. Полоса эта и есть такъ-называемый Ахалъ-Текинскій и далѣе Мервскій оазисъ. Повторяю еще разъ, горько ошибся бы путешественникъ, если бы думалъ отыскать себѣ здѣсь полное отдохновеніе, встрѣтить то что обыкновенно соединяется съ понятіемъ объ оазисѣ. Отъ береговъ Каспійскаго моря на разстояніи 100 верстъ до аула „Казанджикъ“ не встрѣтишь нигдѣ ни жилья, ни воды, и только отъ этого аула по направленію къ Кизилъ-Арвату и Асхабаду черезъ шесть, семь верстъ попадаются небольшіе источники, именуемые арыками; но эти арыки бѣдны водой, мелководны, грязны и во время жаровъ совсѣмъ высыхаютъ *). Не веселую картину представляетъ тогда выжженная солнцемъ степь, съ ея сѣрою окраской, окаймленная цѣпью такихъ же сѣрыхъ, скалистыхъ

*) Такихъ арыковъ на протяженіи 526 верстъ, т. е. отъ Казанджика до Мерва, всего только 36.

горъ. Тяжело становится на душѣ у непривычнаго Европейца путешественника; солнце немилосердно палитъ голову, жгучій вѣтеръ проникаетъ черезъ платье, раскаленный воздухъ затрудняетъ дыханіе; жажда становится невыносимою; путникъ ждетъ, жаждетъ источника, чтобъ освѣжить пылающій лобъ, промочить пересохшее горло... вотъ показался источникъ, но и онъ не особенно радуетъ: та же сѣрая степь, тѣ же кусты ковыля; умирающій арыкъ тихо катитъ маленькія воды свои, до того маленькія, что долго приходится выбирать мѣстечко чтобы почерпнуть воды не набравъ грязи. Жутко становится въ этомъ царствѣ окаменѣнія и полнѣйшаго безмолвія. Только мальчикъ пастухъ изъ Текинцевъ нарушаетъ подчасъ молчаніе; не обращая вниманія ни на жару, ни на солнце, ни на бѣдность окружающей природы, онъ распѣваетъ свои заунывныя пѣсни, въ конецъ разстраивающія и безъ того напряженные нервы.

Но вотъ вы прибыли въ аулъ; сотни кибитокъ сѣраго цвѣта въ безпорядкѣ лѣпятся другъ возлѣ друга; слышно блеяніе овецъ, ревъ верблюдовъ. Мужчинъ въ аулѣ не много — они въ степи, женщины же заняты домашними работами: пекутъ чурекъ (хлѣбъ), ткутъ ковры, дубятъ бараньи кожи. Проголодавшагося путника принимаютъ очень любезно: угощаютъ кальяномъ, съютомъ (верблюжьимъ молокомъ), финиками, арбузами; но долго оставаться въ аулѣ онъ не можетъ, не будучи въ состояніи побороть чувство брезгливости при видѣ грязной и неряшливой обстановки; онъ спѣшитъ въ укрѣпленіе, гдѣ его ожидаетъ болѣе или менѣе сносный комфортъ.

Вотъ вамъ въ общихъ чертахъ понятіе объ Ахалъ-Текинскомъ оазисѣ. Самъ собою напрашивается вопросъ: что побудило человѣка поселиться въ столь негостепріимной странѣ? зачѣмъ онъ не покинетъ ея, если она, бывши прежде плодородною, впослѣдствіи обратилась въ такую? И оказывается, что онъ не покидаетъ ея потому что пришелъ сюда загнанный силою обстоятельствъ. Если всмотрѣться внимательно въ жизнь и обычаи Текинца, въ

его обстановку, то нельзя не замѣтить, что все это представляетъ у него компиляцію отдѣльныхъ чертъ различныхъ народностей, населяющихъ страны Центральной Азіи; и поневолѣ приходишь къ тому заключенію, что Текинское племя не есть племя самостоятельно, естественно развившееся подобно другимъ кровнымъ горскимъ племенамъ, въ родѣ Нухурскаго, но есть племя происшедшее отъ смѣшенія. Между обычаями религіозными и житейскими вы замѣчаете у Текинца многіе обычаи иныхъ народностей. На ряду съ обычаемъ Перса встрѣчается здѣсь обычай Хивинца, Бухарца, Киргиза и др. То же самое замѣчается и въ нарѣчіи. Языкъ Текинца, не будучи тождественнымъ съ какимъ-либо другимъ языкомъ, напоминаетъ собою всѣ азіятскія нарѣчія вмѣстѣ и сталъ какъ бы языкомъ международнымъ, вслѣдствіе легкости пониманія его и Персомъ, и Узбекомъ. Если же принять во вниманіе русскій переводъ имени этого племени (Ахалъ-Теке въ переводѣ означаетъ: новое племя), то должно придти къ заключенію, что оно появилось недавно, не болѣе 300 лѣтъ назадъ, чему имѣются ясныя доказательства, о которыхъ скажу ниже. Если вы углубитесь къ сѣверу въ Кара-Кумскіе пески, то можете замѣтить путь, по которому подвигалось въ оазисъ это племя, или, вѣрнѣе сказать, банды, изъ которыхъ оно впослѣдствіи составилось. Путь этотъ обозначенъ цѣлыми рядами колодцевъ, изрытыхъ въ различныхъ направленіяхъ, сообразно съ тѣмъ какъ двигались кочевники. Колодцы эти стоятъ теперь безводными.

Образованіе Текинскаго племени въ Закаспійской области много напоминаетъ собою образованіе Сѣчи и Донскаго казачества. Формированіе этого племени и дальнѣйшая его жизнь сложились подъ вліяніемъ тѣхъ же условій, благодаря которымъ нѣкогда возникла у насъ Сѣчь, долгое время бывшая страшилищемъ для Поляковъ, Татаръ и Турокъ. Какъ у насъ въ былое время всякій недовольный своею судьбой бѣжалъ въ Сѣчь или на Донъ, бѣжали туда рабъ и господинъ, преступникъ и монахъ, молодой и старый, точно также было и здѣсь. Тотъ, кого ужь очень прижала судьба, ухо-

дилъ въ пески. Бѣжалъ туда Хивинецъ, Афганецъ, Бухарецъ, рабъ и Узбекъ (свободный человѣкъ, князь), преступникъ, избѣгающій кары, и несчастный, не сносившій рабской доли. Все это бѣжало въ пустыню, рѣшаясь переносить всѣ невзгоды и подвергаться всѣмъ опасностямъ, лишь бы отстоять свою личную независимость. Многіе бѣглецы погибали, настигнутые ураганомъ, погребенные песчаными заносами, но многіе и спасались; мало-по-малу они сплачивались и составляли банды, для которыхъ средствомъ жизни явились аламаны (набѣги съ цѣлью грабежа), предпринимаемые на мирныхъ Персовъ, обитавшихъ осѣдло у сѣверныхъ подножій Копетъ-Дага и занимавшихся, насколько позволяла мало плодородная почва, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Банды эти, не имѣя сперва строгой организаціи, не зная старшинства одного надъ другимъ, принимали въ свой составъ всякаго безъ отказа, требуя лишь, подобно Запорожцамъ, удали и молодечества. Здѣсь были всѣ равны: и бывшій рабъ, и богатый Узбекъ; уважались лишь по заслугамъ, оказаннымъ въ походахъ. Героевъ своихъ, какъ они называли, богатырей, уважали, повиновались имъ безпрекословно, о нихъ слагались пѣсни, ихъ память чтилась, ихъ могилы считались священными. Существенное различіе ихъ принциповъ отъ принциповъ сѣчевиковъ заключалось въ томъ, что у нихъ не было, какъ у послѣднихъ, въ девизѣ „война за вѣру“; хотя и магометане, они чужды фанатизма, свойственнаго другимъ мусульманамъ Востока, къ религіи относятся индифферентно, можно даже сказать, что они не исповѣдуютъ никакой отдѣльной религіи, признавая лишь единаго Бога, творца вселенной, Который для всѣхъ единъ *). Во всякомъ случаѣ, къ воинскому девизу

*) Въ 1885 г. въ Кизилъ-Арватѣ освящался домъ, предназначенный для аптеки. Въ числѣ собравшихся было много Текинцевъ, которые во все время молебна стояли на колѣняхъ со скрещенными на груди руками и молились, когда же удивленные нѣкоторые русскіе спросили ихъ: почему они молятся во время христіанскаго богослуженія? то они иронически отвѣтили вопросомъ: «А развѣ у васъ другой Богъ?»

ихъ не примѣшивались никакія религіозныя тенденціи, воевали же они и погибали въ борьбѣ за существованіе, за независимость. Другое, не менѣе важное различіе между этимъ племенемъ и Сѣчью было во взглядѣ на женщину. Въ Сѣчи она не признавалась, присутствіе ея не терпѣлось; здѣсь же, при неизвѣстности строгихъ монашескихъ правилъ, присутствіе женщины было желательно. и если ея не было среди мусульманской вольницы, то лишь на первыхъ порахъ, благодаря трудностямъ бѣгства чрезъ песчаную, безводную пустыню, трудностямъ непреодолимымъ для женщины. Но новообразовавшееся племя, какъ я уже сказалъ, не пользовалось обществомъ женщинъ только въ первое время. Впослѣдствіи Текинцы добыли себѣ женъ.

Подобно первымъ гражданамъ древняго Рима, они позаимствовали себѣ женъ у сосѣдей, Персовъ, но не хитростію, а огнемъ и мечомъ. Взявъ себѣ въ жены женщинъ изъ другаго племени, они начали размножаться уже путемъ естественнымъ. Въ скоромъ времени, суровая природа и безплодіе песковъ, не давая возможности обитать въ нихъ и дѣлать быстрые переходы во время набѣговъ, понудили молодое племя передвинуться къ югу. Они покорили обитавшихъ тамъ Персовъ, разрушили ихъ города, и затѣмъ слились съ ними въ одно цѣлое, образовавъ такимъ образомъ ту народность, которую мы видимъ теперь въ оазисѣ и которая въ то время впервые получила отъ бывшихъ жителей названіе Ахалъ-Теке, что̀ означаетъ „Новое племя“. Побѣдители освоились съ этимъ именемъ и удержали его за собой по настоящее время. Съ переселеніемъ Текинцевъ на болѣе плодородную почву Кара-Кумскіе пески вновь опустѣли, сдѣлавшись достояніемъ дикихъ лошадей и шакаловъ.

Новое племя зажило новою жизнью. Впрочемъ, новизна эта сказалась только въ присоединеніи къ аламанамъ хлѣбопашества и скотоводства; аламаны не были забыты, продолжались съ прежнею силой, только арена ихъ нѣсколько расширилась, будучи перенесена черезъ горы въ Персію. Да и прекратиться они не могли, такъ какъ при несовершенствѣ земледѣлія и скотоводства,

при скудости продуктовъ, добываемыхъ этимъ путемъ, аламаны служили главнымъ средствомъ къ жизни, имѣя за собой, въ видѣ подспорья, хозяйство.

Переселеніе и образованіе племени совершилось, какъ надо полагать, недавно, не болѣе 300 лѣтъ тому назадъ, подтвержденіемъ чему служатъ развалины персидской мечети въ Дурунѣ, разрушенной Текинцами при нашествіи. Мечеть эта, какъ гласитъ сохранившаяся на персидскомъ языкѣ надпись на мраморной доскѣ вдѣланной въ стѣну, была возобновлена, по нашему счисленію, за 375 лѣтъ. Слѣдовательно въ то время Текинцы не могли владѣть этою полосой, а завладѣли ею позже.

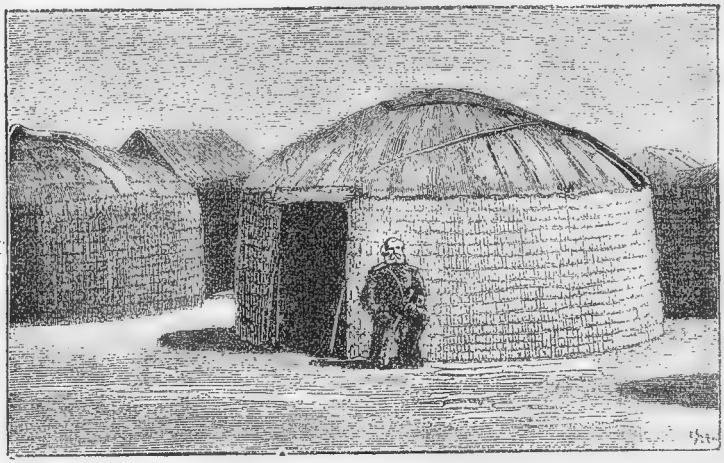
Поселившись здѣсь и занявшись, хотя и въ малыхъ размѣрахъ, земледѣліемъ, Текинецъ долженъ былъ неминуемо вступить въ борьбу съ природой. Хотя, собственно говоря, борьба эта является у него одностороннею, но тѣмъ не менѣе далеко не легкою. Видя и сознавая все важное значеніе воды, видя въ ней жизнь, онъ твердо, упорно пошелъ наперекоръ природѣ, заставляя ее подчиниться и побѣжденною служить ему; во всемъ остальномъ онъ рабъ природы; отстаивая одну воду, во всемъ остальномъ онъ и не думаетъ бороться съ природой, заботясь лишь о томъ какъ бы сообразовать съ нею свой образъ жизни, свою одежду, свое жилище и обстановку. Природа-то и помѣшала ему бросить кочевую жизнь и начать осѣдлую, она-то и наложила на него, на его домашній бытъ, на весь его нравственный строй особую печать, рѣзко выдѣляющую его изъ толпы азіятскихъ народовъ.

Приспособленіе къ условіямъ поставленнымъ природой, такъ сказать, стремленіе поддѣлываться къ природѣ, видно на каждомъ шагу. Климатъ страны, отличающійся рѣзкостью перемѣнъ, до невозможности жаркій въ одно время, жестоко холодный въ другое, создалъ для туземца особый типъ одежды, который покажется, можетъ быть, крайне смѣшнымъ и на первое время не цѣлесообразнымъ въ глазахъ Европейца, не знакомаго съ условіями азіятской жизни. Дѣйствительно, въ шестидесятиградусную жару, когда васъ тяготитъ даже холщевый китель, когда вы ищете спа-

сенія подъ легкимъ бедуиномъ (туземная бѣлая одежда въ видѣ плаща), на первый взглядъ кажется страннымъ встрѣтить Текинца обряженнаго въ два ваточные халата поверхъ верхней одежды, подпоясаннаго большимъ холщевымъ поясомъ, въ громадной бараньей шапкѣ, обливающагося обильнымъ потомъ. Въ этой же самой одеждѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ въ легкомъ наголь-номъ тулупѣ. вы встрѣтите его и въ студеную зиму при 25° мороза. Но если принять во вниманіе рѣзкіе и быстрые переходы въ температурѣ отъ плюса къ минусу и обратно, если вы увидите какъ быстро и легко подготовляетъ раскаленный воздухъ почву для всевозможныхъ заболѣваній, то легко поймете почему этотъ полудикарь, незнакомый съ самыми элементарными понятіями по части гигіены и медицины, находитъ спасеніе отъ заболѣваній въ этомъ оригинальномъ костюмѣ, способствующемъ выпотѣванію, а слѣдовательно и предохраняющемъ здоровье. Холщевая, а подчасъ и ситцевая рубаха, такіе же холщевые широкіе шаравары, остроконечныя сафьянныя туфли, расшитыя шелкомъ или шерстью, на высокихъ и узкихъ каблукахъ, съ загнутыми кверху носками, носимые лѣтомъ поверхъ шерстяныхъ чулокъ, и нечищенныя, желтой кожи, на такихъ же высокихъ и остроконечныхъ каблукахъ сапоги, замѣняющіе собою на зиму туфли, завершаютъ незатѣйливый уборъ Текинца.

Тотъ же самый климатъ, который заставилъ туземца носить вышеописанную одежду, выработалъ для него и особый видъ жилья, незнакомый осѣдлому обывателю цивилизованныхъ странъ. Слишкомъ рѣзкіе переходы отъ знойнаго лѣта къ суровой зимѣ, быстрое изсушеніе почвы подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца и выгораніе полей, годныхъ для пастбищъ, заставляютъ его переходить съ мѣста на мѣсто, сообразуясь съ временемъ года и годностью почвы. Уходя на зиму въ пески, гдѣ холодъ менѣе ощутителенъ, онъ къ лѣту снова появляется у подножія горъ, для посѣва хлѣба. Понятно, что при подобномъ образѣ жизни онъ не можетъ имѣть постояннаго жилья, требуется переносное, каковымъ и является кибитка, не мудреная по своему построенію,

удобная для жилья и легкая при перевозкѣ. Кибитка представляетъ собою круглую, около $2^1/_2$ саженъ въ діаметрѣ рѣшетчатую основу, въ родѣ нашихъ бесѣдокъ крытыхъ вьющимися растеніями, высотой не превышающую $2^1/_2$ аршинъ. Стѣнка-рѣшетка, состоя изъ отдѣльныхъ связываемыхъ между собою частей, будучи сдѣлана изъ деревянныхъ прутьевъ, соединенныхъ не гвоздями, а ремешками замѣняющими шарниры, легка и можетъ складываться не занимая много мѣста при перевозкѣ. Верхняя часть жилья состоитъ изъ такого же рѣшетчатаго круга, соединеннаго съ основой помощью нѣсколько выгнутыхъ въ наружную сторону жердей. Въ общемъ, кибитка имѣетъ куполообразный видъ, будучи же обтянута съ наружной стороны въ одинъ или два ряда сѣрыми кошмами (войлокомъ), походитъ издали на копну стараго сѣна. Это незатѣйливое жилье, помимо удобной перевозки, обладаетъ еще тѣми достоинствами, что хотя во время жары и не даетъ прохлады, но гарантируетъ отъ проникания вертикально падающихъ лучей солнца, зимой же, будучи обложена, вокругъ основания, землей, достаточно ограждаетъ отъ стужи, дѣлая жизнь въ ней сносною при самыхъ лютыхъ морозахъ.



Текинская кибитка, замѣняющая русскимъ войскамъ палатку.

Обстановка кибитки не богата, собственно говоря, этой обстановки и совсѣмъ нѣтъ, если не считать развѣшанныхъ по стѣнамъ ковровъ и паласовъ, да цыновокъ, связанныхъ изъ горнаго тростника и раздробленнаго на мелкія трости бамбука, служащихъ ложемъ для всей семьи. Даже сундуковъ и ящиковъ не увидите, ибо таковые затруднили бы перекочевку при отсутствіи телѣгъ: вмѣсто послѣднихъ, у туземцевъ въ употребленіи переметныя сумы, приспособляемыя къ верблюжьимъ и конскимъ сѣдламъ. Кибитка перевозится на вьюкѣ, требуя подъ себя двухъ верблюдовъ; времени для сборки и постановки ея вновь требуется не болѣе получаса, и исполняется это женщинами. Посуды вы увидите въ ней не много, и то самую необходимую, какъ-то: большой желѣзный котелокъ для варки пищи, деревянную миску, мѣдный чайникъ для кипяченія чаю, до котораго Текинцы большіе охотники. Что же касается ножа и вилки, то употребленіе послѣдней туземцу неизвѣстно, складной же ножъ, а равно и фаянсовая чашка въ кожаномъ футлярѣ, носимые на поясѣ, составляютъ необходимую принадлежность каждаго. Кибитки по своему внѣшнему и внутреннему виду въ большинствѣ случаевъ одинаковы, такъ что непривычный человѣкъ не отличитъ богатаго отъ бѣднаго, чему не мало помогаетъ однообразіе какъ въ одеждѣ, такъ и въ обстановкѣ. Да обстановка-то, собственно говоря, и не нужна Текинцу, она стѣсняла бы его свободу дѣйствій, служила бы лишнею обузой. Ему не нужно много посуды, потому что непривѣтливая природа не избаловала его обиліемъ и изяществомъ кушаньевъ.

Обычную пищу туземца составляетъ похлебка, приготовленная изъ хлѣба, свареннаго или въ верблюжьемъ молокѣ, или же въ кипяткѣ съ бараньимъ жиромъ, каши изъ джугурмы, приправленной тѣмъ же жиромъ или же съютомъ (верблюжьимъ молокомъ), чурека (хлѣба) и чаю. Лѣтомъ къ этому присоединяются арбузы, дыни и другіе овощи, но они являются не дессертомъ, а средствомъ къ питанію. Мясо Текинецъ ѣстъ очень рѣдко, преимуще-

ственно въ дни праздника байрама: для него дорогъ каждый баранъ, дающій доходъ своею шерстью, дороги и верблюдъ и лошадь, служащіе средствомъ къ передвиженію. Коровъ же въ оазисѣ мало, онѣ съ большимъ трудомъ акклиматизировываются, да и прокормленіе ихъ затруднительно при ограниченномъ количествѣ собираемаго въ странѣ клевернаго сѣна, употребляемаго исключительно для лошадей. Пищу приготовляетъ себѣ Текинецъ и печетъ хлѣбъ первобытнымъ способомъ, не прибѣгая къ помощи печей. Для варки пищи выкапывается въ землѣ небольшая ямка-замѣняющая очагъ, съ наклонною канавкой, служащею поддуваломъ; поверхъ ямы утверждается котелокъ, а подъ нимъ разводится огонь изъ степнаго ковыля или кусковъ саксаула. Приспособленія для печенія хлѣба нѣсколько сложнѣе; тутъ тоже выкапывается яма, но глубже, горшкообразной формы, стѣны ея смазываются глиной, на днѣ же разводится огонь изъ саксаула. Пока накаливаются стѣнки, замѣняющія при хлѣбопеченіи подъ нашихъ печей, Текинка занимается приготовленіемъ тѣста; разведя водой муку въ деревянной мискѣ и вымѣсивъ, она раскатываетъ тѣсто на разостланномъ халатѣ въ лепешки не болѣе полувершка толщиной. Лепешки эти она прикладываетъ къ успѣвшимъ уже накалиться щекамъ ямы, тыча въ нихъ пальцами; верхнее отверстіе закрывается, и черезъ четверть часа чурекъ (хлѣбъ) готовъ. Нельзя отказать ему въ хорошемъ вкусѣ, но видѣвшій какъ его приготовляютъ врядъ ли согласился бы его ѣсть: такою неряшливостью сопровождается это приготовленіе. Да и вообще въ домашней жизни Текинца трудно встрѣтить опрятность, такъ какъ кибитка, доставляя ему и семьѣ жилище, служитъ въ то же время зачастую хлѣвомъ для ягнятъ и телятъ: пыль же и песокъ, въ большомъ количествѣ попадающіе въ нее, дѣлаютъ соблюденіе опрятности невозможнымъ, несмотря на желаніе. Не имѣя печей, импровизованное жилье это согрѣвается зимой при помощи костра, раскладываемаго посрединѣ; трубою служитъ верхнее отверстіе, на этотъ разъ освобождаемое отъ войлока; оно же служитъ окномъ и вентиляторомъ, такъ какъ другихъ оконъ не имѣется.

Вся обширная страна извѣстная подъ именемъ Закаспійской области, заключенная между границами Хивы съ сѣвера и сѣверо-востока, Бухары и Афганистана съ востока и юго-востока, Персіи съ юга и Каспійскаго моря съ запада, занимая собою около тысячи верстъ въ длину и столько же въ ширину, омывается лишь тремя небольшими рѣчками, сгруппировавшимися въ Мервскомъ оазисѣ, Кушкою, Мургабомъ и Теджентомъ, при чемъ послѣдній лѣтомъ высыхаетъ. Въ остальной части страны попадаются лишь небольшіе источники (арыки) не болѣе $2^1/_2$ аршинъ шириной и полуаршина глубиной. И то ихъ можно встрѣтить только въ южной части области, въ сѣверной же нѣтъ даже мало-мальски сносныхъ колодцевъ. Въ такой-то странѣ, гдѣ 60 градусовъ жары не рѣдкость, принужденъ былъ Текинецъ положить начало земледѣлію и скотоводству. Удивляешься какъ хватило силы воли, энергіи и твердости этому народу начать борьбу изъ-за воды съ почвою и солнцемъ и выйти изъ нея побѣдителемъ. Человѣкъ стоящій на низкой степени умственнаго развитія можетъ въ данномъ случаѣ служить образцомъ для цивилизованнаго Европейца. Онъ не только озаботился добыть себѣ воду тамъ гдѣ ея нѣтъ, но и предохранилъ ее отъ вліянія все изсушающихъ солнечныхъ лучей. Сооруженія, сдѣланныя для добыванія воды и предохраненія ея отъ солнца и раскаленнаго воздуха, поистинѣ изумительны. Они просты и однообразны, какъ и все окружающее Текинца, но въ то же время грандіозны, цѣлесообразны и представляютъ гигантскую работу.

Такъ какъ въ юго-восточной части оазиса, кромѣ небольшихъ арыковъ, не могущихъ орошать необходимое количество пашень, другихъ источниковъ не имѣется, то явилась потребность провести воду изъ горъ, гдѣ попадаются озера и обильные источники. Но проводя ее въ видѣ ручьевъ, приходилось озаботиться чтобы солнце не уничтожило трудовъ, изсушивъ воду прежде чѣмъ она достигнетъ мѣста своего назначенія. Невольно поражаешься при видѣ приноровленныхъ къ этой цѣли приспособленій, называемыхъ

карызами. Карызъ, это не что иное какъ подземная галлерея, идущая на протяженіи 15, 20 и болѣе верстъ, которую проводятъ отъ озера или источника въ то мѣсто, гдѣ является настоятельная потребность въ водѣ. Эта подземная галлерея служитъ русломъ ручью, искусственно выпускаемому изъ озера или горнаго источника. Подземный сводъ долженъ служить щитомъ отъ солнца и препятствовать испаренію и высыханію. Трудная работа этимъ не ограничилась; устроивъ русло для новаго ручья или заставивъ повернуть въ него одинъ изъ старыхъ, нужно еще оградить его отъ засоренія, что тоже не было забыто и составило не легкій трудъ. Въ видѣ средства отъ засоренія появились въ галлереѣ колодцы, выкапываемые чрезъ каждыя 15 или 20 саженъ, при чемъ у верховья карыза выкапывался одинъ большой, глубиною доходящій до 20 саженъ, глубина же послѣдующихъ постепенно уменьшаетсяь но не опускается ниже десяти саженъ. Дойдя до пашень нуждающихся въ орошеніи, галлерея или карызъ прекращается, вода освобождается изъ своего заточенія и выпускается наружу, имѣя по обоимъ своимъ берегамъ пашни, отдѣленныя одна отъ другой не межами, какъ у насъ, а небольшими глинобитными стѣнками полуторафутовой высоты. Такъ какъ при жаркомъ климатѣ и затвердѣвшей почвѣ одна лишь близость воды не можетъ имѣть орошающаго значенія, то явилась потребность производить орошеніе посредствомъ заливанія пашень на нѣкоторое время водой. Такъ какъ одновременное орошеніе всѣхъ полей истощило бы источникъ и было бы дѣломъ невозможнымъ, то поля орошаются поочередно, какъ бы по росписанію. Вода, помощью небольшихъ приспособленныхъ для того шлюзовъ, напускается сперва въ одинъ участокъ, состоящій изъ нѣсколькихъ пашень; простоявъ здѣсь часа три или четыре, вода переводится въ русло посредствомъ запиранія боковаго шлюза и открытія поперечнаго *), чтобы сейчасъ

*) Весь ручей обыкновенно покрытъ шлюзами. Около каждаго участка таковыхъ два: одинъ поперекъ русла, другой поперекъ канавки идущей отъ русла къ пашнѣ. Закрывая первый и открывая второй, заставляютъ воду разливаться по полю.

быть пущенною на слѣдующіе участки. Точно такъ же поступаютъ и съ арыками. Это, такъ сказать, первый видъ карыза; второй же его видъ нѣсколько сложнѣе и требуетъ большой степени ума и развитія въ строителѣ. Мы имѣемъ ту же самую подземную галлерею, также идущую зачастую на большомъ разстояніи, съ тѣми же очистительными колодцами, но съ тою разницей, что назначеніе ея быть водопроводомъ не изъ надземнаго, а изъ подземнаго источника.

Въ мѣстахъ гдѣ нѣтъ озеръ или видимой воды, Текинцы, Богъ ихъ вѣдаетъ какъ, какимъ-то инстинктивнымъ чутьемъ, находили подпочвенную воду и, случалось, на весьма значительной глубинѣ. Отыскавъ такую воду, они рыли колодезь, отъ стѣнъ котораго начинали вести карызъ. Нечего и говорить сколько требовалось ума, энергіи и смѣлости при подобныхъ работахъ, сколько гибло людей задавленныхъ обвалившимися сводами, убитыхъ сорвавшимися бадьями.

И что всего страннѣе и поразительнѣе, это—что люди не имѣющіе понятія о нивеллированіи провели галлереи съ требуемымъ уклономъ, безъ помощи инструментовъ придавая имъ прямолинейность. При всемъ этомъ они въ своихъ работахъ достигли того, чего не достигаетъ человѣкъ образованный.

Въ Европѣ всѣ существующіе водопроводы доставляютъ воду изъ надземныхъ источниковъ; здѣсь же эксплуатируются и подземные, что незнакомо Европейцу. Подобные карызы существуютъ до настоящаго времени, ими пользуются и теперь. Болѣе грандіозные изъ нихъ можно встрѣтить въ аулѣ Кара-Бендъ и около Асхабада, при чемъ послѣдній, начинаясь на персидской территоріи. въ долинѣ Алла-Дага, у кишлака (поселеніе) Рышгана, тянется на 25 верстъ. Карызъ этотъ представляетъ собою исключеніе между другими, такъ какъ онъ состоитъ изъ двухъ галлерей, изъ которыхъ одна предназначается собственно для Рышгана и его мельницы. Путешественника удивляетъ грандіозность этихъ сооруженій; но если онъ обратитъ вниманіе на инструменты, которыми распо-

лагаетъ Текинецъ, то будетъ пораженъ окончательно. Ведро, веревка, ломъ, лопата—и ничего больше! Не знаю какъ производились эти работы, но если судить о нихъ по способамъ рытья колодцевъ въ настоящее время, то нельзя не назвать этотъ способъ оригинальнымъ. Колодцы, какъ бы глубоки они ни были, имѣя круглую форму, безъ сруба, никогда не дѣлаются болѣе полутора аршина въ діаметрѣ; выкапываемая земля устраняется помощью ведра, подымаемаго веревкой; самъ же землекопъ, спускаясь и подымаясь, обходится безъ веревки, двигаясь единственно съ помощью спины и ногъ. Упираясь спиною въ одинъ бортъ колодца, ногами же въ другой, онъ какъ бы пресмыкается, что не мало смѣшитъ непривычнаго зрителя.

Не менѣе искусно устроены и мельницы. Вѣтряныхъ здѣсь нѣтъ совершенно, такъ какъ чрезвычайно сильные вѣтры ломали бы ихъ; встрѣчаются исключительно водяныя, при чемъ строятся онѣ въ горахъ, гдѣ есть источники падающіе съ высоты, какъ, напримѣръ, въ Кизилъ-Арватскомъ ущельѣ, или же по близости горъ, и въ такомъ случаѣ вода изъ озера или источника переводится въ искусственно приготовленное русло, находящееся на спеціально устроенной для того насыпи, тянущейся на нѣсколько верстъ уступами. при чемъ каждый нижній уступъ не служитъ продолженіемъ верхняго, такъ что въ общемъ линія эта имѣетъ видъ ломаной и въ горизонтальной и въ вертикальной проэкціи. Въ углахъ, гдѣ образуется переломъ, воду заставляютъ, поворотивъ, падать въ нижележащее русло, и при паденіи своемъ она приводитъ въ движеніе колесо устроенной здѣсь мельницы *), дальше повторяется то же самое, такъ что получается цѣлый рядъ мельницъ слѣдующихъ въ нисходящемъ порядкѣ.

Недостатокъ воды въ этой мѣстности и трудность ея добыванія поставили ее выше денегъ, сдѣлали предметомъ высокой

*) При чемъ турбина, т. е. мельничное колесо, не на горизонтальной оси, какъ у насъ а на вертикальной.

цѣнности, мѣриломъ достаточности, а впослѣдствіи и общественнаго значенія человѣка, такъ какъ оно опредѣляется здѣсь не количествомъ скота или земли, которыми владѣетъ тотъ или другой, а правомъ его на воду, ибо не всѣ пользуются ею одинаково: одни имѣютъ право напускать ее на поля, другіе только поить перевозочный скотъ, третьи удовлетворять лишь домашнія потребности. Да, не дешево досталась туземцу побѣда надъ природой если она повела къ установленію градаціи въ правѣ владѣнія такимъ насущнымъ предметомъ какъ вода. Эта вѣковая борьба не могла пройти безслѣдно, не наложивъ на Текинца особой печати, выдѣляющей его изъ другихъ сродственныхъ племенъ. Особенность эта рѣзко проглядываетъ, между прочимъ, въ отношеніи Текинца къ женщинѣ и во взглядѣ на нее.

Текинка не похожа на другихъ мусульманокъ, не имѣющихъ права показаться постороннему мужчинѣ, не знакомыхъ съ иною жизнью кромѣ жизни гарема, но не похожа, по своему общественному положенію, и на европейскую женщину. Она равноправна. Текинецъ не смотритъ на свою жену, какъ на наложницу или только какъ на рабочую силу въ хозяйствѣ, а видитъ въ ней жену и друга, человѣка себѣ равнаго; онъ не постыдится признать надъ собою умственное и нравственное превосходство женщины и подчиниться ему, если таковое за ней имѣется. За примѣрами ходить не далеко: еще недавно правителями у нихъ являлись женщины, предъ волей которыхъ склонялись, но склонялись какъ предъ неоспоримымъ авторитетомъ ума и добродѣтели. Такъ, въ 1884 году по одному слову мервской ханши цѣлое племя приняло подданство Россіи; ея примѣру послѣдовали и другіе вассальные ханы.

Подобные взгляды на женщину и отношенія къ ней, столь противорѣчащіе духу магометанства и религіознымъ его воззрѣніямъ, выработались въ Текинцѣ подъ вліяніемъ той же мачихи-природы, которая принудила, въ борьбѣ съ нею, дружно сло-

титься мужчину и женщину, заставивъ ихъ искать другъ въ другѣ опоры и поддержки.

Текинецъ не могъ обречь свою жену на жизнь наложницы, подчинивъ ее правиламъ гаремной жизни, не могъ уже потому, что не справился бы самъ со своимъ полемъ: волей или неволей, жена должна была явиться его помощницей; не могъ также обратить ее и въ рабыню, взваливъ на ея плечи всѣ тягости работъ, самъ предаваясь кейфу, ибо онъ дорого бы поплатился за свою лѣность: раскаленный воздухъ и жгучее солнце не даютъ возможности продержать хлѣбъ лишній день на корню. Въ данномъ случаѣ онъ былъ бы принужденъ обратиться въ помощника своей жены, а равномѣрный трудъ уравниваетъ и людей. Наконецъ, женщина, работая на ряду съ мужчиной, имѣя возможность выказать свои способности, не уступающія его способностямъ, могла во-очію убѣдить его въ справедливости того, что „умъ—хорошо, а два—лучше“. Ко всему этому, совмѣстное жительство въ одной кибиткѣ и нахожденіе послѣдней въ общемъ аулѣ, слишкомъ скученномъ, не могли развить гаремной жизни. Мало того, осенью, кончивъ свои полевыя работы, Текинецъ отправляется на аламанъ, оставляя домъ и все хозяйство на рукахъ жены. Будь она созданіе воспитанное для развлеченія, или загнанное, забитое существо, привыкшее только безпрекословно исполнять прихоти и приказанія мужа, а не равноправный членъ семьи, плохо бы пришлось тогда оставленному у нея на рукахъ дому. Песокъ, пустыня, нескончаемая, ожесточенная борьба съ нею и окружающими людьми потребовали полнаго развитія всѣхъ силъ человѣческихъ и уравняли женщину и мужчину. Женщина мало-по-малу отвоевывала себѣ мѣсто, сдѣлавшись сперва помощницей мужа, затѣмъ его совѣтницей и наконецъ другомъ. Всему этому не мало способствовалъ полнѣйшій индифферентизмъ туземца къ магометанской религіи, освобождающій его отъ множества религіозныхъ предразсудковъ. Хотя въ бракѣ Текинца и сохранились нѣкоторые обычаи магометанства, такъ, напримѣръ, онъ долженъ покупать себѣ

жену, внося за нее калымъ (наше древнее вѣно), но и калымъ, съ каждымъ годомъ уменьшаясь въ цѣнности, сталъ теперь выводиться.

Только при такихъ установившихся отношеніяхъ двухъ половъ и могъ Текинецъ, одержавъ побѣду надъ природой, отстоявъ воду, положить начало земледѣлію и скотоводству. Тѣмъ не менѣе, продуктовъ этой промышленности было для него недостаточно, и этотъ недостатокъ онъ съ избыткомъ пополнялъ грабежомъ сосѣднихъ персидскихъ провинцій, отличавшихся большимъ плодородіемъ почвы и относительною зажиточностью осѣдлыхъ Персовъ. Грабежи эти, или аламаны, съ поселеніемъ Текинцевъ у подножія Копетъ-Дага развились въ большихъ размѣрахъ, благодаря сравнительной скученности племени, близости къ границѣ, хорошему знакомству съ горами, ихъ тропинками и проходами. Съ этого времени среди Текинцевъ начинаетъ появляться большая и болѣе правильная организація, являются ханы или сердари. Впрочемъ, ханы эти въ дѣлѣ управленія народомъ имѣли мало значенія. Въ ханы избирались люди составившіе себѣ хорошую боевую репутацію, знакомые съ пограничною мѣстностью, которые должны были руководить аламанами. Управленіе же и судъ были общественные. Въ дѣлежѣ добычи ханы не пользовались преимуществами, все дѣлилось между членами шайки поровну. При этомъ набѣги производились не цѣлымъ племенемъ, а частями, небольшими бандами, не превышавшими численностью 1.000 человѣкъ, по иниціативѣ то одного, то другаго хана, не приказывавшихъ, однако, тѣмъ или другимъ лицамъ принимать участіе въ предпріятіи, а вызывавшихъ охотниковъ. Какъ разсказываетъ французъ Фурье, долгое время служившій въ Персіи, вызовъ этотъ дѣлался слѣдующимъ образомъ: ханъ желавшій предпринять походъ выставлялъ возлѣ своей кибитки копье съ прикрѣпленною къ острію горящею паклей, а по ауламъ разъѣзжали глашатаи, громко возвѣщавшіе о предстоящемъ аламанѣ. Желавшіе принять въ немъ участіе втыкали свои копья рядомъ съ копьемъ хана. Черезъ нѣсколько вре-

мени, когда собиралось достаточное количество копій свидѣтельствующихъ о числѣ желающихъ, дѣлались приготовленія къ выступленію. Смотря по степени популярности хана собиралась и болѣе или менѣе многолюдная банда охотниковъ, готовыхъ идти съ нимъ на аламанъ. Уходя въ Персію, Текинцы веденіе всего хозяйства, какъ я уже сказалъ, возлагали на женъ.

Врываясь въ сосѣднюю страну, разбивая иногда на голову десятитысячныя арміи, предавая все огню и мечу, наводя панику на далекія окрестности, грабя имущество, Текинцы уводили съ собою въ плѣнъ населеніе, и поработивъ его, обращали на тяжелыя работы. Доставалось при этомъ и хорошо вооруженнымъ пограничнымъ персидскимъ крѣпостямъ, которыя нерѣдко обращались въ развалины, подобно разрушеннымъ до тла укрѣпленіямъ въ Анау и Лютфабадѣ.

Эти аламаны развили воинственный духъ у Текинцевъ, вселили въ нихъ вѣру въ свою непобѣдимость, что такъ дорого обошлось намъ впослѣдствіи и такъ пригодилось теперь. Они породили среди туземцевъ героевъ, память о которыхъ переходитъ изъ рода въ родъ, и имя коихъ служитъ символомъ гражданской доблести. О нихъ слагались пѣсни, въ родѣ нашихъ былинъ, и теперь распѣваемыя народомъ; могилы ихъ и теперь, отличаясь своимъ наружнымъ видомъ отъ прочихъ, считаются священными и содержатся въ исправности. Могилы эти бываютъ двухъ родовъ: или въ видѣ большихъ насыпныхъ кургановъ, подобныхъ тѣмъ что встрѣчаются у насъ въ Малороссіи, или же въ видѣ склеповъ, то-есть небольшихъ глинобитныхъ домиковъ съ куполообразною крышей, поставленныхъ надъ могилой; домики эти безъ оконъ, съ одною узкою стрѣльчатою дверью. Крыши бываютъ объ одномъ, двухъ и трехъ куполахъ, смотря по заслугамъ покойнаго. Такими могилами усѣяна дорога отъ Кизилъ-Арвата до Мерва; курганы же можно встрѣтить въ Бами, Арчманѣ, Беурмѣ, Дурунѣ и Геокъ-Тепе.

Съ окончаніемъ аламановъ, Текинцы перекочевывали на зиму въ пески, гдѣ отдохнувъ, возвращались весной къ горамъ для работы до осени и для грабежа до зимы. Но въ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, насталъ конецъ и аламанамъ, давшій Персамъ возможность вздохнуть свободною грудью, благословляя русское имя. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ разбойничью свободу Текинцевъ начало стѣснять появленіе Русскихъ на ихъ территоріи, а въ 1881 году этой свободѣ былъ совсѣмъ положенъ конецъ. Съ той поры Текинцы были вынуждены забыть аламаны и исключительно трудомъ добывать себѣ пропитаніе.

II.

Обзоръ экспедицій и краткая исторія покоренія оазиса.

Умиротвореніе и покореніе Ахалъ-Текинскаго оазиса произошло не сразу, а постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Долгое время, кромѣ траты людей, денегъ, и притомъ не малыхъ, мы не имѣли никакихъ результатовъ. Такая длинная проволочка происходила отъ полнѣйшаго незнанія и народа, съ которымъ мы имѣли дѣло, и страны, въ которой приходилось оперировать. Мы слишкомъ понадѣялись на себя, на свою боевую опытность, на обученное и дисциплинированное войско, пренебрегая Текинцами, считая ихъ простыми халатниками, видя въ нихъ нестройную азіятскую толпу, которая при первомъ же орудійномъ выстрѣлѣ разсѣется вмѣстѣ съ дымомъ; мы посылали сначала незначительные отряды, упуская изъ виду то обстоятельство, что непривычный нашимъ солдатамъ климатъ разрѣдитъ ихъ ряды на половину. Впослѣдствіи мы разочаровались на горькомъ опытѣ и понесли не малыя потери.

Не говоря уже о мелкихъ экспедиціяхъ, достаточно указать на то, что и послѣдняя экспедиція 1880 и 81 годовъ, имѣвшая въ своемъ распоряженіи несравненно большее количество войскъ чѣмъ предыдущія и значительную артиллерію, при вполнѣ обез-

печенномъ тылѣ, съ опорными пунктами и съ заранѣе наполненными складами продовольствія, наглядно доказала, что Текинцы непріятель серьезный, и что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя приравнивать къ другимъ среднеазіятскимъ народамъ. Воспитанный на грабежѣ, взросшій на разбоѣ, съ молокомъ матери всосавшій убѣжденіе, что убійство для защиты своей независимости есть великая добродѣтель, съ презрѣніемъ относящійся къ жизни себѣ подобныхъ, да и къ своей собственной, терпѣливо переносящій физическую боль, привыкшій къ лишеніямъ всякаго рода, прекрасно владѣющій холоднымъ оружіемъ и считающій себя непобѣдимымъ—каждый Текинецъ представлялъ собою типъ непобѣдимаго воина.

Не буду подробно описывать каждую экспедицію въ отдѣльности; это не входитъ въ планъ моего очерка, и подобныя описанія умѣстнѣе въ трудахъ спеціально имъ посвященныхъ. Ограничусь краткимъ обзоромъ этихъ экспедицій, съ цѣлью указать какъ трудно далось намъ завоеваніе оазиса и какъ энергично отстаивалъ Текинецъ свою независимость, и отмѣчу при этомъ нѣкоторые отдѣльные факты, обрисовывающіе нравственную физіономію туземца.

Въ 1869 году, на восточномъ берегу Каспійскаго моря, въ Красноводскомъ заливѣ, впервые высадился небольшой русскій отрядъ и основалъ поселеніе, которое обратилось впослѣдствіи въ городъ Красноводскъ, сдѣлавшійся базой для операцій мелкихъ отрядовъ. Позднѣе, базою для болѣе крупныхъ отрядовъ сдѣлался городъ Чикишляръ, такъ какъ переводъ изъ этого пункта въ Ахалъ-Текинскій оазисъ менѣе затруднителенъ чѣмъ отъ Красноводска, отдѣленнаго отъ оазиса полуторастоверстною безводною пустыней.

Небольшой отрядъ высадившійся въ Красноводскѣ, вслѣдствіе своей малочисленности и недостаточности артиллеріи и перевозочныхъ средствъ, при сравнительно маломъ санитарномъ составѣ, не могъ переносить театра своихъ дѣйствій далеко отъ опорнаго пункта,

а потому задача его ограничилась защитой мирныхъ Туркменъ, обитавшихъ по восточному берегу Каспійскаго моря, отъ набѣговъ разорявшихъ ихъ Текинцевъ. Послѣдніе, оставивъ въ покоѣ Туркменъ и лишь изрѣдка появляясь въ ихъ земляхъ, не переставали грабить Персію, гдѣ наводили панику и уныніе; не забывали также Хивы и Бухары. Солоно приходилось отъ нихъ сосѣдямъ, но бороться съ Текинцами они не могли.

Нѣсколько разъ пробовали Русскіе увѣщевать Текинцевъ, уговаривая ихъ бросить аламаны, но это ни къ чему не вело. Даже позднѣе, въ 1879 году, когда генералъ Ломакинъ, явившись со внушительными силами, потребовалъ покорности, Текинцы, подобно древнимъ Спартанцамъ защищавшимъ Ѳермопилы, отвѣчали лаконически: „приди и покори“.

Пришлось перейти отъ словъ къ дѣлу, но это оказалось не легко. Для того чтобы покорить Текинцевъ, мало было разбить и разсѣять двѣ, три шайки, надо было уничтожить хищничество въ корнѣ, а это возможно было только въ его гнѣздѣ, для этого нужно было проникнуть въ самый оазисъ, такъ тщательно ими оберегаемый, окруженный самою природой такими трудно преодолимыми преградами.

Переходъ во 101 версту до аула Молла-Кары и въ 50 верстъ къ юго-востоку до аула Казанджикъ по безводнымъ пустынямъ лѣтомъ, когда жары достигаютъ своего апогея, порождая въ изобиліи солнечные удары и развивая всевозможнаго рода заболѣванія, отъ простой лихорадки до тифа и воспаленія легкихъ,—переходъ этотъ просто немыслимъ. Не менѣе труденъ онъ и зимой, когда лютые морозы оковываютъ льдомъ берега Каспійскаго моря, дѣлая доставку боевыхъ и жизненныхъ припасовъ затруднительною, а иногда на мѣсяцъ и на два совершенно невозможною. Оставались свободными для операцій лишь сравнительно короткая весна и осень, да и послѣдняя, съ ея тропическими ливнями, растворяющими почву оазиса до невозможности маневрировать, доставляла не мало возни и хлопотъ не только обозамъ и артиллеріи, но даже вой-

скамъ, какъ конным̈ъ, такъ и пѣшимъ. Если же ко всему этому прибавить цѣлый рядъ, хотя и своеобразныхъ, тѣмъ не менѣе сильныхъ крѣпостей или *калъ*, какъ называютъ ихъ туземцы, то сдѣлается вполнѣ ясною вся трудность задачи возложенной на крошечный отрядъ, долженствовавшій бороться чуть не съ полумилліоннымъ населеніемъ вооруженнымъ отъ мала до велика.

Небольшая по ширинѣ полоса населенной страны, не давая тому или другому пункту значенія середины или предѣла, въ стратегическомъ смыслѣ, дала Текинцу возможность, гдѣ бы онъ ни поставилъ крѣпость, защищать ею входъ въ оазисъ. Цѣлый рядъ такихъ крѣпостей, какъ-то: Коджь, Бами, Сунча, Арчманъ, Беурма, Бехарденъ, Дурунъ, Мурча, Келятэ, Караганъ, Яраджи, Карызъ, Янги-Кала, Бабарабъ, Акба, Актезапакъ, Кипчакъ, Мирава, Геокъ-Тепе, Ашкабадъ, Анау и Гяурсъ, не считая мелкихъ укрѣпленій именуемыхъ калами и массы разбросанныхъ по степи сторожевыхъ башенъ, защищаютъ оазисъ со стороны Персіи, равно и отъ нашествія Русскихъ, избравшихъ мѣстомъ десанта Чикишляръ, такъ какъ путь изъ него лежитъ чрезъ второй водораздѣльный хребетъ Копетъ-Дага, Бендесенскимъ ущельемъ, по выходѣ изъ котораго развѣтвляется: двѣ дороги ведутъ на Беурму и одна на Бами, отстоящій отъ ущелья въ $23^1/_2$ верстахъ. Со стороны же красноводской базы доступъ въ оазисъ защищали Казанджикъ и Кизилъ-Арватъ. Впрочемъ, если бы даже и были устранены эти укрѣпленія, отряду неминуемо пришлось бы имѣть дѣло съ вышепоименованными.

Всѣ эти крѣпости, не хитрыя съ виду, не представляющія повидимому ничего не только грознаго, но мало-мальски серьезнаго, обманываютъ, подобно замаскированному морскому корсару, даже опытный взглядъ регулярнаго солдата. Обманываетъ неправильная форма укрѣпленій, противная самымъ элементарнымъ правиламъ фортификаціи, форма допускающая большія мертвыя пространства, изобилующая необороненными секторами. Но нужно принять во вниманіе, что строители этихъ крѣпостей, незнакомые

съ такимъ видомъ оружія, какъ артиллерія, не допускали его и у непріятеля, и потому могли, не стѣсняясь, придавать калѣ подобныя формы, такъ какъ при ружейномъ огнѣ, который безъ особаго затрудненія можно направлять въ различныя стороны, ни мертваго пространства, кромѣ неизбѣжно вытекающаго изъ свойствъ оружія, ни необороненныхъ секторовъ, при самыхъ разнообразныхъ исходящихъ углахъ, не получалось. Но что всего страннѣе, такъ это то что стѣны, предназначавшіяся для защиты отъ штурма и ружейнаго огня, выдерживали впослѣдствіи съ успѣхомъ и артиллерійскій огонь. Крѣпости эти имѣли большею частію видъ правильнаго четырехъугольника, въ рѣдкихъ случаяхъ многоугольника, обнесеннаго вокругъ глинобитною стѣной около трехъ саженъ высоты и наружнымъ, не превышавшимъ полуторасаженной глубины, съ $2^1/_2$ саженною шириной, рвомъ. Внутренній же видъ крѣпости невольно поражаетъ зрителя, такъ противорѣчитъ онъ неправильному внѣшнему. Внутреннее устройство крѣпости отчасти, разумѣется только въ идеѣ, напоминаетъ собою устройство европейскихъ крѣпостей; здѣсь вы встрѣтите и цитадель, и валгангъ у бруствера съ банкетомъ, и блиндажи, при чемъ не только цитадель со внутренностью, но и валгангъ фронтовъ не были лишены траверсовъ, прикрывающихъ отъ огня какъ демонтирнаго, такъ и амфиладнаго; точно также были снабжены траверсами и всѣ выходы изъ крѣпости, которыхъ было по одному на каждомъ фронтѣ.

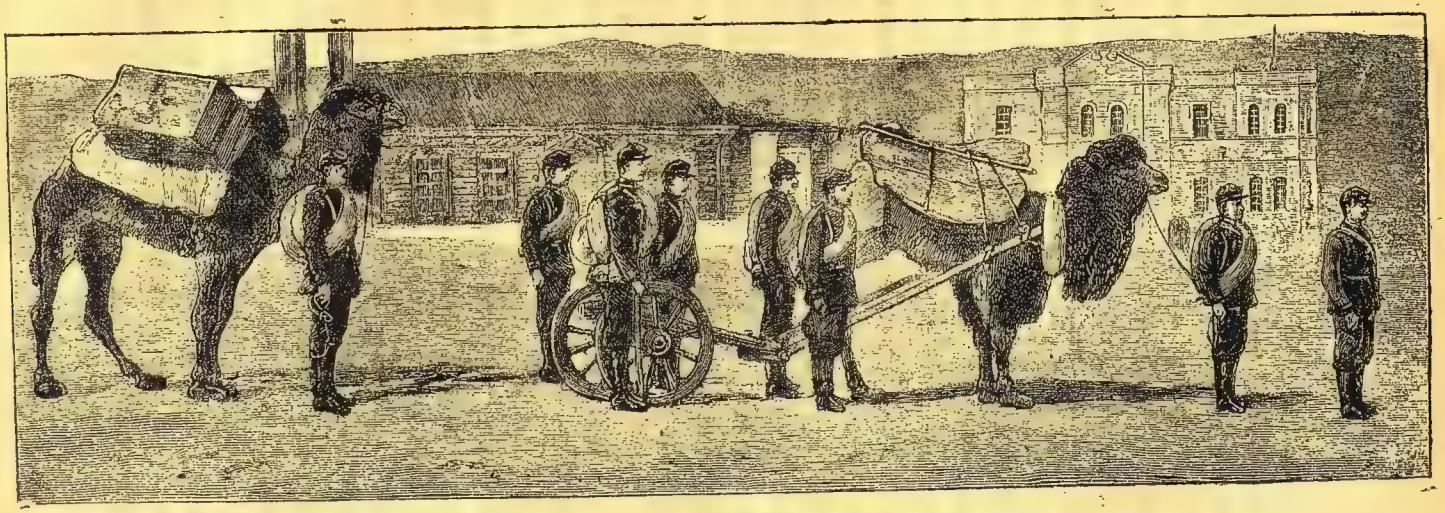
Стѣны крѣпости, а равно и цитадели, были сложены изъ саманнаго кирпича, то-есть не обожженнаго (сырца), смѣшаннаго съ саманомъ (разновидность клевера), и смазаны толстымъ слоемъ глины. Представляя въ своемъ основаніи трехъ и четырехсаженную ширину, кверху онѣ суживаются до двухаршинной толщины надъ банкетомъ, гдѣ находятся зубчатыя бойницы. Подъ валгангомъ же расположены блиндажи, имѣющіе видъ нашихъ казематированныхъ построекъ. Во внутренности цитадели точно также настроены глинобитныя сакли куполообразной и пирамидальной

формы, предназначавшіяся какъ для жилья, такъ и для храненія боевыхъ и жизненныхъ припасовъ; во дворѣ помѣщался во время осады весь скотъ, какъ вьючный, такъ и домашній, тамъ же были выкопаны ямы, замѣнявшія собою интендантскіе склады. Эти глиняныя стѣны, окрѣпнувъ отъ дѣйствія солнца, такъ отвердѣли, что большинство нашихъ артиллерійскихъ снарядовъ не были въ состояніи проникать и до половины ихъ толщи. Пришлось пустить въ ходъ навѣсную стрѣльбу, что, при отсутствіи мортиръ, съ одними полевыми орудіями было дѣломъ не легкимъ.

Крѣпости эти обыкновенно стояли пустыми, имѣя лишь небольшой караулъ, на обязанности котораго лежалъ и ремонтъ; собирались же туда всѣ жители со скотомъ и имуществомъ лишь когда угрожала опасность извнѣ.

Съ такими-то крѣпостями, перешедши пустыню, приходилось имѣть дѣло небольшому отряду, почти лишенному артиллеріи. Понятно, что долгое время всякія попытки были безуспѣшны, войскамъ не всегда даже приходилось проникать въ оазисъ; на половину порѣдѣвшія отъ всевозможныхъ болѣзней и нечаянныхъ нападеній, съ недостаточными перевозочными средствами, они должны были возвращаться ко своимъ базисамъ.

Въ 1876 году, нашимъ войскамъ впервые удалось проникнуть въ оазисъ и дойти до Кизилъ-Арвата, но разрушивъ его, они должны были снова отступить, не будучи въ состояніи удерживать натискъ вдесятеро сильнѣйшаго противника, лишившись притомъ въ пескахъ большей половины верблюдовъ и истощивъ боевые и жизненные припасы. Отступленіе это подняло духъ Текинцевъ, возвратило имъ самоувѣренность и сдѣлало немыслимымъ какое-либо миролюбивое соглашеніе. Пришлось послать болѣе значительныя силы, чтобы разгромить эту орду въ ея гнѣздѣ. Послѣдующія экспедиціи генераловъ Лазарева и Ломакина, имѣвшія значительно бо́льшія силы, пѣшія и конныя, а также и артиллерію, избрали своею базой укрѣпленіе Чикишляръ, отстоящій отъ Красноводска на сутки морскаго пути. Пунктъ этотъ пред-



Горная артиллерія, выступающая изъ Красноводска въ составъ экспедиціоннаго отряда.

ставлялъ собою больше удобствъ чѣмъ Красноводскъ уже потому, что переходъ изъ него въ оазисъ менѣе затруднителенъ, хотя въ одномъ мѣстѣ представлялъ также полосу песковъ на протяженіи 37 верстъ. Тѣмъ не менѣе и эти экспедиціи были неудачны; такъ, напримѣръ, въ 1878 году не пришлось даже проникнуть въ оазисъ. Много способствовало этому незнаніе мѣстности и отсутствіе картъ; приходилось дѣлать переходы относительно разстоянія гадательно, двигаться по разспроснымъ картамъ, а насколько послѣднія удовлетворяли своему назначенію можно было видѣть по ходу кампаніи; лазутчиковъ нельзя было отыскать ни за какія деньги, ни одинъ Текинецъ не хотѣлъ продавать интересы своей страны; кромѣ того, для перевозки грузовъ въ нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ требовалось имѣть верблюдовъ minimum 15.000, а удалось достать не болѣе трети, такъ какъ въ Персіи они въ весьма маломъ употребленіи, Бухара же, отрѣзанная отъ насъ непріятелемъ, не могла доставить своихъ; приходилось довольствоваться небольшимъ количествомъ верблюдовъ съ трудомъ добытыхъ изъ Оренбургскаго округа и нанятыми у мѣстныхъ Туркменъ, но послѣдніе шли не особенно охотно и вскорѣ покидали отрядъ. Виною тому были интендантскіе подрядчики (по большей части изъ Армянъ), какъ прежнихъ, такъ и послѣдующихъ экспедицій, немилосердно обиравшіе Туркменъ. Они ихъ обсчитывали, кормили впроголодь и всячески обижали.

При такихъ-то обстоятельствахъ, въ 1879 году, войска подъ начальствомъ генерала Ломакина, истощенныя и изнуренныя жарами, проникли чрезъ Бендесенское ущелье въ оазисъ и достигли главной крѣпости, Геокъ-Тепе, но потерпѣвъ при штурмѣ ея страшную неудачу, принуждены были отступить. Хорошо еще что Текинцы, незнакомые съ порядками регулярныхъ армій, видя въ отступленіи, совершаемомъ въ порядкѣ, только маневръ, не рѣшились преслѣдовать, боясь засады. Иначе небольшое количество войскъ, которое рѣшилось показаться у грозныхъ стѣнъ Геокъ-Тепе и вступить въ бой со многотысячною толпой, неминуемо

было бы истреблено въ Келятинскомъ ущельѣ. Отрядъ возвратился въ Чикишляръ. Впрочемъ, результатомъ этого похода было очищеніе Бами и изъявленіе покорности Кизилъ-Арватскимъ ханомъ и населеніемъ. Въ послѣдующее время, кромѣ небольшихъ стычекъ, не происходило ничего особеннаго. Такъ длилось до 1880 года, когда начальство надъ войсками принялъ покойный генералъ Скобелевъ. Прибывъ къ отряду, онъ прежде всего озаботился улучшеніемъ санитарной части и полеваго интендантства, для чего сдѣлалъ еще весною распоряженіе о покупкѣ и

Лазаретная фура, слѣдующая за экспедиціоннымъ отрядомъ.

наймѣ верблюдовъ. Въ Мангишлакскомъ приставствѣ (въ Киргизскихъ степяхъ) приставу, полковнику Навроцкому, было поручено пріобрѣсти 5.000 головъ; въ Оренбургскомъ округѣ 5.500, остальное количество должно было быть нанято подполковникомъ Щербиною у мѣстныхъ Туркменъ. Всего слѣдовало добыть 15.000, но добыли, какъ и надо было ожидать, лишь половину, да и та была доставлена только въ концѣ лѣта. Отъ прежнихъ же экспедицій осталось только 1.000 головъ, притомъ на половину больныхъ и изнуренныхъ. Только осенью 1880 года отрядъ,

составивъ кое-какъ транспортъ, могъ двинуться въ путь. Переходъ песчаною пустыней въ 37 верстъ до Бендесена былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ что пришлось ему испытать въ оазисѣ.

Съ половины сентября безпрерывные ливни превратили почву въ море жидкой и клейкой грязи, обладающей свойствомъ втягивать въ себя всѣ попадающіе въ нее предметы. Съ трудомъ можно было вытаскивать ноги, на которыя глина налипала фунтами... Отрядъ изнемогалъ, изнемогали также лошади и верблюды. На четырнадцатый день похода верблюды были уже неузнаваемы, представляя изъ себя страшное зрѣлище: горбовъ не было, на ихъ мѣстѣ зіяли громадныя раны, наполненныя темною кровью и гноемъ. Фуражировка была затруднительна, животныя падали отъ голода и истощенія; для того чтобы заставить легшаго на землю верблюда подняться и продолжать путь приходилось прибѣгать къ варварскимъ средствамъ. Вокругъ несчастнаго животнаго раскладывали сухой ковыль и поджигали, желая огнемъ сдвинуть его съ мѣста, но тотъ издыхалъ, а дальше не двигался. Къ тому же не мало безпокоили отрядъ налетавшія шайки джигитовъ, производившія въ рядахъ переполохъ и затѣмъ скрывавшіяся. Не мало также переносили офицеры и солдаты отъ недостатка пищи, вслѣдствіе отсутствія маркитанта, явившагося только въ срединѣ экспедиціи. Но несмотря на такое бѣдственное положеніе отряда, не предвѣщавшее, повидимому, ничего хорошаго, солдаты и офицеры не унывали, не падали духомъ, бодро подвигаясь къ Геокъ-Тепе. Они знали, что съ ними Скобелевъ, что стало-быть побѣда обезпечена.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ, появившись подъ стѣнами Геокъ-Тепе, куда собралось все населеніе оазиса, войска остановились, построили укрѣпленія, вырыли ложементы и начали осаду, подготовляя штурмъ. Не дешево онъ намъ обошелся, вырвавъ изъ строя генерала Петрусевича, убитаго на повалъ, массу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, и образовавъ по близости громадное кладбище. До 11 января 1881 года все время проходило въ болѣе

или менѣе крупныхъ схваткахъ съ дѣлавшими вылазки Текинцами. Наконецъ, къ 12 января, была готова проведенная отъ Великокняжеской калы минная галлерея, сдѣланная инженеромъ капитаномъ Масловымъ, предназначавшаяся для взрыва юго-восточной части стѣны, куда заранѣе были направлены штурмующія колонны. 12-го числа ожидался штурмъ, и чтобы навести панику, генералъ Скобелевъ приказалъ сдѣлать наканунѣ два взрыва по сосѣдству, съ помощью динамита и пироксилина. Охотниками произвести взрывы вызвались поручикъ (нынѣ штабсъ-капитанъ) 1-го Закаспійскаго желѣзнодорожнаго баталіона Остолоповъ, съ десятью нижними чинами того же баталіона, и гардемаринъ (нынѣ мичманъ) Каспійскаго экипажа Майеръ, съ четырнадцатью матросами. Пользуясь темнотой ночи съ 11 на 12 января, захвативъ съ собою полтора пуда динамита и столько же пироксилина, они спустились въ непріятельскій ровъ. Несмотря на то что камеры выдѣлывались стамезскими, во избѣжаніе шума, осажденные все-таки услышали стуки, рѣшили, что Русскіе дѣлаютъ подкопъ подъ стѣну, чрезъ который думаютъ проникнуть въ крѣпость, но не захотѣли мѣшать намъ, а собрались въ большомъ количествѣ на валгангѣ минируемой стѣны съ цѣлью убивать по одиночкѣ всѣхъ кто только будетъ выходить изъ подкопа. Эта простодушность жестоко покарала ихъ; въ скоромъ времени камеры были готовы, заряжены, фитиль зажженъ, и чрезъ двѣ минуты, съ оглушительнымъ трескомъ, глыбы земли взлетѣли на воздухъ, увлекая за собой тысячи наивныхъ простаковъ. При взрывѣ пострадалъ немного и Майеръ, не успѣвшій выскочить изо рва и подброшенный на воздухъ. Но онъ отдѣлался ушибами, судьба пощадила его до слѣдующаго дня, когда онъ, обливаясь кровью, упалъ, тяжело израненный *), во главѣ своихъ храбрыхъ матросовъ. На другой день, прежде чѣмъ Текинцы могли опомниться, былъ произведенъ новый взрывъ (капитана Маслова), образовавшій обвалъ, по ко-

*) Пуля, прострѣливъ лѣвую щеку и языкъ, засѣла подъ ключицей.

торому ворвались въ крѣпость штурмующія колонны... Закипѣлъ страшный, ожесточенный рукопашный бой, въ которомъ приняли участіе и женщины, и подростки. Каждую канавку, каждую кибитку приходилось брать штурмомъ, земля была усѣяна человѣчьими и лошадиными трупами, въ лужахъ крови плавали умирающіе... Чрезъ нѣсколько времени все стихло, и на стѣнахъ взвилось русское знамя, замѣненное вскорѣ Императорскимъ штандартомъ. Текинцы бѣжали въ Асхабадъ, чтобы заявить затѣмъ свою покорность Русскому Царю.

Штурмъ 12 января, уничтоживъ независимость Ахалъ-Текинцевъ, положилъ конецъ и аламанамъ.

Геройская защита Геокъ-Тепе и безусловное самопожертвованіе рельефно охарактеризовали Текинца, умѣющаго такъ доблестно, такъ рыцарски умирать за свою свободу. Тамъ не было отличавшихся храбростью: всѣ были равны, всѣ соревновали въ любви къ родинѣ, въ пренебреженіи къ жизни; женщины не были исключеніемъ. Факты изумительнаго хладнокровія и мужества текинской женщины встрѣчались на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, у аула Арчманъ поручикъ Ханъ-Нахичеванскій, увидѣвъ, что женщину, ведущую верблюда съ навьюченнымъ имуществомъ, окружаютъ нѣсколько человѣкъ нашихъ конно-иррегулярцевъ, обратился къ ней, конечно по-татарски, со словами: „Не бойся, они тебѣ ничего не сдѣлаютъ, тебя не тронутъ“. Женщина, гордо поднявъ голову, отвѣтила на это: „Да я и не боюсь, вотъ тыто смотри не трусь нашихъ, а мнѣ чего бояться?!“ Другая Текинка, сидя на краю канавы съ кускомъ ноги, оторваннымъ нашею гранатой, стрѣляла изъ револьвера по проходившимъ мимо драгунамъ. Нѣсколько другихъ женщинъ принесли на рукахъ къ Дагестанской сотнѣ отдѣлившагося отъ нея всадника, попавшаго въ аулъ и убитаго тамъ Текинцами. Болѣе эффектную картину, какъ выносъ тѣла убитаго врага группой женщинъ, трудно себѣ представить.

Какъ я уже сказалъ, удачнымъ штурмомъ Геокъ-Тепе закон-

чился рядъ экспедицій, а въ 1884 году поручику, нынѣ подполковнику, Алиханову удалось повліять на Мервскую ханшу, склонившую жителей принять подданство Россіи. Текинецъ, такъ упорно отстаивавшій свою свободу, легко свыкся теперь съ долей побѣжденнаго. Разъ покорившись и поселившись на прежнихъ мѣстахъ, крайне разбросанно по оазису, не имѣя ни общей связующей идеи, ни хановъ, ни властителей, онъ только въ такомъ случаѣ могъ бы возстать противъ Русскаго правительства еслибъ оно давило его. Но Текинцамъ оставлены ихъ собственный судъ и самоуправленіе, семействамъ разореннымъ во время войны оказано денежное вспоможеніе, и благодаря всему этому, въ новомъ своемъ подданномъ Россія имѣетъ теперь честнаго и спокойнаго человѣка.

Конечно, многіе спросятъ: зачѣмъ понадобилась намъ эта непривѣтливая страна съ ея жарами, съ ея сыпучими песками? за чѣмъ истрачено столько денегъ и людей на ея пріобрѣтеніе?

Отвѣтъ на эти вопросы очень простъ. Разъ мы имѣемъ въ своемъ подданствѣ мирныхъ жителей въ азіятскихъ владѣніяхъ, мы должны были озаботиться и объ огражденіи ихъ отъ хищныхъ сосѣдей, а единственнымъ средствомъ къ этому являлось покореніе Текинцевъ, подчиненіе ихъ своей волѣ, своимъ законамъ. Притомъ и страну эту далеко нельзя назвать бѣдною.

Бѣдна она для дикаря, могущаго эксплуатировать только внѣшность, но быть-можетъ не окажется бѣдною для человѣка цивилизованнаго, при эксплуатаціи ея нѣдръ, о которыхъ я скажу нѣсколько словъ ниже.

III.

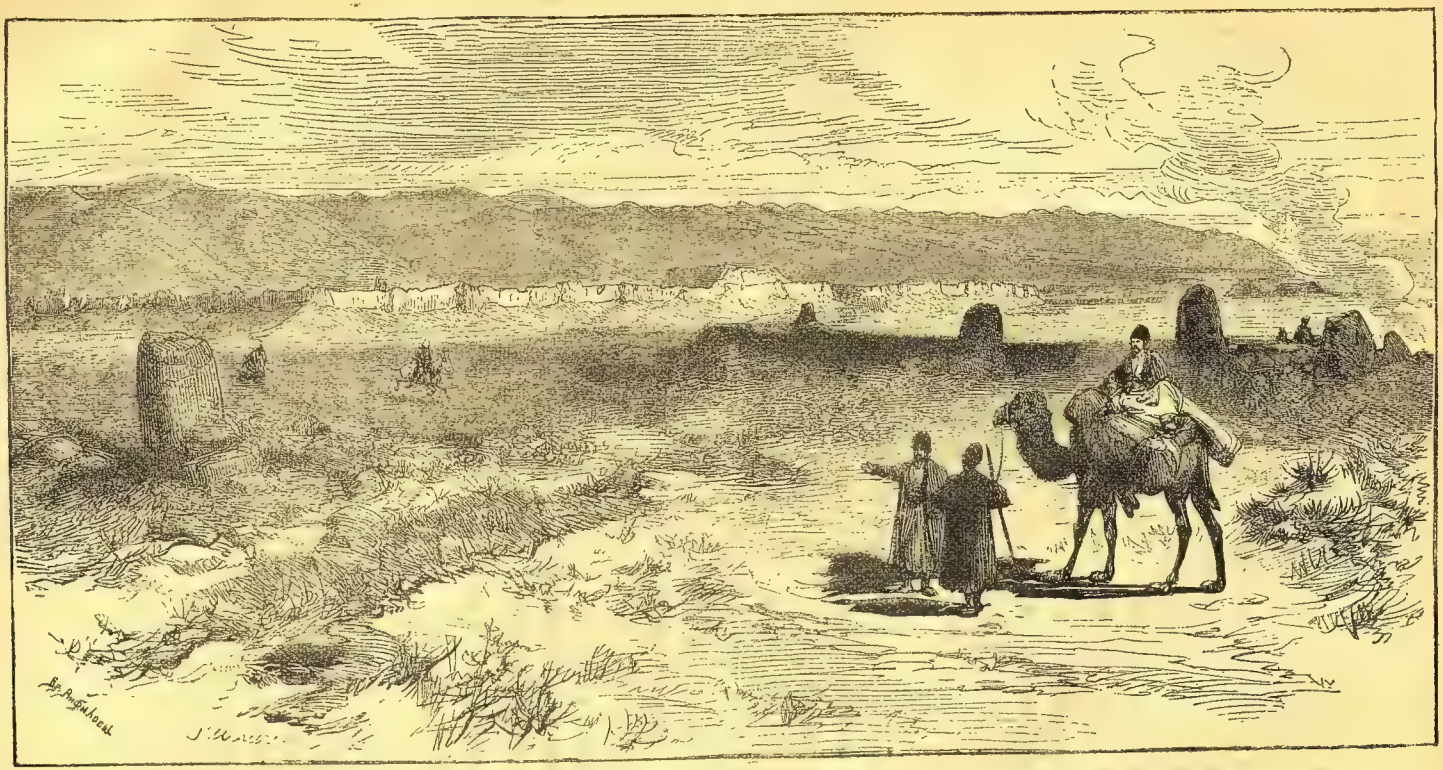
Оазисъ въ настоящее время.

Еще не такъ давно, при взглядѣ на карту Европейской Россіи, испещренную городами и селами, дорогами и рѣками, взоръ нашъ, переходя на восточное побережье Каспійскаго моря, отдыхалъ на бѣломъ полѣ, гласившемъ только: „Туркмены“. Прошло пять лѣтъ. Взгляните снова на карту, и увидите какъ испещ-

рилось это поле, покрытое новыми городами, изборожденное дорогами, свидѣтельствующими что и сюда по этимъ дорогамъ, хотя медленно, но неизмѣнно, шагъ за шагомъ подвигается впередъ и впередъ цивилизація. Прошло пять лѣтъ со времени присоединенія этого края, а между тѣмъ онъ преобразился до неузнаваемости. Гдѣ прежде Текинецъ чинилъ аламаны, наводя панику на все окружающее, тамъ теперь онъ, поселившись, въ потѣ лица добываетъ хлѣбъ, все болѣе расширяя кругъ своей полезной мирной дѣятельности. Недостатокъ воды является ему не малою преградой на пути культурнаго движенія, но и съ этимъ онъ продолжаетъ вести упорную борьбу, каждую каплю воды обращая себѣ на пользу.

Текинцы, послѣ покоренія, остались жить у подножія Копетъ-Дага; по сосѣдству съ ними поселились и Русскіе, основавъ цѣлый рядъ городовъ, или, вѣрнѣе сказать, поселеній, около тѣхъ мѣстъ гдѣ прежде были туземныя укрѣпленія. Первое время контингентъ Русскихъ былъ чисто военный, кромѣ необходимаго, сравнительно малаго, числа торговцевъ и маркитантовъ; но мало-по-малу начали появляться и частныя лица: мастеровые, ремесленники, аферисты, предприниматели; съ проведеніемъ желѣзной дороги до Асхабада и продленіемъ ея на Мервъ и Самаркандъ, появились фабриканты, горнопромышленники, представители различныхъ фирмъ завязавшихъ сношенія съ Центральною Азіей, такъ что въ настоящее время нѣкоторые города уже представляютъ собою оживленные пункты. Здѣсь можно встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ націй (только Евреевъ сравнительно мало, и тѣ—ремесленники).

Поселившись на прежнихъ мѣстахъ и прекративъ аламаны, Текинцы должны были не только обратить свой трудъ и вниманіе на хлѣбопашество и скотоводство, но изыскивать и другіе поддерживающіе существованіе способы, въ силу чего земледѣліе неминуемо должно было не только расширяться, но и разнообразиться. Помимо хлѣбныхъ злаковъ, на поляхъ появились хлопокъ



Укрѣпленіе Теджентъ.

и другія растенія, ранѣе неизвѣстныя. Съ появленіемъ же въ области Русскихъ, туземное населеніе начало мало-по-малу сближаться съ ними, брать примѣры осѣдлости; такъ, напримѣръ, теперь можно встрѣтить не мало ауловъ бросившихъ свои кочевья, хотя не отказавшихся еще отъ кибитокъ. Аулы эти преимущественно осѣдаютъ возлѣ русскихъ поселеній, центромъ которыхъ служитъ Асхабадъ, въ 402 верстахъ отъ берега Каспійскаго моря. Къ западу отъ Асхабада, по направленію къ морю, расположены укрѣпленія: Геокъ-Тепе у аула того же имени, въ 40 верстахъ отъ Асхабада, Бами во 110 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, чрезъ 50 верстъ Кизилъ-Арватъ, стоящій на полупути между моремъ и Асхабадомъ, далѣе Михайловскъ, Красноводскъ и Чикишляръ, расположенные по восточному берегу моря. Послѣдніе два города обладаютъ хорошими, вмѣстительными бухтами. Къ юго-востоку отъ Асхабада идутъ: Каахка (во 125 верстахъ), Кары-Бендъ (195 верстъ), Куйма-Аджаръ (250 верстъ), Мервъ (333 версты), Ташкепри и Пендэ (въ 40 верстахъ отъ Мерва) и Серахсъ въ углу Персидской и Афганской границъ.

Къ сожалѣнію, для всѣхъ вышеприведенныхъ поселеній, кромѣ приморскихъ, именуемыхъ городами, Русскіе выбрали очень неудобныя мѣста вблизи подошвы горъ (Копетъ-Дага), мѣста нездоровыя сравнительно съ другими частями Ахала, почему въ нѣкоторыхъ изъ нихъ свирѣпствуютъ тяжелыя малярійныя лихорадки. Геокъ-Тепе, напримѣръ, считается колыбелью всевозможныхъ болѣзней.

Въ административномъ отношеніи вся область раздѣлена на округа: Красноводскій, Чикишлярскій, Асхабадскій, Мервскій и Серахскій, во главѣ коихъ стоятъ окружные начальники, непосредственно подчиняющіеся начальнику области (онъ же командующій войсками), который, въ свою очередь, находится въ административной зависимости отъ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ.

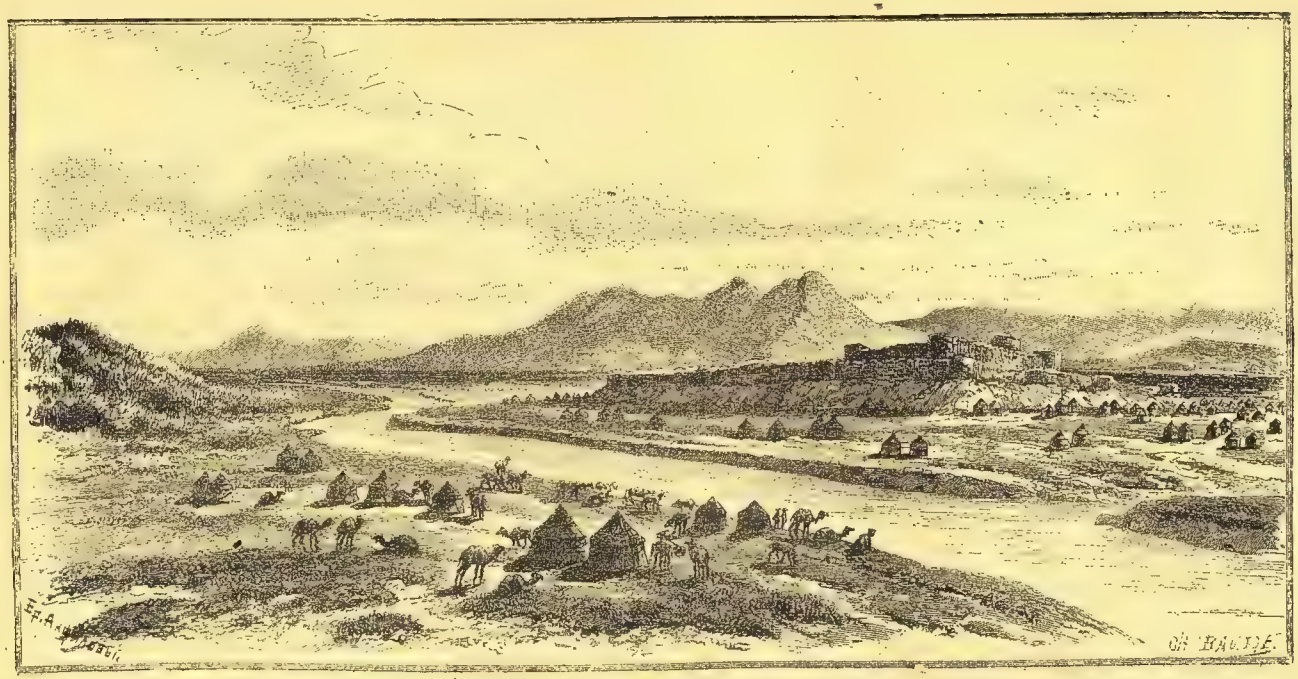
Новыя реформы въ область еще не проникли, да и не мо-

гутъ проникнуть еще долгое время по причинѣ разбросанности населенія и незнанія имъ русскаго языка, такъ что власть полицейская и судебная всецѣло принадлежитъ воинскимъ начальникамъ и ихъ помощникамъ, подчиняющимся начальникамъ округовъ. Хотя Закаспійская область въ судебномъ отношеніи и причислена къ Бакинскому судебному округу, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ въ судебной практикѣ не было ни одного примѣра чтобы туземецъ судился Бакинскимъ окружнымъ судомъ.

Ко вмѣшательству окружнаго суда могли бы повести только уголовныя преступленія, потому что дѣла разбираемыя обыкновенно мировыми судьями разбираются мѣстнымъ военнымъ начальствомъ, при чемъ апелляціонныя жалобы дальше начальника области не идутъ. Помимо того, разные проступки и преступленія, совершонныя въ ихъ средѣ, Текинцы предпочитаютъ, не доводя до окружнаго суда, разбирать своимъ общественнымъ судомъ, налагая взысканія по собственному, своеобразному, но очень практичному кодексу, не писанному, однакоже въ цѣлости и неприкосновенности переходящему изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кромѣ того, есть масса наказаній не вошедшихъ въ этотъ кодексъ, но избираемыхъ и примѣняемыхъ судомъ смотря по обстоятельствамъ, при чемъ, въ дѣлѣ наложенія такихъ взысканій, руководятся индивидуальными особенностями подсудимаго, его привычками, слабостями и т. п. *). Преступленія же уголовныя, какъ-то: убійство, грабежъ, возмущеніе (впрочемъ, примѣровъ послѣдняго не было), караются судомъ военнымъ, въ большинствѣ случаевъ полевымъ.

Вообще въ Закаспійской области чиновничьяго элемента пока мало, за исключеніемъ самаго необходимаго, какъ, напримѣръ, почтовыхъ, телеграфныхъ, интендантскихъ и казначейскихъ чиновниковъ.

*) Въ лѣто 1885 года, вовремя натянутыхъ отношеній нашихъ съ Англіей, пришлось строить плотину. Собранные Текинцы работали лѣниво; ханъ Махтумъ-Кули-Ханъ приказалъ раздѣть ихъ и поставить ногами на берегу Теджента, отдавъ на съѣденіе комарамъ: черезъ полчаса работа закипѣла.



Укрѣпленіе Пендэ.

Будучи лишена чиновничьяго духа, настоящая организація областнаго управленія, очень не хитрая, вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ и нуждамъ края; относясь въ высшей степени справедливо и гуманно къ населенію, она вселила въ туземцевъ уваженіе къ русской власти, къ русскимъ законамъ, вселила въ каждаго Текинца глубокое убѣжденіе въ томъ, что онъ самъ и его собственность вполнѣ гарантированы законами, преступленіе которыхъ кѣмъ бы ни было, не исключая самихъ начальниковъ, не можетъ оставаться безнаказаннымъ. Администрація области пріучила туземцевъ смотрѣть на себя не какъ на страшилище, карающее и за что слѣдуетъ и за что не слѣдуетъ, а какъ на защитника и покровителя, всегда готоваго помочь и словомъ и дѣломъ. Все это вмѣстѣ взятое уже вселило въ нихъ глубокую преданность къ Акъ-Падишаху (Бѣлому Царю) и Его слугамъ, правящимъ отъ Его имени. Слово Бѣлаго Падишаха столь же священно для Текинца, какъ и слово Корана, за то какъ же и гордится онъ бекшешемъ (подаркомъ) Русскаго Царя! Такъ они называютъ медали, кресты, даже значекъ разсыльнаго. Такимъ подаркомъ Туркменъ дорожитъ больше чѣмъ священнымъ амулетомъ. Амулетъ, говоритъ онъ, можно купить за 2 крана (персидская монета=70 коп.), а бешкешъ Падишаха можно пріобрѣсти только заслугой.

Человѣка побывавшаго въ городахъ и весяхъ нашего обширнаго отечества, когда онъ попадаетъ сюда, въ эту дальнюю окраину Имперіи, гдѣ, повидимому, есть полнѣйшая возможность ловить рыбу въ мутной водѣ, невольно поражаютъ здѣшніе порядки, отношеніе общественныхъ дѣятелей къ ихъ дѣлу, долгу и службѣ И не одна только администрація здѣсь достойна уваженія. Человѣкъ знающій хорошо армейскую среду нашей Имперіи, ознакомившись съ военнымъ обществомъ области, не можетъ не воздать ему должнаго. Тамъ гдѣ, повидимому, можно было бы встрѣтить людей отупѣвшихъ, такъ-называемыхъ „бурбоновъ“, смотрящихъ только въ рюмку, вы встрѣчаете разумную, хорошую, честную молодежь, съ отчетливымъ понятіемъ о своихъ обязан-

ностяхъ. Составу офицеровъ каждаго изъ Закаспійскихъ баталіоновъ можетъ позавидовать любая часть войскъ внутреннихъ губерній Имперіи. Я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю объ обществѣ офицеровъ 5-го (нынѣ 1-го) Закаспійскаго стрѣлковаго баталіона, въ средѣ которыхъ мнѣ приходилось вращаться, и которые извѣстны тамъ подъ именемъ „Закаспійской гвардіи". Понятно, что подобная среда, выдѣляя изъ себя должностныхъ лицъ, какъ напримѣръ полицеймейстеровъ, воинскихъ начальниковъ, ихъ помощниковъ, и другихъ, не могла не дать честныхъ и хорошихъ людей, сумѣвшихъ такъ высоко поднять русскій престижъ.

Вліяніе этой среды, благотворно отзывающееся на общественной (служебной) дѣятельности, не могло остаться безслѣднымъ и въ частной жизни общества, исключивъ изъ нея цинизмъ, грязь и пошлость, свойственные не только дальнимъ окраинамъ, но и захолустнымъ городкамъ внутренней Россіи, вдвинувъ эту жизнь въ рамки приличія и благопристойности, внеся въ нее цивилизующіе элементы. Это вліяніе создало общую тѣсную, семейную жизнь, если и не оградивъ ее окончательно отъ провинціальныхъ дрязгъ и сплетень, то на половину уменьшивъ и смягчивъ послѣднія. Въ области появились библіотеки и клубы, въ которыхъ устраиваются спектакли, литературные и музыкальные вечера. Въ общемъ жизнь здѣсь, въ столь непривѣтливой странѣ, сложилась не только сносно, но и симпатично. Съ появленіемъ русскаго населенія и приращеніемъ его, во всѣхъ укрѣпленіяхъ появились школы, которыя обставлены несравненно лучше нашихъ сельскихъ школъ и оказываютъ не малую услугу населенію, отдѣленному отъ коренной Россіи такимъ большимъ разстояніемъ. Одна изъ безспорно лучшихъ школъ въ области, Асхабадская, обязана своимъ благосостояніемъ и успѣхами А. А. Комаровой (дочери командующаго войсками), а равно и учительницѣ Вѣсичъ. Заботы г-жи Комаровой по отношенію къ школѣ сказываются не только въ ея попечительствѣ надъ нею, но и въ непосред-

ственномъ ея участіи въ дѣлѣ преподаванія: она приняла на себя безвозмездно обязанности учительницы.

Вообще появленіе Русскихъ въ краѣ оказало хорошее дѣйствіе на туземцевъ, обратившихъ нынѣ вниманіе исключительно на трудовую дѣятельность, которая съ нѣкотораго времени начала разнообразиться, представляя въ разныхъ районахъ особыя спеціальности; такъ, напримѣръ, если проѣхать отъ Каспійскаго моря до Афганской границы, можно замѣтить какъ подѣлились различные виды промышленности между аулами, сообразно почвѣ, количеству воды и условіямъ мѣстной жизни.

Племена кочующія вдоль восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, не имѣющія, кромѣ одежды и религіи, ничего общаго съ Текинцами (обитающими отъ аула Молла-Кары вглубь страны), подраздѣляются на отдѣльныя, родственныя между собою группы. Сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря занятъ Киргизами, юго-восточный—разновидными племенами, подъ общимъ наименованіемъ Туркменъ; самое многочисленное изъ нихъ и наименѣе симпатичное, это—Юмуды; небольшаго роста, коренастые, юркіе, съ маленькими глазами, они много напоминаютъ своихъ сородичей Киргизовъ. Единственный видъ промышленности у нихъ скотоводство, за отсутствіемъ плодородной почвы, и подчасъ набѣги на персидскую территорію, если только это можно назвать промышленностью. Затѣмъ, отъ аула Молла-Кары начинается племя Текэ, уже своимъ внѣшнимъ видомъ рѣзко отличающееся отъ Киргизовъ и Юмудовъ. Такого рослаго и прекрасно сложеннаго народа въ Азіи я еще не видывалъ. Безспорно, кавказскіе горцы болѣе граціозны и ловки, но по физическому развитію Текинцы стоятъ выше, хотя и народъ этотъ нельзя назвать красивымъ вообще, а его женщинъ въ особенности; только ослѣпительно бѣлые зубы и глубокіе добрые и умные глаза придаютъ ему симпатичный и добродушный видъ. Я говорилъ уже о костюмѣ Текинца; женскій костюмъ еще менѣе красивъ и состоитъ изъ трехъ частей: сорочки, кумачевыхъ, по большей части красныхъ шаль-

варъ (шараваръ) и синей съ красными полосками блузы, съ небольшимъ шлейфомъ; туфли тѣ же, что и у мужчины. Въ видѣ украшенія, въ жидкую черную косу вплетаются иногда персидскія серебряныя монеты. На ряду съ внѣшнею разницей между этимъ племенемъ и племенами упомянутыми выше, является разница и въ дѣятельности; такъ, напримѣръ, аулы Молла-Кары, Ушакъ, Ахча-Куйма, Казанджикъ, вплоть до самаго Кизилъ-Арвата занимаются скотоводствомъ и въ небольшомъ размѣрѣ земледѣліемъ, а также охотой на газелей, дикихъ барановъ и туровъ, попадающихся въ горахъ, въ большомъ изобиліи. Отъ Кизилъ-Арвата и дальше хлѣбопашество увеличивается въ ущербъ скотоводству, кромѣ того, къ нему присоединяется небольшое огородничество и травосѣяніе, главнымъ видомъ котораго является посѣвъ *юнжи* (разновидность клевера). Преобладающіе виды хлѣбныхъ злаковъ—пшеница и ячмень, замѣняющій здѣсь овесъ. Сѣно же бываетъ двухъ родовъ: во-первыхъ, горное, или саманъ, назначеніе котораго служить не только кормомъ скоту, но и строительнымъ матеріаломъ или, вѣрнѣе сказать, составною частью послѣдняго *), во-вторыхъ, юнжа. Посѣянная весной, юнжа вскорѣ даетъ первый сборъ прекрасной сочной травы, часть которой идетъ на текущій годъ, другая же часть заготовляется на зиму, для чего ее скручиваютъ въ толстые жгуты и затѣмъ сушатъ; послѣ перваго сбора, поля, уже безъ посѣва, покрываются снова зеленью, и такимъ образомъ бываетъ съ поля до трехъ сборовъ въ теченіе года.

Во 130 верстахъ отъ Кизилъ-Арвата, у аула Келятэ, огородничество стоитъ уже на ряду съ хлѣбопашествомъ, давая въ лѣто по три и по четыре сбора хорошихъ арбузовъ, тыквъ, дынь и огурцовъ. Бахчи служатъ большимъ подспорьемъ въ жизни жителей, несмотря на низкія цѣны ихъ продуктовъ, гораздо болѣе низкія чѣмъ у насъ въ степныхъ губерніяхъ. Огурцы, ко-

*) Сырцовый кирпичъ приготовляется изъ сырой глины, смѣшанной съ саманомъ, и носитъ названіе саманнаго кирпича.

торые по вкусу не уступаютъ малороссійскимъ и во всякомъ случаѣ лучше великороссійскихъ, также не дороги. Къ хлѣбнымъ злакамъ прибавляется здѣсь воздѣлываніе джугурмы (сорго), растенія съ вида похожаго на нашу кукурузу (кромѣ устройства плода; у джугурмы плодъ представляетъ собою гроздъ въ видѣ виноградnаго, съ тою только разницей, что его твердыя зерна мелки, бѣло-грязнаго цвѣта и имѣютъ вкусъ крупы). Джугурма растетъ густо, высоко поднявъ переполненные зерномъ гроздья, послѣ сбора коихъ стебли и листья доставляютъ прекрасный кормъ лошадямъ, домашнему скоту и верблюдамъ. Зерно же, обращенное въ крупу или муку, составляетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ продовольствія жителей.

Здѣсь же, около этого аула, начинается приготовленіе ковровъ и паласовъ, которое, затѣмъ, расширяясь, концентрируется въ Мервѣ, занимая почти каждую кибитку ткачихами. Ковры эти, имѣя шерстяную основу и будучи коротко острижены и окрашены растительными красками, несравненно лучше, прочнѣе и дороже прославляемыхъ персидскихъ, имѣющихъ основу бумажную и окрашенныхъ минеральными красками. Если текинскіе ковры до сихъ поръ не были у насъ въ употребленіи, то лишь благодаря отсутствію путей сообщенія и замкнутой жизни Туркменъ; теперь же, съ проведеніемъ желѣзной дороги, они не замедлятъ появиться на европейскихъ рынкахъ. Рисунокъ ковра отличается строгостью и простотой; онъ состоитъ изъ прямолинейныхъ фигуръ, чрезвычайно искусно расположенныхъ. Въ Келятэ уже попадаются тутовыя деревья, но тѣмъ не менѣе шелководство здѣсь еще въ зародышѣ. За Келятэ слѣдуютъ аулы, окруженные садами; лучшіе изъ нихъ Безмеинъ, Каши и Асхабадъ. Здѣсь развито садоводство, дающее персики, урюкъ, финики, миндаль, грецкіе орѣхи. Въ 40 верстахъ за Асхабадомъ, отъ аула Гяурсъ, на первый планъ выступаетъ скотоводство и служитъ главнымъ видомъ промышленности вплоть до самой границы, гдѣ, у Мерва, снова начинается садоводство и разведеніе винограда, чему не

мало способствуетъ почва, обильно орошаемая тремя рѣками: Теджентомъ, Мургабомъ и Кушкой. Скотоводство юго-восточной части Ахала съ успѣхомъ можетъ конкурировать съ нашими степными губерніями; это сказывается и въ цѣнахъ на его продукты; такъ, напримѣръ, баранья шуба, которую у насъ нельзя купить дешевле 25 руб., не идетъ тамъ дороже 6 руб. Кромѣ садоводства, въ окрестностяхъ Мерва сѣютъ хлопокъ, а подъ Зульфагаромъ можно встрѣтить даже цѣлыя хлопчато-бумажныя плантаціи; по дорогѣ же къ Серахсу, у Руфъ-Набата попадаются уже не малые строевые лѣса, гдѣ преобладаютъ кипарисъ, орѣхъ и дубъ.

Горы Копетъ-Дагъ, состоя изъ пяти параллельныхъ цѣпей, съ виду кажутся пустынными и безплодными; но если углубиться въ нихъ дальше, то неожиданно открываются очень живописныя картины; такими картинами изобилуетъ долина Алла-Дагъ, находящаяся между третьимъ и четвертымъ водораздѣльными хребтами; здѣсь попадаются орѣховыя и лимонныя рощи, быстрые ручьи и роскошная растительность. Въ этихъ-то горныхъ мѣстахъ и лежитъ центръ садоводства всего Ахала; въ особенности славится имъ горный аулъ Нухуръ, находящійся въ 12 верстахъ отъ Арчмана и, слѣдовательно, во 102 верстахъ отъ Кизилъ-Арвата. Нухуръ населенъ Евреями магометанскаго вѣроисповѣданія, извѣстными подъ именемъ Нухурскаго племени, которое, въ силу своего географическаго положенія, успѣло сохранить независимость при самомъ мирномъ образѣ жизни.

Внѣшнимъ своимъ видомъ и костюмомъ Нухурцы не отличаются отъ Текинцевъ, но гораздо красивѣе ихъ и ведутъ уже вполнѣ осѣдлую жизнь, давно замѣнивъ кибитку глинобитными двухъэтажными домами, гдѣ нижній этажъ всегда служитъ конюшней, сараемъ и кладовой; въ окнахъ, вмѣсто стекла, натягивается бычачій пузырь. Аулъ Нухуръ служитъ центромъ винодѣлія, появившагося съ приходомъ Русскихъ.

Итакъ, мы видимъ, что даже при бѣдномъ орошеніи, при не-

выносимо жаркой температурѣ, туземцы сумѣли отыскать себѣ средства для безбѣдной жизни; а что было бы, если бы дать имъ воду?... Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы воды не было: она есть, только нужно поискать ея, она скрыта подъ землей. На такую подпочвенную воду уже наталкивались въ Арчманѣ, Сунчѣ и Дурунѣ. Кромѣ того, въ Келятэ имѣется большое подземное озеро. Замѣчательную картину представляетъ это озеро, именуемое Голубинымъ *). Въ восьми верстахъ отъ аула, въ горахъ, футовъ на тридцать отъ подошвы, имѣются три отверстія; спустившись въ большее изъ нихъ, футовъ на 20, вы попадаете въ обширный природный залъ, своды котораго поддерживаются массивными, словно человѣкомъ построенными колоннами; пройдя нѣсколько шаговъ, вы слышите плескъ волнъ. Термометръ здѣсь даже зимой указываетъ + 22° по Р. Какъ обширно озеро, не могу сказать; при обширности пещеры, свѣтъ моихъ шестнадцати свѣчей разсѣевался въ пространствѣ, не достигая береговъ, но надо полагать, что озеро большое, о чемъ свидѣтельствуетъ плескъ воды. Озеро это, находясь на 20 футовъ ниже отверстія, лежитъ, слѣдовательно, на 10 футовъ выше подошвы; если бы пробить тонкую стѣну, воды его могли бы быть выпущены наружу въ видѣ ручья, даже рѣки.

Помимо обыкновенной подпочвенной воды, въ области попадаются минеральные источники, а именно: въ Арчманѣ сѣрные, издали по цвѣту похожіе на молочные, и въ Анау тождественные по вкусу и дѣйствію воды съ эмсскими, что и подтвердилось опытомъ. При лѣченіи докторомъ П—ко катарровъ и вообще желудочныхъ болѣзней анаускою водой, результаты получились такіе же какъ и при лѣченіи эмсскою.

Такимъ образомъ оказывается, что Закаспійскую область и по отношенію къ водѣ нельзя назвать окончательно бѣдною; по крайней мѣрѣ имѣются положительныя данныя, что въ будущемъ можно

*) Голубинымъ называется оно благодаря обилію голубиныхъ гнѣздъ въ пещерѣ.

будетъ добыть воду. Но еслибъ усовершенствованіе орошенія и не подвинулось впередъ, то помимо земледѣлія и скотоводства въ краѣ имѣются данныя для развитія иныхъ видовъ промышленности, которые если не были извѣстны прежде, по отсутствію путей сообщенія и невысокому развитію народа, то теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, навѣрно появятся. До сихъ поръ на горы не обращали никакого вниманія, а между тѣмъ онѣ вполнѣ его заслуживаютъ. Къ намъ привозятъ мраморъ изъ Каррары, а свой, мало уступающій каррарскому, обростаетъ мхомъ въ Бендесенскомъ ущельѣ; сѣрой снабжаетъ насъ Сицилія, а между тѣмъ своя сѣра цѣлыми залежами покоится въ Закаспійской области. Впрочемъ, теперь небольшая компанія Армянъ уже занялась съ успѣхомъ разработкой сѣры во 100 верстахъ отъ Геокъ-Тепе и снабжаетъ ею Бакинскій сѣрно-кислый заводъ. Помимо мрамора и сѣры, въ горахъ отыскивается не мало бирюзы. Мѣдь сама просится наружу: осадки мѣднаго купороса на каждомъ шагу. Кромѣ всего этого, врядъ ли какая страна изобилуетъ такими массами гипса какъ Красноводскія возвышенности, при чемъ гипсъ попадается всевозможныхъ цвѣтовъ и тѣней, но никѣмъ не разработывается. Придется, пожалуй, ждать еще не мало лѣтъ, но надо надѣяться, что все это добро не останется подъ спудомъ и что, по выраженію Лермонтова,

Желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Сказавъ о царствахъ растительномъ и минеральномъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о царствѣ животномъ. Помимо домашнихъ животныхъ, какъ-то: лошадей, коровъ, верблюдовъ и собакъ, есть здѣсь не мало дикихъ животныхъ, служащихъ для туземцевъ предметомъ охоты. Горы изобилуютъ тиграми, барсами, турами, газелями и леопардами, равнина же дикими лошадьми (въ Каракумскихъ пескахъ), дикими кабанами и шакалами. Къ царству

пернатыхъ принадлежатъ: орлы, дрофы, фазаны, утки, дикія куры и голуби. Фазановъ подъ Кары-Бендомъ такъ много, что пара битыхъ стоитъ 17 копѣекъ.

Насѣкомыми область не богата, но за то здѣсь есть такія страшилища какъ скорпіонъ и фаланга. Фаланга—это родъ паука съ большимъ наливнымъ брюхомъ грязно-желтаго цвѣта; скорпіонъ сноснѣе фаланги уже потому, что его укушеніе хотя и вредно, но не смертельно, тогда какъ укушеніе фаланги угрожаетъ смертью. Туземцы употребляютъ противъ ея укушенія такое средство: весной, когда фаланга болѣе ядовита, кладутъ ее въ деревянное масло и настаиваютъ въ теченіе 22 дней; затѣмъ устраняютъ органическія части насѣкомаго, и этимъ масломъ смазываютъ укушенное мѣсто. Пузырекъ такой настойки каждый туземецъ всегда носитъ при себѣ.

IV.

Бытъ Текинцевъ въ настоящее время и ихъ обряды.

Какъ я сказалъ раньше, съ появленіемъ русскихъ въ Закаспійской области, многіе текинскіе аулы, бросивъ свои кочевья, начали осѣдать возлѣ русскихъ укрѣпленій. Съ перемѣной жизни и бытъ народный неминуемо долженъ былъ нѣсколько видоизмѣниться; близкое сосѣдство и знакомство съ русскими не замедлило отразиться на домашнемъ быту народа, начавшаго примѣнять всѣ свои силы и способности къ различнымъ видамъ работы. Текинецъ, обращаясь постепенно изъ разбойника въ мирнаго хлѣбопашца и скотовода, превращается наконецъ и въ рабочаго, въ ремесленника. Въ прежнія времена никакія ремесла, кромѣ неизбѣжныхъ и первобытныхъ, не были извѣстны народу. Суровый образъ жизни, нехитрая обстановка и отсутствіе комфорта исключали изъ обихода какое бы то ни было ремесло, кромѣ, какъ я уже говорилъ, самаго необходимаго, въ родѣ шитья сапогъ, платья и первобытнаго кузнечнаго мастерства. Въ настоящее же время

встрѣча среди текинцевъ плотниковъ, столяровъ, шорниковъ, кузнецовъ и пр. ремесленниковъ—не рѣдкость, а простой рабочій, какъ землекопъ или каменщикъ—явленіе заурядное. Однако между ремесленникомъ-текинцемъ и ремесленникомъ-европейцемъ та существенная разница, что, научившись какому бы то ни было ремеслу, текинецъ не обращается въ ремесленника исключительно или фабричнаго, какъ это дѣлается въ Европѣ, а остается попрежнему земледѣльцемъ, но **земледѣльцемъ**, знающимъ то или другое, а подчасъ и два вмѣстѣ ремесла. Во время полевыхъ работъ, онъ хлѣбопашецъ, который въ случаѣ какой-либо починки можетъ, не обращаясь къ посторонней помощи, справиться самъ. Кончаются работы и онъ обращается тогда въ ремесленника, трудъ котораго всегда находитъ себѣ примѣненіе при той обширности работъ, которая начала распространяться вообще, а съ постройкою желѣзной дороги въ особенности.

Подобная разница между европейскимъ и азіатскимъ ремесленникомъ даетъ послѣднему то преимущество, что онъ ни въ какомъ случаѣ не зависитъ ни отъ конкурса, ни отъ запроса на рабочую силу, ни отъ произвола хозяина, наконецъ; короче говоря, онъ не рискуетъ погибнуть съ голоду, отъ котораго не гарантированъ обезземеленный европеецъ фабричный или ремесленникъ. На первый взглядъ кажется страннымъ, для чего текинцу понадобились ремесла! Вѣдь онъ, собственно говоря, обстановки своей не измѣнилъ, да и Богъ вѣсть когда измѣнитъ, реформъ въ одеждѣ своей не ввелъ никакихъ, комфортъ въ жизнь свою также не вводилъ,—отчего, кажись, ему и не жить попрежнему, не вѣдаясь ни съ какимъ ремесломъ? Но дѣло въ томъ, какъ я говорилъ раньше, что текинецъ до подчиненія Россіи видѣлъ въ хлѣбопашествѣ не главное средство къ жизни, оно ему было только подспорьемъ къ главному, которое являлось въ видѣ аламановъ. Въ настоящее же время, обративъ все свое вниманіе исключительно на домашнее хозяйство, онъ долженъ былъ, совершенствуя его, доводить до такой степени, чтобы оно могло сдѣ-

латься исключительнымъ источникомъ къ его существованію. Эта-то забота, непривѣтливая природа и неблагодарная почва и вынудили его къ усовершенствованію различныхъ земледѣльческихъ орудій и тѣмъ самымъ послужили причиною развитія ремеслъ и мастерства; съ другой же стороны недостаточность средствъ, добываемыхъ путемъ хозяйства въ менѣе урожайные годы, понудила текинца по окончаніи полевыхъ работъ искать еще и посторонніхъ заработковъ. Въ данномъ случаѣ, какъ учителя, поспѣли на помощь текинцамъ русскіе.

Русскіе, явившись въ роли цивилизаторовъ, внеся съ собою ремесла и мастерства, разбудивъ умственныя силы народа и побудивъ его къ честному труду, въ то же время внесли съ собою и губительныя привычки и пороки, имъ присущіе. Путешественникъ, несмотря на чуждые ему типы, виды, одѣянія, сразу скажетъ: *„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!“* Водка, извѣстная здѣсь въ былые годы только по названію: *орака*, въ настоящее время мало по малу начинаетъ пріобрѣтать права гражданства. Уже теперь можно встрѣтить такіе аулы (конечно, ближніе къ русскимъ укрѣпленіямъ), гдѣ молодежь (отъ стариковъ втихомолку) считаетъ удальствомъ перепивать другъ друга.

Индиферентное отношеніе Текинца къ религіи, помогшее ему пренебречь различными предразсудками, свойственными мусульманамъ Востока, и стать головою выше своихъ сосѣдей, въ то же время не мало способствуетъ и его развращенію при столкновеніи съ чуждыми элементами, допуская отступленія отъ корана. Но несмотря на громадную разницу въ умственномъ развитіи и міровоззрѣніи Текинца и другихъ азіатскихъ народовъ, онъ подобно имъ не лишенъ суевѣрія, служащаго здѣсь основаніемъ всего, даже и религіи. Это видно изъ того, что во всей Закаспійской области трудно встрѣтить муллу, т. е. такого мусульманскаго священника, какого мы встрѣчаемъ у турокъ, персовъ и у другихъ культурныхъ народовъ. Мечетей тоже не имѣется на

томъ простомъ основаніи, что при кочующемъ образѣ жизни нельзя было бы имѣть вмѣстительной и, наконецъ, потому, что „*Богу можно молиться вездѣ, лишь бы молитва шла отъ чистаго сердца*“.

Муллу у текинцевъ замѣняютъ *ишаны*, т. е. свѣтское духовенство. Ишанъ—это нѣчто среднее между священнослужителемъ и колдуномъ, богослуженіе котораго обставлено цѣлымъ рядомъ таинственностей и внѣшней торжественной обрядностью.

Вліяніе ихъ въ былое время на ужасающій произволъ туркменовъ можно было назвать поистинѣ благодѣтельнымъ. Заходящіе въ Закаспійскую область изъ Турціи улемы, кичащіеся званіемъ объяснителей писанія, постоянно соперничаютъ съ ишанами, но соперничество это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ послѣдніе пользуются большимъ уваженіемъ народа, благодаря таинственности, которою они облекаются. Туркмена легче привлечь къ себѣ волшебными изреченіями и другой внѣшней торжественной обрядностью, чѣмъ книгами; безъ муллы онъ можетъ легко обойтись, между тѣмъ какъ ишанъ ему необходимъ: *фатиха* (благословеніе) или дыханіе ишана составляетъ для него вѣрнѣйшій талисманъ и въ кибиткѣ, и въ пустынѣ. и въ разбойничьемъ набѣгѣ и когда онъ пасетъ свое стадо.

Послѣ ишановъ не менѣе интересное явленіе представляютъ собою дервиши, глубоко чтимые на всемъ Востокѣ.

Дервишъ—это, такъ сказать, выражаясь математическимъ языкомъ, величина несоизмѣримая, не подходящая ни подъ одну европейскую мѣрку.

Дервишъ представляетъ собою олицетвореніе главныхъ характеристическихъ чертъ восточной жизни: праздность, фанатическая мечтательность, лѣнь и беззаботность—это его символы. Все это восхваляется въ немъ, какъ добродѣтели и, какъ о таковыхъ, самъ о нихъ проповѣдуетъ повсюду. Праздность оправдывается немощностью человѣческой, болѣзненная игра воображенія—вдохновеніемъ свыше; раболѣпіе—рожденіемъ отъ праха, а без-

заботность—всемогуществомъ рока, управляющаго людьми. Если бы преимущества нашей европейской цивилизаціи не выступали такъ блистательно предъ восточною, я бы, кажется, готовъ былъ позавидовать дервишу—тому блаженству, которое свѣтится у него въ глазахъ, когда онъ въ своихъ лохмотьяхъ сидитъ, пріютившись на корточкахъ въ уголкѣ какой-нибудь развалины.

Что за невозмутимый покой въ чертахъ его лица, во всей его фигурѣ и какой рѣзкій контрастъ съ нашею европейскою жизнью!

Дервиши служатъ представителями не только восточной жизни вообще, но и всѣхъ оттѣнковъ различныхъ отдѣльныхъ народностей Востока. Хотя законъ и гласитъ, что *„Исламъ есть одинъ народъ“*, тѣмъ не менѣе въ каждомъ отдѣльномъ орденѣ нельзя не узнать его происхожденія и родины.

Бекташи, *мевлеи* и *руфаи* имѣютъ своимъ мѣстопребываніемъ преимущественно Турцію, такъ какъ Бекташъ—вдохновенный основатель янычарства и мулла Джелалъ-Единъ-Руми, великій поэтъ, авторъ „Месневи“ — дѣйствовали и погребены въ Турціи. Въ Аравіи и Египтѣ болѣе всего встрѣчаются джелали и кадри; въ Персіи овеизы и нурбахши-ниметулахи; въ Индіи—халили и сахибы, а въ средней Азіи—накшибенди, софиисламъ и кудуши.

Это, такъ сказать, родина каждаго ордена въ отдѣльности и мѣстопребываніе *пира*, т. е. главы ордена, члены же его разсыпаны по всему мусульманскому міру и ведутъ бродячій образъ жизни.

Члены каждаго ордена связаны между собою крѣпкими узами братства; мюриды (ученики) и кхалфы (сочлены) слѣпо повинуются своему пиру (главѣ), который можетъ вполнѣ распоряжаться и имуществомъ ихъ и жизнью; но корпораціи эти (я говорю о среднеазіатскихъ) совершенно далеки отъ преслѣдованія какихъ бы то ни было тайныхъ политическихъ или соціальныхъ цѣлей, какъ

это имъ приписывается со словъ нѣкоторыхъ рьяныхъ путешественниковъ и романистовъ *), которымъ кажется, что они открыли политическіе кружки даже и въ пустынѣ Гоби.

Дервиши—это монахи ислама, происхожденіемъ своимъ и существованіемъ обязанные фанатической религіозности однихъ мусульманъ (какъ напр.: турки, арабы и персы) и безпредѣльному суевѣрію другихъ (какъ напр. Текинцы и всѣ туркменскіе народы), и отличаются между собою только наружнымъ проявленіемъ благочестія. Одинъ орденъ предписываетъ, напримѣръ, хожденіе на поклоненіе могиламъ святыхъ, другой постоянное памятованіе о величіи Божіемъ и о смѣшной ничтожности человѣческаго бытія, а третій заставляетъ своихъ учениковъ денно и нощно заниматься *сикрами* (произношеніемъ имени Божьяго) и *телкинами* (гимнами). Часто иной ревностный ученикъ до тѣхъ поръ изъ всѣхъ силъ выкрикиваетъ: „Я ху, я хакъ! Ла иллахи, илла-ху!“ **), пока съ большинствомъ соучастниковъ не сдѣлается припадокъ падучей болѣзни. У правовѣрныхъ это болѣзненное состояніе носитъ названіе *„медшзубъ“*, что значитъ пришедшій въ восторгъ, восхищенный божественною любовью.

Человѣку, которому на долю выпадаетъ такое счастье, всѣ завидуютъ; больные, увѣчные, неплодныя женщины—всѣ тѣснятся къ нему, хватаются за его одежду, ибо прикосновеніе къ нему считается исцѣляющимъ отъ всякихъ болѣзней.

Однажды вблизи Геокъ-Тепе мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ тому, что могутъ продѣлывать дервиши прійдя въ экстазъ. Около могилы одного Вели-ула, т. е. святаго, собралось такое общество крикуновъ и, усѣвшись въ кружокъ около своего пира, начало выкрикивать обычные возгласы, сначала тихо и соблюдая нѣчто въ родѣ такта. Пиръ, между тѣмъ, сидѣлъ погруженный въ глубочайшее раздуміе, слегка покачивая головою. Окружающіе

*) Борнъ и другіе.

**) Да это онъ! Онъ справедливый! Нѣтъ другого Бога, кромѣ него!

слѣдили за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и съ каждымъ движеніемъ его головы, съ каждымъ его вздохомъ, воодушевленіе ихъ все росло и росло. Наконецъ, пиръ вышелъ, казалось, изъ своего полудремотнаго состоянія и поднялъ опущенную на грудь голову. Едва только увидали это дервиши, какъ сумасшедшіе вскочили они со своихъ мѣстъ. Кружокъ разбился и всѣ по одиночкѣ начали подпрыгивать, раскачиваясь всѣмъ тѣломъ. Когда же пиръ поднялся совсѣмъ на ноги, то одушевленіе плясуновъ перешло въ такое бѣшенство, что я невольно содрогнулся отъ ужаса. Точно вихремъ кружимые, всѣ носились, сломя голову, то вправо, то влѣво; съ мягкаго луга многіе попали на голые камни; изъ ногъ несчастныхъ заструилась кровь,—все-таки они непрестанно продолжали плясать, пока нѣкоторые, наконецъ, не повалились безъ чувствъ на землю.

При такихъ соціальныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ на Востокѣ, гдѣ крайности такъ сходятся, дервишъ, или что то же—нищій, стоящій на послѣдней ступени общественной лѣстницы, долженъ пользоваться и на самомъ дѣлѣ пользуется такимъ же уваженіемъ, какъ любой властитель, стоящій во главѣ цѣлыхъ милліоновъ людей и располагающій громадными сокровищами. Человѣкъ, этотъ легкій мячъ въ могучихъ рукахъ судьбы, можетъ быть въ одно мгновеніе ока перемѣщаемъ изъ одной крайности въ другую, чему, впрочемъ, есть не мало примѣровъ въ исторіи. Какъ у поэта оба антипода—Шахъ и Геда, т. е. король и нищій, постоянно одинъ подлѣ другого, такъ и въ настоящей жизни можно видѣть часто оборваннаго, грязнаго, покрытаго насѣкомыми дервиша, сидящаго рядомъ съ блистающимъ въ своемъ великолѣпномъ одѣяніи властелиномъ, на одномъ и томъ же коврѣ, дружно съ нимъ бесѣдующимъ и нерѣдко пьющимъ даже съ нимъ изъ одной и той же чаши. Европеецъ посмотритъ съ удивленіемъ на подобный tête-à-tête, иной, пожалуй, и съ удовольствіемъ, а житель Востока не видитъ въ томъ ничего необыкновеннаго. Князь—такъ гласитъ, по крайней мѣрѣ, мораль—смотря

на собесѣдника, долженъ вспоминать о ничтожности своего земнаго величія и воздерживаться, слѣдовательно, отъ гордости, а дервишъ, съ своей стороны, видя что подъ пышными одеждами скрывается такой же смертный, и помня бренность человѣческую, долженъ смѣяться надъ призрачнымъ, обманчивымъ величіемъ земнымъ. Правила эти хорошо извѣстны одному и другому, а потому и властелинъ и нищій, эти двѣ крайности встрѣчаются другъ съ другомъ съ величайшею терпимостью и снисходительностью. Наединѣ, въ комнатѣ иль кибиткѣ дервишъ держится со своимъ властелиномъ, какъ задушевный пріятель; предъ народомъ же, при торжественныхъ случаяхъ не забываетъ своего настоящаго мѣста—бѣднѣйшаго изъ бѣдныхъ.

За то знатный терпитъ отъ дервиша то, что другому показалось бы невыносимымъ. Напримѣръ, въ Бухарскомъ городкѣ Карки, въ это лѣто занятомъ русскими, поселился однажды во дворцѣ губернатора города дервишъ, на котораго по предписанію ордена была возложена пріятнѣйшая обязанность съ заката солнечнаго до восхода неумолкаемо кричать и непремѣнно громко: „Я ху! Я хакъ, ла иллахи—иллаху!

Однообразный и заунывный крикъ начинался ежедневно съ наступленіемъ сумерокъ, и по мѣрѣ стиханія городскаго шума, разносился все громче и громче по окрестностямъ, не говоря уже о самомъ дворцѣ. Понятно, что эти возгласы многимъ мѣшали спать, но несмотря на просьбы даже семейства своего, губернаторъ не могъ ничего сдѣлать и дервишъ продолжалъ кричать во все время пребыванія своего въ Карки.

Впрочемъ въ настоящее время не въ каждомъ орденѣ можно найти дервиша въ полномъ значеніи этого слова, т. е. человѣка по внутреннему убѣжденію отрекшагося отъ мірскихъ благъ и житейскихъ удовольствій—такого, какимъ, напримѣръ, описываютъ геніальнаго поэта Саади. Орденъ среднеазіатскихъ дервишей по имени Кудуши, т. е. сумасшедшіе, нѣчто въ родѣ нашихъ юроди-

выхъ, только и служатъ исключеніемъ, за то они и пользуются всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ.

Въ остальныхъ же магометанскихъ странахъ дервишами въ настоящее время по большей части дѣлаются записные лѣнтяи и нищіе, которые подъ покровомъ бѣдности набираютъ капиталы и, разбогатѣвъ, пускаются въ торговыя предпріятія. Пока благопріятствуетъ судьба, жизнь идетъ съ великолѣпіемъ и пышностью, доходящею до смѣшнаго, и о тлѣнности и ничтожности земнаго—помина нѣтъ; но лишь несчастье коснется такого человѣка, онъ тотчасъ же принимаетъ на себя личину смиренія, съ презрѣніемъ осмѣиваетъ суетныя стремленія людскія и съ видомъ самодовольства восклицаетъ: „*Мэнъ дервишъ емъ!*“ (Я дервишъ).

Впрочемъ, чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ первобытнѣе сохранились восточныя учрежденія, нравы и обычаи. Такъ дервишъ въ Египтѣ имѣетъ уже болѣе важное значеніе и является самъ по себѣ человѣкомъ лучшимъ, чѣмъ въ Турціи, въ Персіи еще важнѣе и добропорядочнѣе чѣмъ въ Египтѣ, а въ средней Азіи, гдѣ вслѣдствіе многовѣковой разобщенности ея еще ничто не измѣнилось, они являются во всемъ блескѣ своего первоначальнаго учрежденія.

Какъ я уже сказалъ, среди текинцевъ и вообще всѣхъ среднеазіатскихъ народовъ большимъ уваженіемъ и почетомъ пользуется орденъ кудушей, называемыхъ еще *диванами* или *калантерами*; они занимаютъ непосредственно за ишанами второе мѣсто. Калантеры или кудуши—это нищенствующіе дервиши, бродящіе по всѣмъ странамъ мусульманскаго міра. Я встрѣчалъ ихъ и въ верхнемъ и въ нижнемъ Египтѣ, а позднѣе и въ средней Азіи, гдѣ вліяніе ихъ сильнѣе, чѣмъ въ прочихъ странахъ. Только они, въ своихъ лохмотьяхъ, и могли искони вѣковъ безпрепятственно бродить по необозримымъ пустынямъ и степямъ азіатскимъ, отъ западныхъ границъ Китая до береговъ Каспійскаго моря. Имъ нѣтъ никакого дѣла до различія племенъ и родовъ; могучій лозунгъ: „*яги* или *илъ*“ (т. е. другъ или врагъ?) для

нихъ не существуетъ; они на пути своемъ присоединяются къ первому встрѣчному—будь это мирный караванъ или дикая разбойничья шайка. Дервиши, бродящіе по Закаспійскимъ степямъ, принадлежатъ большею частью къ такимъ людямъ, которые, по особой наклонности къ ничего недѣланію, обращаются къ нищенскому ремеслу, считаемому почти на всемъ Востокѣ почетнымъ. Отъ этихъ людей требуется только знаніе нѣсколькихъ молитвенныхъ изреченій и своего рода мимики, съ помощью которой продѣлываются всѣ фокусы хиромантіи. Я ни разу не встрѣчалъ ни одного кочевника въ средней Азіи, который оставался бы равнодушнымъ при встрѣчѣ съ босоногимъ дервишемъ, косматымъ, съ непокрытою головою, подставляющимъ ему свою *кешкуль* *), насквозь пронизывающимъ своимъ огненнымъ взглядомъ простодушнаго сына пустыни и дико ревущимъ ему навстрѣчу свое: „Я ху“.

Прибытіе такого факира въ кочевье считается всегда и повсемѣстно праздникомъ, радостнымъ событіемъ; особенно оно важно въ глазахъ женщинъ и дѣвушекъ. Даже самый часъ прибытія его имѣетъ значеніе: если пришелъ онъ утромъ—это предвѣщаетъ благополучное рожденіе верблюда или лошади, если въ полдень—ссору мужа съ женой, а вечеромъ—отважнаго жениха взрослой дочери.

Тотчасъ по приходѣ дервишемъ овладѣваютъ большею частью всегда женщины; онѣ угощаютъ его всѣмъ, что есть у нихъ лучшаго, всѣми лакомыми кусочками, въ надеждѣ, что вотъ-вотъ онъ вытащитъ изъ-подъ лохмотьевъ стеклянную бусу или иной желательный талисманъ. Подаяніе получаетъ онъ большею частью не деньгами, а натурою: ему даютъ старый войлочный коврикъ, нѣсколько пригоршней верблюжьей шерсти, а иногда какую-нибудь старую одежду. Дервишъ гоститъ по нѣскольку дней въ одной

*) Кешкуль называется овальный сосудъ, сдѣланный изъ кокосовой скорлупы, неразлучный спутникъ всякаго дервиша. Въ него собираются подаянія пищей, жидкой и сухой, холодной и горячей, кислой и сладкой.

семьѣ, перекочевываетъ вмѣстѣ съ нею, и, несмотря на это, имъ никто не тяготится. Если же онъ музыкантъ, т. е. знаетъ наизусть нѣсколько пѣсенъ и умѣетъ акомпанировать себѣ на *дуторѣ* (двуструнный инструментъ), то его просто носятъ на рукахъ и въ такомъ случаѣ вырваться ему бываетъ затруднительно.

Чрезвычайно рѣдко случается, чтобы дервиша оскорбили или обидѣли, и говорятъ, что это могутъ себѣ дозволить только юмуды (племя кочующее по юго-восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря), которые по своей безобразной алчности не знаютъ ничего святаго, способны на всякую жестокость, какую себѣ только можно вообразить, если она сулитъ выгоды.

Одинъ черноволосый здоровый дервишъ разсказывалъ мнѣ въ Асхабадѣ, какъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (8 или 9) попалъ въ плѣнъ къ туркмену изъ племени юмудовъ, соблазнившемуся 30 дукатами, которые онъ судя по сложенію плѣнника надѣялся выручить, продавъ его въ неволю. „Я велъ себя, продолжалъ разсказчикъ, какъ будто дѣло вовсе до меня не касалось и продолжалъ подъ звукъ цѣпей свои обычные сикры и молитвы.

Приближалось время вести меня уже на рынокъ, какъ вдругъ захворала жена моего разбойника,—это помѣшало намъ отправиться. Въ болѣзни жены онъ увидѣлъ перстъ Божій и началъ уже призадумываться, а тутъ еще захворала и его любимая лошадь и перестала даже кормъ брать“...

Этого было довольно, испуганный юмудъ тотчасъ же расковалъ своего плѣнника, отдалъ отнятыя у него вещи и просилъ какъ можно скорѣе оставить его кибитку.

Пока юмудъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ухода своего зловѣщаго гостя, этотъ, перебирая свою сумку, замѣтилъ, что въ ней недостаетъ гребня, того самаго гребня, который онъ получилъ отъ своего пира въ видѣ талисмана на дорогу, и безъ котораго онъ шагу, будто бы, сдѣлать не могъ.

Смущенный юмудъ съ быстротою стрѣлы бросился къ тому мѣсту, гдѣ лежали вещи дервиша, но послѣ долгихъ поисковъ

ничего не нашелъ; въ большомъ страхѣ началъ онъ именемъ Божьимъ просить дервиша отойти хотя на одинъ шагъ отъ кибитки, за что обѣщалъ дать ему столько денегъ, сколько стоятъ двадцать гребней. Хитрый дервишъ, видя что его фонды поднялись, принялъ видъ, что его ничто не можетъ утѣшить и увѣрялъ, что принужденъ теперь остаться въ кибиткѣ еще на цѣлый годъ.

Можно себѣ представить, въ какое отчаяніе привело это сообщеніе суевѣрнаго бандита! Какъ сумасшедшій бросился онъ за совѣтомъ къ сосѣдямъ. Вступили съ дервишемъ въ переговоры, которые кончились тѣмъ, что дервишъ получилъ за свой гребень, который, мимоходомъ сказать, былъ у него въ карманѣ,—лошадь, одежду и пять тумановъ (золотая персидская монета стоимостью въ 2 р. 75 к.) деньгами и распрощался съ кибиткою.

Что касается до хитрости, знанія всякихъ волшебствъ и заклинаній, то этимъ отличаются на всемъ Востокѣ индійскіе дервиши, преимущественно кашемирскіе, бродящіе по Аравіи, Малой Азіи и Персіи.

Впрочемъ въ Закаспійскую область они забредаютъ рѣдко.

Люди эти безсовѣстно пользуются легковѣріемъ простаго народа, по временамъ даже и умные и образованные люди попадаютъ въ ихъ сѣти. Куда бы ни пришелъ такой кашемирецъ,—а у нихъ по большей части внушительная осанка, черные огненные глаза, длинные развѣвающіеся волосы, выразительныя черты лица,—онъ всегда увѣренъ въ побѣдѣ. Подобный кашемирецъ является или магнетизеромъ, или спиритомъ, чуть ли не выходцемъ съ того свѣта, однимъ словомъ волшебникомъ, магомъ и фокусникомъ на всѣ руки. И нужно правду сказать, наши Бишопы, Элингтоны и прочая братія—съ ними ничто. Эти факиры искони знамениты во всемъ магометанскомъ мірѣ своими волшебствами. За исцѣленіемъ болѣзни, изгнаніемъ духовъ, отысканіемъ кладовъ всегда обращаются къ одному изъ такихъ захожихъ святыхъ, которые, несмотря на то что искусство ихъ считается кораномъ за-

прещеннымъ, являются вездѣ, какъ самые ревностные магометане. Кашемирцы бываютъ настолько безсовѣстны, что выманиваютъ послѣднюю копѣйку у бѣдняка.

Въ небольшомъ персидскомъ кишлакѣ (селеніи) Рышганѣ со слезами на глазахъ разсказывалъ одинъ хаджа (пилигримъ), возвратившійся изъ Мекки, слѣдующую исторію: „Такъ какъ въ Меккѣ много говорили о частыхъ разбояхъ по дорогѣ въ Медину, то я и товарищъ мой были сильно озабочены, куда бы лучше спрятать нашъ небольшой капиталецъ, который въ теченіе пяти лѣтъ собирали на путешествіе ко гробу пророка. О затрудненіи своемъ мы сообщили одному ишану изъ Кашемира, жившему рядомъ съ нами въ караванъ-сараѣ, и были весьма обрадованы, когда онъ предложилъ намъ молитвеннымъ заговоромъ обезопасить наши деньги отъ разбойничьихъ рукъ. Пригласивъ въ мечеть, онъ приказалъ намъ совершить сперва омовеніе, потомъ положить деньги на его колѣни, затѣмъ подулъ на нихъ нѣсколько разъ, собственными руками положилъ ихъ въ наши кошельки, и завернувъ ихъ въ семь бумажекъ, строго приказалъ намъ не разворачивать, пока не прійдемъ домой. Представьте же, каковъ былъ нашъ ужасъ, когда мы вчера послѣ третьей молитвы, раскрывъ кошельки, нашли въ нихъ вмѣсто денегъ какой-то красноватый тяжелый песокъ—и только!“ Они по простотѣ своей не замѣтили, какъ продувной кашемирецъ во время самаго благословенія подмѣнилъ ихъ деньги; пропутешествовавъ въ полной увѣренности, что туманы ихъ будутъ цѣлы, они поплатились за свою увѣренность.

Къ дервишамъ близко подходятъ тѣ святоши, которые, прикрываясь священнымъ долгомъ, предаются своей страсти къ путешествіямъ и проходятъ страны и цѣлыя части свѣта, чтобы, возвратясь домой, пріобрѣсти званіе хаджи—поклонниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ почетъ и положеніе въ обществѣ. Въ коранѣ сказано: „ходите на поклоненіе къ моему дому (Кааба), если обстоятельства позволятъ вамъ“. Толкователи закона подводятъ

эти обстоятельства подъ семь условій: 1) достаточныя средства для путешествія, 2) тѣлесное здоровье, 3) быть не женатому, 4) не оставлять дома долговъ, 5) отправляться въ мирное время, 6) по сушѣ и не подвергаясь опасностямъ и 7) быть совершенно-лѣтнимъ, т. е. имѣть болѣе 15 лѣтъ.

Страсть къ путешествіямъ со святою или мірскою цѣлью при сознаніи всѣхъ опасностей; рѣшимость покинуть семью, родныхъ, соотчичей и итти въ далекую невѣдомую страну—это-то и сообщаетъ личности хаджи какое-то романическое обаяніе. Меня всегда поражалъ бодрый видъ, съ какимъ они переходили по сыпучимъ пескамъ пустыни, по торнымъ горнымъ тропинкамъ, карнизами вьющимся надъ пропастями и обрывами, опираясь на свой пальмовый посохъ—священное воспоминаніе Аравіи. Многіе, отправляясь въ подобное путешествіе, будучи совершенно свободны отъ всякихъ географическихъ познаній, находятся въ полнѣйшемъ невѣдѣніи отдаленности той страны, въ которую предпринимаютъ путешествіе. Впрочемъ, это не должно насъ удивлять, такъ какъ во время крестовыхъ походовъ, многіе благородные тевтонцы, пустившіеся на защиту святой земли, пройдя только нѣсколько дней, искали уже на горизонтѣ башни Іерусалимскія.

Если и надрывается сердце у хаджи при разставаніи его съ домашнимъ очагомъ,—да и можетъ ли оно быть иначе, когда пускаешься въ такой дальній, опасный путь,—за то какъ безгранична радость, которая встрѣчаетъ его при возвращеніи домой! Извѣщенные о его прибытіи родственники спѣшатъ къ нему навстрѣчу на нѣсколько дней пути; онъ вступаетъ въ родной городъ среди радостныхъ слезъ и пѣнія псалмовъ; всѣ спѣшатъ его обнять, прикоснуться къ нему, потому что онъ не отряхнулъ еще праха Мекки и Медины отъ своей одежды, потому что отъ него вѣетъ еще ароматомъ святаго мѣста! Сильный уваженіемъ и поддержкою общества, онъ болѣе всякаго другого защищенъ отъ произвола и тиранніи; пріобрѣтенный имъ титулъ, такъ сказать—

дворянскую грамоту, при жизни онъ носитъ на печати, а по смерти имъ украшается могила хаджи.

Хотя религія и запрещаетъ заниматься торговлею во время богомолья, тѣмъ не менѣе хаджи (разумѣется, исключая тѣхъ, у которыхъ ничего нѣтъ кромѣ пальмоваго посоха) не считаютъ грѣхомъ переправлять съ собою кое-какія мелочи изъ дальней Аравіи въ среднюю Азію къ своимъ соплеменникамъ. А это выгодно, во-первыхъ, потому, что произведенія священныхъ мѣстъ высоко цѣнятся, во-вторыхъ, потому, что желаніе оказать благодѣяніе хаджи заставляетъ ему платить за все вдвое. Мелочной торгъ ведется по всему протяженію магометанскихъ странъ. Щеголихи рѣдко покупаютъ что-нибудь у хаджи, но за то вы можете встрѣтить какую-нибудь матрону, которая, заплативъ за благочестія хорошую цѣну, крѣпко прижимаетъ купленный платокъ ко лбу, лицу и отходитъ отъ торговца, громко бормоча обычное „*аллахумъ-селла*“.

Удачный сбытъ привезенныхъ товаровъ естественно поощряетъ къ ввозу, почему ни одинъ хаджи не уходитъ изъ святыхъ мѣстъ, не сдѣлавъ маленькихъ закупокъ для родины. Въ Меккѣ и Мединѣ онъ покупаетъ финики и благовонія, четки, гребни и главнымъ образомъ цимцемскую воду *); въ Ямбу и Джеддѣ европейскіе галантерейные товары. Но такъ какъ у франковъ ничего хорошаго быть не можетъ, то товары эти называются мали-истамбуль (т. е. стамбульскими, константинопольскими товарами); состоятъ они изъ перочинныхъ ножей, ножницъ, иголокъ, наперстковъ и т. п.

Алеппо и Дамаскъ славятся лучшимъ мисвокомъ—волокнистымъ корнемъ, зубную щетку изъ котораго вы найдете у каж-

*) Цемцемъ—названіе находящагося на пути, всѣми почитаемаго колодца; вода его, о чудодѣйственной силѣ которой ходитъ много разсказовъ, разносится въ маленькихъ сосудахъ по всѣмъ магометанскимъ странамъ, ибо одной капли ея, принятой передъ смертью, довольно, чтобы на 500 лѣтъ сократить адскія мученія. Происхожденіе колодца приписываютъ Измаилу, брошенному Агарью; маленькой ножкой своей онъ ударилъ въ землю и изъ нея истекла вода.

даго благочестиваго магометанина. Въ Багдадѣ покупаютъ хирку изъ верблюжьей шерсти, ибо здѣсь это платье (его носилъ, какъ увѣряютъ, самъ пророкъ, не надѣвая подъ него рубаху) дѣлается лучше чѣмъ гдѣ-либо.

Всѣ поименованные товары, вслѣдствіе благоговѣйнаго чувства, питаемаго народомъ къ дервишамъ и хаджамъ, весьма хорошо оплачиваются.

Насчетъ того, что можетъ понадобиться въ дорогѣ, хаджи всегда снабженъ лучше другихъ. Меня постоянно изумляло, что у иного, имѣющаго въ своемъ распоряженіи одного лишь ослика, по прибытіи на стоянку оказывается и коверъ и вся посуда для варки чая *), и другая посуда для похлебки, пилава или каши; не забыто также и веретѣло для приготовленія шишлыка (баранина жареная на веретелѣ).

Никто лучше хаджи не съумѣетъ вести себя при столкновеніяхъ на пути съ разнороднѣйшими элементами: съ кочевниками и съ осѣдлыми, съ правовѣрными и невѣрными. Изъ хаджи можно все сдѣлать, ибо онъ до мозга костей проникнутъ принципомъ: „Si fueris Romae“. Печальный и угрюмый по наружности, онъ рѣдко бываетъ такимъ на самомъ дѣлѣ; въ пути же онъ особенно веселъ, при чемъ эти святые и дѣлатели чудесъ не прочь подчасъ отъ мірской шутки.

Нѣсколько страннымъ кажется на первый взглядъ, какъ можетъ на ряду съ свободнымъ отношеніемъ къ религіи уживаться въ народѣ суевѣріе, на ряду съ отступленіемъ отъ религіозныхъ обрядностей, какъ не примѣнимыхъ при мѣстныхъ условіяхъ жизни, укорениться суевѣрные предразсудки? Но если только всмотрѣться хорошенько въ бывшую, да и настоящую жизнь народа, въ его историческое прошлое, то можно увидѣть, что видимая несовмѣсти-

*) По предписанію корана чайджушъ—кружкообразный мѣдный сосудъ, есть непремѣнный спутникъ каждаго путешествующаго мусульманина. Самый бѣдный нищій носитъ подобный сосудъ привязаннымъ къ поясу.

мость понятій, въ сущности, въ порядкѣ вещей. Житель азіатскихъ степей, заброшенный въ глубь песковъ—тотъ же морякъ, борющійся съ вѣтрами и волнами въ какомъ-нибудь отдаленномъ, мало извѣстномъ морѣ. А какой морякъ не суевѣренъ даже при своемъ образованіи? Какой морякъ не истолковываетъ различныхъ обыденныхъ явленій, проходящихъ мимо насъ, жителей материка, незамѣченными, какъ явленій предсказывающихъ нѣчто? Мало ли мы видимъ людей со всѣми признаками образованія, которые не могутъ видѣть безъ страха трехъ свѣчей въ комнатѣ, которые не сядутъ за столъ гдѣ обѣдаютъ двѣнадцать, чтобы самому не быть тринадцатымъ?

Разницу же отношеній къ религіи Текинцевъ и прочихъ мусульманъ Востока тоже нужно искать въ историческомъ прошломъ. Во всѣхъ магометанскихъ странахъ, имѣющихъ правильное государственное устройство, религія занимаетъ первенствующее мѣсто; представители религіи имѣютъ если и не рѣшающее, то во всякомъ случаѣ важное значеніе, даже и въ такомъ государствѣ, какъ Турція. Мало того, въ нѣкоторыхъ цивилизованныхъ христіанскихъ государствахъ представители церкви пользуются вѣсомъ въ дѣлахъ правленія. Ничего подобнаго не было никогда у Текинцевъ, да и быть не могло, такъ какъ племя это сформировалось и получило организацію не такъ какъ прочія государства. Самое главное: здѣсь не было кастъ.

Если вспомнимъ исторію древняго Египта, то можемъ замѣтить, какъ все болѣе и болѣе осложнялась религія Египтянъ, уснащаемая различными и многосложными обрядностями, переполняемая богами, божками, богинями и полу-богинями, существованіе которыхъ нужно было жрецамъ, какъ орудіе, съ помощью котораго они держали народъ въ своей власти и кругломъ невѣжествѣ, не заботясь о томъ были ли удобны для народа вводимыя ими обрядности, не отзывались ли онѣ невыгодно на экономическомъ строѣ быта народнаго. Короче говоря, народъ былъ въ полной зависимости, какъ духовной такъ и гражданской, отъ жре-

цовъ, какъ правителей государства и прямыхъ помощниковъ царей.

При сформированіи же Текинскаго племени ничего подобнаго не было, такъ какъ при вѣчевомъ образѣ правленія кастъ, какъ я уже говорилъ, не существовало,—всѣ были равноправны, не исключая и хановъ, которые пользовались вліяніемъ, основаннымъ на уваженіи народа, а не на правѣ сильнаго, а потому представители религіи не могли подчинить народъ своей власти, да и сами-то они явились уже въ позднѣйшую эпоху. Собственно говоря, и сами предки нынѣшняго Текинскаго народа, давшіе ему извѣстную организацію, не отличались ни религіозностью, ни набожностью, доказательствомъ чему служитъ существованіе народа, развившагося извѣстнымъ способомъ.

Будь предки Текинцевъ набожны,—никогда они не оставили бы послѣ себя потомства въ такомъ видѣ, въ какомъ мы его видимъ въ настоящее время; короче говоря, они не были бы предками и *Текинцевъ* не существовало бы вовсе. Иначе оно и быть не могло. Какъ я уже говорилъ, Текинское племя составили различные выходцы и бѣглецы изъ сосѣднихъ магометанскихъ странъ, которыхъ преступленіе, порокъ, жажда наживы и разгульная жизнь, заставивъ покинуть родину, соединили вмѣстѣ. Правда, какъ и всегда водится, были и исключенія въ видѣ бѣглецовъ, волею судебъ или плохо сложившихся обстоятельствъ, принужденныхъ покинуть домашній очагъ. Но, какъ и всякое исключеніе, подобные люди составляли ограниченное меньшинство.

Если бы первые организаторы племени были бы людьми религіозными и набожными, то ужь одинъ страхъ передъ отвѣтственностью въ загробной жизни удержалъ бы ихъ отъ преступленій и пороковъ и тѣмъ самымъ далъ бы имъ возможность, оставаясь на родинѣ, не подвергаясь ни риску, ни опасностямъ, не итти искать счастья по бѣлу свѣту.

Разъ же они не отличались религіозностью въ первое время, то впослѣдствіи было еще менѣе шансовъ для ея развитія. Мѣст-

ныя условія края и жизни народа, отстраняя всякую внѣшнюю обрядность, какъ напр. мечети, богослуженіе и т. п., много способствовали этому.

Но такъ какъ всякій человѣкъ не отрицаетъ присутствія Божества въ природѣ, то и Текинцы не были исключеніемъ; если же уцѣлѣли у нихъ догматы и таинства мусульманской вѣры, то лишь исключительно по привычкѣ съ дѣтства, а не потому, чтобы они ихъ считали лучше и правильнѣе догматовъ остальныхъ религій. Это видно изъ того, что Текинецъ не прочь подчасъ помолиться въ православной церкви, простоявъ все богослуженіе на колѣняхъ, на томъ основаніи, что всѣ люди одинаковы, а слѣдовательно и Аллахъ у всѣхъ одинъ. Вотъ почему въ то время, когда весь магометанскій міръ раздѣляетъ родъ человѣческій только на двѣ категоріи: *правовѣрныхъ* и *гяуровъ* или *кяфировъ* *), Текинецъ, отличающійся безпристрастностью къ религіи, видитъ въ людяхъ только національности, при чемъ европейцы въ его понятіяхъ раздѣляются только на *руссовъ* (русскихъ) и *инглезовъ* (англичанъ). Послѣднимъ именемъ онъ называетъ всякаго европейца, кромѣ, конечно, русскихъ, будь онъ нѣмецъ, французъ, испанецъ, шведъ или датчанинъ.

И вотъ при такой религіозной свободѣ, говорящей въ пользу умственнаго развитія Текинца, укоренились у него суевѣрные обычаи и обряды (съ виду кажущіеся религіозными), присущіе религіознымъ до фанатизма полудикимъ народамъ. Вотъ потому-то духовныя лица, какъ напр. ишаны и дервиши, пользуются здѣсь большимъ уваженіемъ и почетомъ, чѣмъ въ государствахъ, гдѣ религія занимаетъ болѣе видное мѣсто, и гдѣ представители ея пользуются силою и вліяніемъ — потому, что Текинецъ смотритъ на ишановъ и дервишей, скорѣе, какъ на колдуновъ и предсказателей, словомъ, какъ на людей, въ волѣ которыхъ сдѣлать

*) Кафирами магометане Азіи называютъ всякаго неисповѣдывающаго ислама, т. е. ѣдящихъ свинину. По ихъ понятіямъ, свинину ѣдятъ всѣ, кромѣ правовѣрныхъ.

доброе и злое, а не какъ на священника, служителя Бога. Пришедши къ тому заключенію, что Богъ одинъ для всѣхъ, любитъ людей добрыхъ и не любитъ злыхъ, короче говоря, постигнувъ истинный и главный смыслъ религіи, онъ не нуждается въ толкованіи корана, считая его частностью (хотя по привычкѣ и совершаетъ магометанскіе обряды). Но будучи суевѣрнымъ, онъ не можетъ обойтись безъ заклинателя, на котораго въ то же время возложено и исполненіе религіозныхъ обрядовъ.

Причиною же суевѣрія послужила жизнь въ пустынѣ, полная борьбы и лишеній всякаго рода, заставлявшая на каждое явленіе смотрѣть какъ на примѣту или предсказаніе.

Какъ я говорилъ выше, жизнь въ пустынѣ, переполненная трудностями, опасностями и лишеніями всякаго рода, изгнавъ деспотическое отношеніе мужчины къ женщинѣ, не выработала также и многоженства, такъ часто встрѣчаемаго въ другихъ магометанскихъ странахъ. Не малою причиною послѣдняго была сравнительная передъ другими народами бѣдность Текинцевъ, не позволявшая лишней роскоши. Вотъ почему семья Текинца всегда количествомъ меньше прочей магометанской семьи.

Старшимъ членомъ текинской семьи считается отецъ, въ случаѣ же, если есть дѣдъ, то первенство принадлежитъ ему. Онъ пользуется полнѣйшимъ повиновеніемъ, уваженіемъ и вниманіемъ семьи, однимъ словомъ—роль его вполнѣ тождественна съ ролью ветхозавѣтныхъ патріарховъ. Всю родню свою Текинецъ знаетъ отлично, не хуже нашей деревенской бабы, которая изъ-подъ земли выроетъ, а найдетъ родичей, будь они хоть разседьмая вода на киселѣ. Эти-то родичи и составляютъ *родъ*, во главѣ котораго стоитъ старшій членъ; онъ называется *ханомъ*.

Подобное учрежденіе, какъ *„роды“*, съ давнихъ поръ существуетъ неизмѣнно. Ханъ въ родѣ—то же что небольшой удѣльный князекъ, онъ судитъ и рядитъ по своему усмотрѣнію, онъ же посылается и депутатомъ на размежевку земель.

Обыкновенно передъ весною съѣзжаются всѣ ханы и условливаются, какія земли и подо что займетъ тотъ или другой родъ; послѣ подобнаго распредѣленія ханъ дѣлитъ уже землю своего рода между семьями, почему никакихъ ни ссоръ, ни пререканій ни за воду, ни за землю не происходитъ, какъ это часто встрѣчается у насъ въ Крыму.

Съ весною начинаются перекочевки, въ честь чего устраивается большой праздникъ, а тамъ до осени кипитъ неустанная работа, полная препонъ, тревогъ и треволненій всякаго рода. Съ окончаніемъ же полевыхъ работъ наступаетъ полнѣйшій отдыхъ; свадьбы слѣдуютъ за свадьбами, пиры (конечно, относительные) за пирами.

Текинки выходятъ замужъ очень рано; дѣвушка, не вышедшая замужъ до двадцати лѣтъ, не имѣетъ уже никакихъ шансовъ на замужество. Обыкновенный возрастъ невѣсты отъ 13 до 18 лѣтъ, а иногда и двѣнадцатилѣтнія выходятъ замужъ. Такое раннее замужество довольно рѣзко отражается на здоровьѣ женщины, почему онѣ никогда и не выглядываютъ крѣпкими, и скоро старѣются. Женщину въ 29 или 30 лѣтъ можно принять за пятидесятилѣтнюю старуху, такъ вся она сгорбилась и покрылась морщинами. Желающій жениться Текинецъ долженъ покупать себѣ невѣсту, внося за нее *калымъ* (наше древнее вѣно). Большею частью калымъ платится скотомъ и размѣръ его бываетъ различный. Средній калымъ въ 37 головъ скота, а богатые до 57 головъ даютъ—всегда, чтобы нечетъ былъ: тутъ и овцы, и бараны, и верблюды, а иногда и лошадь въ придачу. Больше бараны въ ходъ идутъ.

Въ женитьбѣ Текинца, какъ и въ женитьбѣ русскаго народа не маловажную роль играютъ сваты, которые ведутъ переговоры съ родителями невѣсты и о калымѣ и условіяхъ брака; они въ то же время служатъ какъ бы ручателями за нравственность и добропорядочность жениха, почему для этой цѣли и выбираются люди солидные и уважаемые.

Когда сваты сговорятся о калымѣ, то проводятъ руками по лицу въ знакъ того, что сговоръ конченъ, и устраиваются пирушки; рѣжутъ барановъ, такъ скупо расходуваемыхъ въ другое время, приготовляется съютъ (молоко верблюжье), жарятъ шишлыкъ, созываютъ гостей и начинаютъ подчевать, а мужчины развлекаются тѣмъ временемъ верховыми скачками и джигитовкой. Нѣсколько позднѣе на сцену является бандуристъ (по большей части слѣпецъ) и подъ акомпаниментъ бандуры или дуторы начинаетъ пѣть пѣсни и былины.

Присутствующіе слушаютъ бандуриста въ благоговѣйномъ молчаніи, и по мѣрѣ того какъ тотъ увлекается своимъ пѣніемъ, увлекаются и его слушатели, воображеніемъ своимъ уходя въ давнопрошедшее. Предъ глазами каждаго изъ слушателей точно виды панорамы мелькаетъ отечественная исторія, такъ живо и ярко отражающаяся въ былинахъ, одно событіе слѣдуетъ за другимъ, слушатель вспоминаетъ тѣ времена, когда онъ, свободный сынъ степей, чинилъ аламаны, когда все окружающее было въ его власти.... Но вотъ бандуристъ умолкъ.... Среди присутствующихъ продолжаетъ царить молчаніе.... Поднимается ишанъ, набожно поднявъ руки къ небу, восклицаетъ *„Алла-верды!“* (Господи благослови!) и начинается ужинъ....

Послѣ ужина бабы подсаживаются къ сватамъ, на обязанности которыхъ лежитъ занимать *дамъ*. Нужно замѣтить, что при молчаливомъ и нѣсколько угрюмомъ характерѣ Текинца, женщины на простой ли пирушкѣ, на сговорѣ ли или на свадьбѣ всегда являются душой общества, внося въ него оживленіе и веселье, а потому имъ въ данныхъ случаяхъ предоставляется право первенства и хозяйничанья. Впрочемъ не только въ домашней жизни, но, какъ я уже говорилъ, и въ общественной имъ предоставляются одинаковыя съ мужчинами права; онѣ ходятъ на мірскія сходки, подаютъ голоса и подчасъ одерживаютъ побѣду. На пирушкѣ же и говорить нечего, что онѣ полновластные хозяева.

Хотя на сватахъ и лежитъ обязанность занимать дамъ, въ сущности же онѣ его занимаютъ. Подсядетъ къ каждому изъ нихъ по три, по четыре бабы и начинаютъ засыпать его вопросами, шутками, каламбурами, двусмыслицами. Тутъ уже сватъ держи ухо востро, не зѣвай. Чуть что отвѣтилъ не впопадъ, не разгадалъ предложенной ему загадки—поплатится уже непремѣнно, здѣсь онъ уже въ полной женской зависимости. Сватъ оплошалъ—бабы наказаніе ему назначаютъ. Подобныя наказанія бываютъ различны и характеръ ихъ зависитъ отъ настроенія дамъ, отъ степени уваженія къ виновному, подчасъ и соразмѣрно его винѣ.

Съ однимъ сватомъ онѣ такую штуку продѣлали: тотъ какъ-то растерялся да что-то не впопадъ и отвѣтилъ,—налетѣли на него со всѣхъ сторонъ бабы, раздѣли его до гола и поставили посреди кибитки въ чемъ мать родила въ позу истукана, и сами собрались вокругъ, теребятъ его несчастнаго и смѣхомъ заливаются.

А не исполнить наказанія нельзя; во-первыхъ, потому, что ужь тамъ такой традиціонный обычай, а во-вторыхъ, отступника традицій заставятъ принять наказаніе силою да еще удвоятъ его. Свата, который однажды вздумалъ не исполнить наказанія, одѣли бабой, лицо смазали сажей, посадили на корову лицомъ къ хвосту да и возили такъ по ауламъ; а другому ослушнику привели старую престарую бабенку, горбатую, калѣку, и заставили съ нею цѣловаться.... И ничего не подѣлаешь, тутъ уже бабье царство!...

На другой день послѣ сговора сваты невѣсты ѣдутъ къ жениху и задатокъ калыма везутъ. Калымъ начинаютъ сдавать сперва изъ болѣе мелкихъ животныхъ, а потомъ кончаютъ и крупными.

Когда подарки сдѣланы съ обѣихъ сторонъ—родители уже спокойны и ждутъ свадьбы.

Сговоръ дѣлается иногда, когда жениху три или четыре года,

а невѣста еще въ пеленкахъ (хотя, впрочемъ, подобные сговоры рѣдко бываютъ). Пока они растутъ, родители понемногу другъ другу калымъ уплачиваютъ.

Конецъ же калыма выплачивается самимъ женихомъ, когда онъ выростетъ. Для этой цѣли онъ ѣдетъ съ парнями въ аулъ невѣсты, но не доѣхавъ за версту останавливается, слѣзаетъ съ лошади и посылаетъ ее сестрѣ невѣсты съ подарками. Бабы же и дѣвушки соберутся, идутъ къ нему навстрѣчу и несутъ угощеніе. Нѣкоторыя изъ нихъ останутся съ женихомъ, другія же идутъ ему кибитку ставить. Въ эту кибитку по заходѣ солнца бабы втихомолку отводятъ жениха, берутъ съ него подарки, а сами идутъ къ отцу невѣсты постель для молодыхъ дѣлать. Приготовятъ постель и приводятъ жениха въ кибитку, гдѣ на постелѣ невѣста сидитъ, а мать ея стоитъ у огня. Но прежде чѣмъ впустить жениха берутъ съ него выкупъ. Мать напоитъ жениха молокомъ, уводитъ всѣхъ и молодые остаются сами до слѣдующаго утра.

Утромъ бабы опять являются къ жениху за выкупомъ; когда онъ еще спитъ, возьмутъ у него сапоги и унесутъ, возвращаютъ же послѣ того, какъ онъ дастъ имъ выкупъ. Поживетъ женихъ въ аулѣ дня два или три, при чемъ къ невѣстѣ водятъ его ночью, послѣ уѣзжаетъ домой. Во второй разъ пріѣзжаетъ онъ недѣли черезъ двѣ; въ этотъ разъ тоже въ степи останавливается, все это дѣлается для того, чтобы, какъ будто бы, отецъ невѣсты не зналъ. Въ этотъ разъ еще калымъ съ собою привозитъ, а въ третій свой пріѣздъ привозитъ остальной калымъ и богатые подарки будущей тещѣ и угощенія для свадьбы. Тутъ ужь женихъ съ невѣстою живутъ вмѣстѣ; къ ней собираются дѣвушки и женщины—приданое шьютъ, пѣсни поютъ и игры устраиваютъ. Въ приданое же одежду шьютъ, ковры даютъ кибитку или двѣ....

Когда поставятъ новую кибитку изъ приданаго, невѣста прощается съ родственниками, плачетъ и причитаетъ. Собираются

парни ея аула и обступаютъ невѣсту, а дружки жениха отнимаютъ ее.

Обрядъ вѣнчанія совершается вечеромъ передъ ужиномъ. Раскладываютъ костеръ, вокругъ котораго разстилаютъ ковры и паласы, на нихъ становятся женихъ и невѣста; отецъ невѣсты держитъ въ рукахъ чашку съ водою и кольца; ишанъ прочтетъ молитву, дѣлая какіе-то кабалистическіе жесты въ воздухѣ; всѣ выпьютъ воды изъ чашки и—обрядъ конченъ.

Несмотря на столь необыкновенные обычаи гласнаго сожительства до свадьбы жениха съ невѣстою, не слѣдующею благоразумному совѣту Мефистофеля:

„Мой совѣтъ—до обрученья
Не цѣлуй его,
Спальни дверь не отворяй“...

Случаевъ, чтобы свадьба растраивалась, не бываетъ. При той свободѣ, близко подходящей къ разврату, которою пользуются текинскія дѣвушки, не считается препятствіемъ къ свадьбѣ и ея сожительство съ постороннимъ, лишь бы не было послѣдствій.

Въ случаѣ же, если до свадьбы у нея родится ребенокъ, тогда только все разстраивается и женихъ забираетъ свой калымъ обратно...

По окончаніи ряда свадьбъ жители неосѣвшихъ еще ауловъ перекочевываютъ на зимнія кочевки; въ теченіе зимы свадьбы бываютъ рѣдко.

Всѣ религіозные обряды, какъ свадьбы, обрѣзаніе и погребеніе совершаются тоже ишанами, при чемъ обрядъ обрѣзанія совершается такъ же, какъ и у другихъ мусульманъ, погребеніе же нѣсколько иначе. Умершихъ Текинцевъ въ гробъ не кладутъ, а заворачиваютъ въ холстъ и обшиваютъ чернымъ войлокомъ. Вся эта процедура продѣлывается сейчасъ послѣ смерти, такъ какъ покойниковъ принято хоронить въ тотъ же день вечеромъ, если онъ умеръ днемъ, если же ночью, то хоронятъ на слѣдующій день утромъ.

Умершаго Текинца выносятъ изъ кибитки и кладутъ на коврѣ, лицомъ обращеннымъ къ сторонѣ Мекки. Явившійся ишанъ совершаетъ омовенье, его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе, читаетъ затѣмъ молитвы, собственноручно сбриваетъ волосы на головѣ усопшаго, чтобы онъ могъ въ благообразномъ видѣ явиться на судъ пророка; грудь и голову посыпаетъ землею, тогда заворачиваютъ его въ холстъ, затѣмъ зашиваютъ въ кошму и положивъ на носилки несутъ на кладбище.

За носилками идутъ наемныя плакальщицы, за ними слѣдуютъ родители и родственники умершаго и ведутъ его коня. Ишанъ провожаетъ мертвеца до могилы, сотворивъ надъ которой молитву, собственноручно помогаетъ носильщикамъ опустить трупъ въ яму.

Въ могилу съ покойникомъ кладется его шашка, папаха, новый халатъ, туфли, кальянъ, кисетъ съ табакомъ и нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Возвратившись домой съ кладбища, всѣ присутствующіе снова совершаютъ омовеніе, послѣ чего приступаютъ къ тризнѣ.

Тризна, или поминки состоятъ въ томъ, что родители или родственники покойнаго закалываютъ нѣсколько барановъ, предварительно освященныхъ ишаномъ, жарятъ и варятъ,—головы отрѣзываютъ и закапываютъ въ землю, а остальное мясо по кускамъ раздаютъ бѣднымъ. Такой видъ подаянія называется *жертвою* и имѣетъ мѣсто не только на похоронахъ, но и въ обыденной жизни.

Если у Текинца заболѣваетъ кто-либо изъ семьи или лошадь, то прося аллаха о ниспосланіи здоровья болящему, онъ приноситъ подобную жертву. При всякомъ такомъ жертвоприношеніи ишанъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ является и въ роли священнослужителя и прорицателя и изгонятеля духовъ. Имѣя у себя ишановъ, на обязанности которыхъ лежитъ молиться какъ за себя такъ и за остальныхъ, народъ освободилъ себя отъ знанія какихъ бы то ни было молитвъ, молится же онъ не по

уставнымъ формамъ, а такъ, смотря подъ какимъ находится впечатлѣніемъ. Но за то теликены, среднее между молитвой и заклинаніемъ духовъ, каждый мальчишка знаетъ всѣ наизусть. Онъ даже не пренебрегаетъ иновѣрными молитвами, изгоняющими, по его мнѣнію, духовъ, охотно зазубривая эти молитвы и пуская ихъ въ ходъ, когда свои противъ шайтана (чорта) не помогаютъ. Для жителя средней Азіи нѣтъ ничего страшнѣе шайтана. Его не устрашатъ ни сотни штыковъ, ни свинцовый градъ пуль, ни визгъ картечи, но онъ дрожитъ при имени шайтана. Названіе шайтаномъ человѣка считается самой кровной обидой, и одни только ишаны не боятся шайтана. Какъ на характеристическій случай я могу указать на подобное обстоятельство: однажды мнѣ пришлось по дѣламъ службы отправиться изъ Асхабада въ аулъ Баба-Дурмазъ, отстоящій въ 70 верстахъ. Меня сопровождалъ джигитъ-текинецъ Анна-Мратъ-Гижалъ-Курбанъ-Оглы. Выѣхали мы подъ вечеръ и не успѣли сдѣлать и 30 верстъ, какъ небо начало заволакивать тучами, предвѣщавшими ливень, словомъ, перспектива предъ нами была пренепріятная: лошади уставши, сами голодные, а до самаго Баба-Дурмаза нигдѣ нѣтъ жилья... На память мнѣ пришло одно мѣстечко верстъ за пять, не болѣе какъ въ четверти версты отъ дороги, гдѣ мы могли бы отыскать себѣ пріютъ отъ дождя и для ночлега—это была обширная о трехъ куполахъ мазарка (ханская могила—склепъ). Я поспѣшилъ подѣлиться съ джигитомъ своимъ открытіемъ, но тотъ поблѣднѣлъ, затрясъ головою и руками:

— Лучше подъ дождемъ будемъ ночевать, *баярг* (баринъ), а въ эту мазарку проклятую не пойдемъ.

— Но почему? вѣдь мы этакъ до костей промокнемъ?

— Лучше будемъ мокнуть, а не пойдемъ! Дождь изъ насъ тѣста не сдѣлаетъ, а тамъ шайтанъ задушитъ.

— Какой шайтанъ, откуда онъ тамъ взялся?

— Э, баяръ, ты не знаешь, тамъ уже давно шайтанъ жи-

ветъ, лѣтъ сто будетъ, и никому онъ, окаянный, проходу не даетъ, даже барановъ душитъ, если тотъ туда забредетъ.

— Да кто это тебѣ сказалъ?—врутъ!

— Нѣтъ, баяръ, не врутъ, я самъ видалъ.

— Ну, что же, какой онъ?

— Уу... страшный такой!

Больше ничего я не могъ уже добиться отъ перепуганнаго при одномъ воспоминаніи джигита. Наконецъ и мазарка показалась вблизи, молнія сверкала все чаще и чаще, удары грома становились все сильнѣе и оглушительнѣе; крупныя капли дождя брызгали въ лицо, но упрямый джигитъ не поддавался ни просьбамъ, ни приказаніямъ *), рѣшившись остаться подъ открытымъ небомъ, а не итти въ мазарку. Не успѣли мы и поравнять ся съ послѣдней, какъ пустился страшный ливень; я бросился въ мазарку, оставивъ джигита на дождѣ...

Разсѣдлавъ и размундштучивъ коня, я растянулся на надгробной плитѣ и утомленный дорогою уснулъ вскорѣ богатырскимъ сномъ въ оригинальной хижинкѣ... На другой день проснулся я довольно рано; солнышко привѣтливо заглядывало черезъ дверное, ничѣмъ не прикрытое отверстіе въ склепъ, конь весело заржалъ... вдругъ слышу невдалекѣ какой-то говоръ, — прислушиваюсь: „*да воскреснетъ Богъ*“, бормочетъ кто-то ломанымъ русскимъ языкомъ. Кто бы это могъ, думаю себѣ, вѣдь Анна-Мрадъ по-русски не знаетъ ни слова,—„*и расточатся врази его*“, слышится снова. Чортъ возьми, да что это такое, ужь не галлюцинація ли?...

— Баяръ, ты живъ? слышится голосъ джигита, въ доказательство того, что я не галлюцинирую.

— Живъ и сухой, а ты мокрый и, навѣрно, смерзъ.

— Смерзъ малость, да ужо поѣдемъ, такъ согрѣюсь, а я

*) Что составляетъ большую рѣдкость, такъ какъ они замѣчательно дисциплинированы.

боялся, что ужь тебя въ живыхъ не застану. Слава Аллаху! я ему молился, твою молитву читалъ.

— Какъ мою молитву?

— Твою, русскую: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази“.

— Да ты откуда ее знаешь?

— Меня твой Сергѣй научилъ.

Сергѣй—мой деньщикъ, пьяница, забулдыга и плутъ не послѣдней руки, но человѣкъ набожный, задался цѣлью, какъ онъ выражался, Царю служа и Богу послужить, для чего ревностно старался объ обращеніи нехристей, какъ онъ называлъ Текинцевъ, въ христіанство, хотя впрочемъ успѣхи его далѣе выучиванія его пріятелями Текинцами молитвы „Да воскреснетъ Богъ“,— какъ изгоняющей чорта, не подвигались, молитву же эту, какъ изгоняющую нечистаго, выучивали охотно.

V.

Текинскія школы и жизнь въ укрѣпленіи.

Помимо всѣхъ многосложныхъ перечисленныхъ мною обязанностей ишана, онъ въ большинствѣ случаевъ является и школьнымъ учителемъ, хотя впрочемъ должность эту занимаютъ и свѣтскіе люди, но не иначе какъ старики, умудренные жизненнымъ опытомъ, могущіе быть не только учителемъ, но и воспитателемъ юношества.

Школьное ученіе Текинцевъ не многосложное, но за то поголовное. Не имѣя своей литературы, они пользуются персидскою азбукою, пиша на родномъ языкѣ. Вся программа школьныхъ занятій, производимыхъ только зимою, состоитъ въ обученіи чтенію и письму и необходимымъ ариѳметическимъ счисленіямъ, не идущимъ далѣе нумераціи, остальное же время посвящается нравственнымъ бесѣдамъ и изученію отечественной исторіи, изучаемой

не по книгамъ, такъ какъ таковыхъ не имѣется, а устно со словъ учителя. Насколько справедлива подобная исторія, зная восточный людъ, любящій подчасъ изъ-за самолюбія хвастнуть даже самому передъ собою, судить не трудно. Въ подобной исторіи, передаваемой изъ поколѣнія въ поколѣніе, дѣйствительность настолько перемѣшалась съ легендою, что отличить факты отъ вымысла мудрено. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать того, что изученіе даже подобной исторіи много способствуетъ нравственному развитію народа, научая его гражданскимъ добродѣтелямъ, уваженію добродѣтели и любви къ родинѣ, совершенствуя наконецъ обыденный строй его жизни.

Такъ какъ тамъ при полнѣйшей личной свободѣ человѣка, кромѣ обязанностей его къ отечеству ничего обязательнаго быть не можетъ, то и обученіе грамотѣ дѣло—не обязательное; но такъ какъ грамота считается народомъ предметомъ первой необходимости, то ей и учатся всѣ дѣти безъ исключенія. Каждый аулъ имѣетъ свою собственную школу и своего учителя. Для школы отводится кибитка или двѣ, смотря по количеству учениковъ, жалованье учителю платитъ общество деньгами и натурою, для чего каждый Текинецъ, есть ли у него дѣти или нѣтъ, облагается извѣстною пошлиною въ пользу школы и учителя, такъ что послѣдній является человѣкомъ вполнѣ обезпеченнымъ, слѣдовательно могущимъ всецѣло посвятить себя дѣлу преподаванія и воспитанія юношества.

Всѣ укрѣпленія Закаспійской области, за исключеніемъ Красноводска и Асхабада, не отличаются своими размѣрами и по большей части состоятъ изъ одной, много изъ двухъ улицъ. Главная улица въ то же время и базаръ, но базаръ не похожій на нашъ русскій: тамъ торговля на площадяхъ не происходитъ, а въ лавкахъ, да и базарныхъ площадей тамъ нѣтъ. По обѣимъ сторонамъ улицы тянутся лавки и духаны, тутъ же расположены и мастерскія, какъ-то портныхъ, сапожниковъ, токарей, кузнецовъ,

столяровъ и т. д. Весь этотъ промышленный людъ состоитъ по большей части изъ пріѣзжихъ съ Кавказа Армянъ, немногихъ Грузинъ и Персовъ, Текинцевъ же торговцевъ встрѣтить очень трудно, такъ какъ этотъ народъ совсѣмъ не коммерческій,—только въ одномъ Асхабадѣ и можно встрѣтить двѣ-три текинскихъ лавки, ведущихъ торговлю халатами, конскими попонами и сѣдлами. Текинцы народъ не коммерческій уже потому, что простодушный, они и покупать-то порядкомъ ничего не умѣютъ. Заходя въ лавку, выбравъ нужную ему вещь онъ никогда не торгуется, только требуетъ въ видѣ бешкеша (подарка), если только покупаетъ матерію, одного вершка надбавки. Торговцы, пользуясь такимъ простодушіемъ, не скупятся на бешкеши, немилосердно обирая покупателей, сдирая съ нихъ въ тридорога противъ стоимости.

Контингентъ жителей маленькаго укрѣпленія, кромѣ Кизилъ-Арвада и Узунъ-Ада, являющихъ собою желѣзно-дорожныя слободы, состоитъ изъ небольшаго гарнизона, начальникъ котораго въ то же время и воинскій начальникъ, торговцевъ и двухъ, трехъ чиновниковъ интендантскихъ и почтовыхъ. Текинцы же въ укрѣпленіяхъ не живутъ, а въ аулахъ, находящихся не вдалекѣ.

Самый многолюдный и оживленный пунктъ во всей области Асхабадъ, какъ резиденція начальника области. Здѣсь ужь много улицъ, красивыхъ домовъ и мостовыхъ. Весь городокъ раздѣляется на двѣ части: на русскую и базаръ, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, сплошь занимаемыхъ различными народностями. Лучшая часть базара это армянская, затѣмъ слѣдуетъ персидская и наконецъ текинская. Базаръ представляетъ изъ себя въ теченіе цѣлаго дня оживленное мѣсто, гдѣ постоянно снуютъ пѣшеходы, экипажи, арбы, верблюды, навьюченные тяжестью и ослы, запряженные въ скрипучія телѣжки. Здѣсь можно встрѣтить текинцевъ, текинокъ, персовъ, персіянокъ, армянъ, грузинъ, татаръ и русскихъ. Здѣсь же находятся всѣ трактиры, рестораны, ду-

ханы и прочія увеселительныя заведенія. Цырюльни и всевозможныя мастерскія помѣщаются тоже на базарѣ, при чемъ очень часто можно встрѣтить сидящаго гдѣ-нибудь на корточкахъ подъ лавкой Перса или Текинца съ намыленной головой и другого съ бритвой въ рукахъ, приготовляющагося къ процессу бритья.— Это бѣдные люди,—болѣе богатые брѣются у цырюльника. Мастеровые же, какъ-то токаря, слесаря, кузнецы и серебрянники, работаютъ у порога своихъ лавокъ.

Для Европейца не безъинтересно посмотрѣть на производство персидскихъ мастеровъ въ персидской части базара. Станки, снаряды и машины до такой степени грубы и всѣ приспособленія для работы такъ скудны, что глядя на нихъ не подумаешь, чтобы работникъ въ состояніи былъ выдѣлать что-либо порядочное, а между тѣмъ посмотрите-ка!.. Остановимся, напримѣръ, передъ лавочкою токаря; токарь не стоитъ у станка, а подобно всѣмъ туземнымъ ремесленникамъ работаетъ сидя. Станокъ его состоитъ изъ двухъ деревянныхъ обрубковъ съ палками, на которыхъ эти обрубки могутъ по произволу сдвигаться и раздвигаться; въ деревянные обрубки вставлены два желѣзные по концамъ закругленные и отточенные клина, между которыми рабочій защемляетъ кусокъ дерева, предназначающійся для точенія. Крѣпкая желѣзная палка, лежащая поперекъ деревянныхъ обрубковъ, служитъ твердою опорою для косяка. Токарь втягиваетъ кусокъ дерева, обмотавъ его нѣсколько разъ тетевою, натянутой на дугу, хватается за дугу правою рукою, а за косякъ лѣвою и пальцами ноги, начинаетъ точить, правою рукою двигая дугу взадъ и впередъ, а лѣвою направляетъ долото, которое онъ защемляетъ и удерживаетъ ногою. Такимъ образомъ онъ въ состояніи обтачивать большіе столбы, ножки для столовъ и другія части мебели такъ же чисто, какъ того требуютъ европейскіе столяра.

То же и съ другими ремеслами. Есть оружейники, которые съ помощью пары напилковъ, молоткомъ и долотомъ фабрикуютъ

вамъ довольно сносное ружье, между тѣмъ какъ четырнадцатилѣтній сынишка прилаживаетъ къ нему замокъ.

Есть позументщики, на вашихъ глазахъ выдѣлывающіе прелестныя тесьмы и бахромы на такомъ станкѣ, который, по всему вѣроятію, достался ему въ наслѣдство отъ праотца Ноя; другіе же такимъ инструментомъ ткутъ шелковые пояса, артистически вплетая въ нихъ отъ 8 до 10 разноцвѣтныхъ нитокъ; тутъ же кузнецъ-искусникъ бодро колотитъ по наковальнѣ, раскаливая кусокъ желѣза фунтовъ въ двадцать вѣсомъ на жалкомъ огонькѣ, раздуваемомъ тщедушнымъ мѣхомъ. Случается, что и онъ работаетъ сидя.

Продавцы Чіата выдѣлываютъ свои художественные товары съ помощью ножа, маленькой пилы, деревяннаго молотка и бурава. Собственно, чіатъ—это нѣчто выплетенное или сколоченное изъ чія (растеніе на подобіе бамбуковаго тростника)—ящикъ, стулъ, кушетка, скамейка, оконная рѣшетка, птичья клѣтка и Богъ знаетъ сколько еще другихъ предметовъ. Все что можно сдѣлать изъ чія и называется чіатомъ. Въ каждомъ хозяйствѣ непремѣнно бываютъ издѣлія изъ чія и жести. Эти два матеріала замѣняютъ здѣсь сотни предметовъ, выходящихъ въ Европѣ изъ рукъ десяти промышленниковъ.

Всякое произведеніе азіатской промышленности возникаетъ, обыкновенно, почти изъ ничего и притомъ при помощи допотопныхъ снарядовъ; за то всѣ такія произведенія отличаются безпримѣрной дешевизной.

Весь этотъ промышленный людъ работаетъ исключительно на базарѣ, гдѣ въ то же время помимо покупателей шатается много и праздныхъ зѣвакъ. Съ улицы въ духанъ, съ духана къ пекарнѣ, которую издали можно еще замѣтить по развѣшенному, точно бѣлью на веревочкахъ, ляваш у *), отъ пекарни снова въ духанъ.

*) Лавашемъ называется персидскій хлѣбъ, т. е. большіе тонкіе въ родѣ еврейской мацы коржи, только мягкіе.

Хотите болѣе познакомиться съ здѣшнею жизнью—войдемъ въ цырюльню и въ духанъ.

Цырюльня всегда полна посѣтителями. Такъ какъ на Востокѣ всѣ магометане брѣютъ себѣ голову, то цырюльникамъ здѣсь гораздо болѣе дѣла чѣмъ у насъ. [illegible]тый Туркменъ или Персъ щедро оплачиваетъ бритье своей головы и подстриганіе бороды, [illegible] за то и операція эта производится очень тщательно.

Вошедшаго въ заведеніе гостя хозяинъ встрѣчаетъ очень вѣжливо и въ учтивыхъ выраженіяхъ приглашаетъ садиться; затѣмъ разстилаетъ гостю салфетки на грудь, на шею и на спину, беретъ его кисетъ съ табакомъ и первымъ дѣломъ набиваетъ кальянъ; послѣ этого уже онъ принимается за работу. Отточивъ бритву на широкомъ ремнѣ, висящемъ у пояса, онъ начинаетъ намыливать. При этомъ употребляется жестяная чашка съ выемкою, въ которую свободно вставляется шея брѣющагося. Эту чашку подставляетъ посѣтителю подъ бороду, которую и намыливаетъ кускомъ мыла. Сначала брѣетъ лицо, на сколько посѣтитель желаетъ уменьшить объемъ бороды, а затѣмъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: поставивъ ногу на стулъ посѣтителя, онъ беретъ голову его на свое колѣно, натягиваетъ ему кожу на лицѣ и съ величайшею тщательностью уничтожаетъ каждый лишній волосокъ, проходитъ по лицу, на вискахъ и тщательно все очищаетъ. Если же предстоитъ брить и голову, то цырюльникъ вѣшаетъ надъ головою посѣтителя котелокъ съ краномъ, сильно намачиваетъ черепъ и съ величайшею ловкостью очищаетъ его до гола. Потомъ еще разъ обмазываетъ голову мыломъ, вспѣниваетъ его мочалкою и финиковымъ волокномъ, обтираетъ всю голову и лицо и вытираетъ до суха. Послѣ этого чешетъ немногіе оставшіеся на затылкѣ волосы и заплетаетъ ихъ въ косичку, расчесываетъ бороду, остригая каждый выдающійся волосокъ, и наконецъ обмываетъ все лицо благовонною водою.

Вся работа продолжается не болѣе $^1/_4$ часа. Послѣ благопо-

лучнаго окончанія брадобритія, по восточному обычаю отправляются въ ближайшій духанъ выпить чашку чаю и выкурить кальянъ.

Зайдемъ и мы за ними, но только въ лучшій, гдѣ сидятъ прилично одѣтые богатые Текинцы и Персы. Комната небольшая, но стѣны чисто выбѣлены и [illegible]шены коврами и картинами лучнаго изданія, успѣвшими и сюда проникнуть. Въ углу помѣщается нѣчто въ родѣ плиты съ тлѣющими поверхъ угольями, на которые положено нѣсколько желѣзныхъ прутьевъ съ надѣтыми на нихъ кусками баранины и патлажанами въ перемежку—это жарится шишлыкъ; тутъ же рядомъ небольшой столикъ, покрытый бѣлою скатерью, на которомъ стоитъ большой самоваръ, чашки и стаканы, тутъ же помѣщается и стеклянная сахарница съ сахаромъ, порубленнымъ на мелкіе кусочки. Вдоль стѣнъ, кругомъ комнаты тянутся низенькія широкія скамейки, покрытыя коврами, паласами и матами изъ чія. На скамейкахъ сидитъ множество гостей; одни изъ нихъ заняты куреніемъ кальяновъ и исполняютъ это дѣло торжественно и важно, не проронивъ ни слова, другіе забавляются игрою въ орлянку, третьи ведутъ разговоръ о лошадяхъ;—присоединимся и мы къ нимъ, чѣмъ доставимъ имъ большое удовольствіе: но вотъ духанщикъ замѣтилъ наше прибытіе, и подаетъ намъ стаканъ чаю. Затѣмъ уходитъ въ другую комнату за кальяномъ, безъ котораго, по его понятію, чай не можетъ доставить вамъ никакого удовольствія.

Вечеромъ духаны болѣе оживлены. Каждый Текинецъ или Персъ торговецъ и ремесленникъ по окончаніи дневныхъ трудовъ охотно идутъ туда, чтобы поболтать со знакомыми и выпить чашку чаю. Нерѣдко встрѣчаешь тамъ музыкантовъ и танцовщиковъ, которымъ платятъ сами гости или же хозяинъ.

Въ длинныя ночи поста Рамадана появляется здѣсь мэдда (персидскій разсказчикъ), которые разсказываютъ внимательнымъ слушателямъ сказки изъ „тысячи и одной ночи“, эпизоды изъ жизни богатырей или же жизнь героя Алли, зятя Магометова. Никто изъ присутствующихъ глазъ не спускаетъ съ разсказчика;

на лицахъ у всѣхъ написано живѣйшее участіе и напряженное вниманіе. Всѣ такъ и ждутъ, чѣмъ окончится исторія, чѣмъ разрѣшится карьера, такъ славно начатая? И чѣмъ лучше расписываетъ мэдда, тѣмъ внимательнѣе становятся слушатели, время отъ времени, посылая сдержанные знаки одобренія, которые, становясь все изъявительнѣе и громче, побуждаютъ разсказчика напрягать всѣ свои способности.

Въ самомъ дѣлѣ, что за поэтическія роскошныя картины развертываетъ персидскій разсказчикъ передъ своей аудиторіей, съ каждой минутой краски его становятся ярче, описаніе смѣлѣе, картины шире! То раздается могучій голосъ Халифа правовѣрныхъ, то слышатся униженныя мольбы отъ посланниковъ инглезскихъ султановъ (европейскихъ государей), то какой-нибудь мудрый шейхъ возвышаетъ свой вѣщій голосъ, то святой улема произноситъ благословеніе въ формѣ столь же поэтической, сколько величавой и мощной, или слышится рѣчь болтливой старухи, или же наконецъ пламенныя выраженія любовника, описывающаго безконечную красоту своей возлюбленной. И какъ онъ ее описываетъ! Она у него „полнолуніе красоты и миловидности, совершенство граціи и скромности, властительница стройности тѣла и прелести духа, обладательница прелестныхъ глазокъ газели, ручекъ такихъ маленькихъ, что надо взять ихъ обѣими руками, чтобы не потерять, а на одной ладони ничего не видно, ножки такія маленькія, что никакимъ глазомъ ихъ не разсмотришь и не потому только, что онѣ закрыты широкою одеждою, сколько онѣ по своей миніатюрности незамѣтны вовсе, а зубы ея, какъ мелкія жемчужины въ устахъ, которыя хотя такъ нѣжны, что ихъ можно совершенно прикрыть маленькою монетою, однакоже произносятъ такія сладкія слова, что когда они попадаютъ въ ухо ея покорнаго слушателя, то фразы нижутся, какъ перлы въ ожерельѣ, а губки у нея алыя, какъ внутренность спѣлаго граната“ и т. д. Влюбленный увѣряетъ, что онъ такъ сильно стремится къ ней,

какъ путникъ въ пустынѣ стремится къ прохладному источнику: „Свѣтъ очей моихъ, жизнь моего сердца, гдѣ ты?“

Присутствующіе слушаютъ затаивъ дыханіе, боясь проронить хоть одно слово изъ краснорѣчиваго разсказа. Но вотъ мэдда усталъ и внезапно восклицаетъ: „Аллахъ салла“ (Хвала Господу). „Алла верды“ отвѣчаютъ слушатели. „Духанщикъ, еще чашку“. И подкрѣпившись чашкою чаю, онъ снова продолжаетъ разсказъ. И снова краснорѣчивая рѣчь его упоительно дѣйствуетъ на слушателей. Онъ ихъ ведетъ за собой на поля битвъ и окружаетъ опасностями своихъ героевъ, въ пользу которыхъ успѣлъ уже настроить всѣхъ до фанатизма. Приходятъ полчища христіанъ и одинъ изъ халифовъ своимъ чародѣйствомъ успѣлъ уже побѣдить 40 великановъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ подъ своимъ начальствомъ по тысячѣ другихъ великановъ, а они въ свою очередь ростомъ въ 40 рукъ и каждый изъ нихъ обладаетъ силою ста человѣкъ. И противъ ихъ всѣхъ сражается герой сказки, тотъ самый, который такъ пламенно описывалъ свою возлюбленную, но и неужели онъ погибнетъ? Нѣтъ!... Но я продолжать далѣе не стану. Гдѣ мнѣ?! У меня недостанетъ на это ни образовъ, ни красокъ, вѣдь я не мэдда!...

VI.

Минеральныя богатства (нефть, сѣра, селитра, галлотрихитъ, озокеритъ, поваренная и глауберовая соль и гипсъ).

Сдѣлавъ въ предыдущихъ главахъ краткій историко-географическій очеркъ Закаспійской области, считаю не лишнимъ посвятить нѣсколько словъ спеціально и ея минеральнымъ богатствамъ, какъ я уже сказалъ, находящимся еще подъ спудомъ и пока почти неразработываемымъ.

Помимо металловъ и минераловъ, дающихъ о себѣ знать на каждомъ шагу, открыто не мало полезныхъ ископаемыхъ, изъ которыхъ однако только одна нефть и отчасти сѣра начали разработываться.

Нефтяныя мѣсторожденія Закаспійской области расположены въ песчаной низменности, однообразно раскинувшейся у подножій Копетъ-Дага. Они отстоятъ въ 30 верстахъ къ западу отъ ст. „Балла-Ишемъ“ и „Айдинъ“ Закаспійской желѣзной дороги. Залежи нефти обнаруживаются въ видѣ двухъ главныхъ группъ нефтяныхъ бугровъ, извѣстныхъ подъ туземными названіями „Нефте-Дага“ и „Буя-Дага“ (въ переводѣ: „Нефтяная гора“ и „Красочная гора“) и нѣсколькихъ второстепенныхъ холмовъ, выдвинутыхъ поднятіемъ почвы, параллельнымъ главному поднятію, которому Копетъ-Дагъ обязанъ своимъ происхожденіемъ. Породы, входящія въ составъ означенныхъ бугровъ, состоятъ главнымъ образомъ изъ сланцеватыхъ, разноцвѣтныхъ глинъ и мергелей, въ различной степени пропитанныхъ нефтью и переслаивающихся съ крупно и мелко-зернистыми песками. Эти послѣдніе обладаютъ пластовымъ характеромъ, значительно насыщены нефтью и служатъ горизонтами, гдѣ происходитъ главное скопленіе нефти.

Какъ нефтяная группа Нефте-Дага, такъ и бугры Буя-Дага являются антиклинально приподнятыми до высоты 300 футъ, при чемъ головы пластовъ нефтеноснаго яруса оказались въ значительной степени обнаженными, разорванными и смытыми.

Такая форма строенія нефтяныхъ бугровъ дала возможность выходу нефти наружу, черезъ просачиваніе ея изъ обнаженныхъ головъ пластовъ нефтеноснаго песку, слѣдствіемъ чего явились нефтяно-грязевыя сопки, которыя на Нефте-Дагѣ расположились числомъ около десяти по продольной оси общаго поднятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились выдѣленія угле-водородныхъ газовъ, особенно сильно сказывающихся на Буя-Дагѣ, отдѣленія нефтяноводяныхъ ключей и т. п. изверженій нефти. Прямымъ результатомъ выхода нефти на дневную поверхность, ея окисленія, сгущенія, смѣшенія съ пескомъ и продуктами вывѣтриванія окружающихъ породъ явилось отложеніе кира и нефтянаго песчанника, обнаруживающееся съ особенною мощностью въ центральной части Нефте-Дага.

Площадь обнаруженія пластовъ нефтеноснаго яруса оказывается болѣе всего развитою на Нефте-Дагѣ, гдѣ циркообразная долина, образованная периферическою линіею отроговъ Нефте-Дага, занимаетъ площадь около 7-ми квадратныхъ верстъ. Упомянутая площадь является поэтому полемъ весьма пригоднымъ для буровыхъ работъ, гдѣ буровыми скважинами на той или другой глубинѣ можно добыть нефть въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Помощью шурфовки, произведенной въ 1881 году, опредѣлены размѣры нефтяной долины Нефте-Дага, примѣрно въ 600 десятинъ.

*) *Заложенная въ 1882 году на сѣверномъ склонѣ Нефте-Дага буровая скважина пересѣкла свиту мергельныхъ, глинистыхъ и песчаныхъ пластовъ нефтеноснаго яруса, падающихъ къ N подъ угломъ 30° съ простираніемъ W 280°, и встрѣтила на глубинѣ 61 саж. пластъ жирнаго нефтеноснаго песку, мощностью 3 саж. 5½, давшаго притокъ нефти 600 пуд. въ сутки. Нефть получалась удѣльнаго вѣса 0,875, темно-зеленаго цвѣта съ содержаніемъ керосина въ 30%. Притокъ воды въ скважинѣ былъ незначительный. Съ 23 августа 1882, начато тартаніе нефти, которое обнаружило первоначальную производительность скважины въ 600 пуд. въ сутки, при чемъ средній уровень нефти въ трубѣ стоялъ на 30 саж. отъ дневной поверхности. Эта скважина эксплоатировалась въ теченіе 2½ мѣсяцевъ и дала нефти въ круглой цифрѣ 250.000 пуд., т. е. по сто тысячъ пуд. въ годъ, что составляетъ среднюю суточную производительность скважины въ 300 пуд., считая 300 рабоч. дней въ году.*

Изъ данныхъ, полученныхъ при буреніи, оказалось, что по мѣрѣ углубленія производительность скважины увеличивается. Такъ первый производительный слой нефтеноснаго песку мощностью въ 2 саж., пересѣченный на глубинѣ 12 саж. ½, далъ 30 пуд. нефти въ сутки; второй пластъ жирнаго, крупно-зернистаго песку мощностью въ 2 саж. 6½, пройденный на горизонтѣ 25 саж. 1½ оказался съ суточнымъ притокомъ въ 75 пуд.; третій нефтеносный пластъ мощностью въ 3 саж. 5½, достигнутый на глубинахъ 57 до 61 саж., оказался, какъ было выше указано, съ производительностью 600 пуд. въ сутки.

*) Отчетъ Горнаго Инженера Коншина.

Въ 1884 году проведена была на Нефте-Дагѣ вторая буровая скважина, заложенная съ 250 саж. по простиранію и въ 70 саж. по паденію пластовъ отъ первой буровой, имѣвшей цѣлью пересѣчь на глубинахъ свыше 100 саж. нефтеносные пласты, встрѣченные первою скважиною. Пройдя свиту песчано-глинистыхъ породъ, мощностью въ 70 саж., означенная скважина достигла на глубинѣ 75 саж. перваго производительнаго горизонта нефтеноснаго песку, давшаго притокъ нефти въ 300 пуд. въ сутки. Къ сожалѣнію недостатокъ денежныхъ средствъ, отпущенныхъ на буреніе, вынудилъ остановить углубленіе скважины и не позволилъ опредѣлить благонадежность болѣе глубокихъ горизонтовъ Нефте-Дага.

Данныя о производительности поименованныхъ скважинъ представляютъ уже нѣкоторое основаніе для приблизительнаго подсчета запасовъ нефти, доступныхъ для эксплоатаціи въ разсматриваемомъ мѣсторожденіи. Принимая, напр., во вниманіе, что земли пригодной для буренія имѣется на Нефте-Дагѣ около 600 десятинъ, то полагая на каждой десятинѣ по 4 скважины, изъ которыхъ 2 питались бы нефтью съ глубины до 100 саж., а другія бы двѣ производили дренажъ горизонтовъ отъ 100 до 200 саж. глубины и, считая общую производительность каждой скважины въ 250.000 пуд., получится, что запасъ нефти въ Нефте-Дагѣ будетъ равняться, приблизительно, $4 \times 250.000 \times \times 600 = 600$ милліонамъ пудамъ.

Можно думать, что мѣсторожденіе Нефте-Дага заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ количество нефти значительно больше исчисленнаго, т. к. болѣе глубокія скважины должны оказаться съ большею производительностью, а площадь въ 600 десятинъ не исчерпываетъ собою все поле годное для буровыхъ работъ. Есть основаніе разсчитывать, что значительная доля мѣстности, расположенной вокругъ Нефте-Дага, окажется удобной для той же цѣли и потребуетъ лишь болѣе глубокихъ буровыхъ работъ для пересѣченія толщъ верхняго непроизводительнаго яруса, прикрывающаго нефтеносные пески.

Какое количество нефтяной земли заключается въ другой нефтяной группѣ, извѣстной подъ названіемъ Буя-Дага, не опредѣлено, но судя по размѣрамъ антиклинально приподнятой и частью разорванной или размытой складки нефтеносныхъ пластовъ міоценоваго яруса, имѣющей продольную ось поднятія до 10 верстъ при ширинѣ около версты, можно полагать, что оно не маловажно.

Небольшія отложенія кира, нефтянаго песчанника и болѣе обильныя выдѣленія угле-водородныхъ газовъ замѣчаются въ болѣе пониженныхъ пунктахъ этой группы. Но особенно характеризуютъ Буя-Дагъ многочисленные горячіе желѣзисто-щелочные ключи, бьющіе при температурѣ кипѣнія съ высоты до 200', съ разныхъ сторонъ бугра; они содержатъ концентрированные растворы хлористаго натра и отлагаютъ окислы желѣза, которыми въ видѣ коры ярко-краснаго цвѣта покрыты ложе и берега источниковъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ образовались значительныя накопленія охристыхъ продуктовъ, чѣмъ и объясняется туземное названіе горы Буя-Дага, т. е. горы красокъ.

Касаясь вопроса о промышленной будущности нефтяныхъ источниковъ Закаспійской области, надобно замѣтить, что въ виду необыкновенной дешевизны и обилія нефти въ Баку, нельзя разсчитывать на экспортъ сырой нефти или ея дистилатовъ въ Россію. Но для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ въ топливѣ, при безлѣсьи края и отсутствіи въ немъ залежей каменнаго угля, а также для вывоза ея въ видѣ керосина на рынки Персіи и Туркестана, закаспійская нефть могла бы быть эксплоатирована съ выгодою при томъ однако непремѣнномъ условіи, чтобы нефтяныя мѣсторожденія были соединены желѣзно-дорожною паровою вѣтвью.

Кромѣ упомянутыхъ нефтяныхъ источниковъ въ Закаспійской области имѣется значительное нефтяное мѣсторожденіе на островѣ Челекенѣ съ производительностью буровыхъ скважинъ въ нѣсколько сотъ пудовъ въ сутки, а также обнаружены признаки нефти около Чикишляра и вблизи Келятскихъ горъ. Но вслѣдствіе кон-

куренціи бакинской нефти, челкенскимъ нефтянымъ источникамъ не предвидится широкой разработки, а чикишлярская и келятская нефтяныя залежи ждутъ горной развѣдки для опредѣленія своихъ размѣровъ и благонадежности.

Почти въ центрѣ пустыни Кара-Кумъ, въ 200 верстахъ къ сѣверу отъ Геокъ-Тепе подъ 40° сѣв. широты и 76° в. долготы, около колодцевъ Шіихъ и Дамлы, расположено среди песчаныхъ бугровъ мѣсторожденіе самородной сѣры, столь богатое этимъ продуктомъ, что заслуживаетъ, несмотря на свое уединенное географическое положеніе, полнаго вниманія со стороны лицъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ развитіи сѣрнаго дѣла въ Россіи.

Означенная сѣрная залежь обнаруживается въ видѣ многочисленныхъ группъ конусообразныхъ холмовъ, обладающихъ средними вертикальными размѣрами до 40 саж., съ площадью основанія отъ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саженъ до двухъ квадр. верстъ каждый. Подобныхъ холмовъ насчитывается въ указанной мѣстности до 40, почему послѣдняя получила туземное названіе „Кыркъ-Джульба“, что значитъ въ переводѣ „сорокъ бугровъ“. Въ отношеніи геологическаго возраста названное мѣсторожденіе сѣры можетъ быть отнесено къ Сарматскому ярусу третичной почвы, если судить по отложеніямъ слоистыхъ бѣлыхъ мергелей и известняковъ съ отпечатками Mactra prodolica, которые слагаютъ подошвы сѣрныхъ холмовъ. Въ пліоценовую эпоху эти послѣднія были погружены, вѣроятно, подъ уровень моря и составляли одно генетическое цѣлое, съ отложеніемъ красно-бурыхъ песчано-глинистыхъ породъ, изъ которыхъ сложена восточная часть Каракумовъ. Но въ потретичный періодъ эта часть Кара-Кумскаго материка подвергалась размыву волнами отступавшаго Арало-Каспійскаго моря, отторгнувшаго многіе изъ бугровъ отъ бывшаго морскаго берега.

Вотъ почему нѣкоторые холмы стоятъ совершенно обособленно

отъ Кара-Кумскихъ чинковъ, въ то время, какъ другіе сохранили свою связь съ ними, будучи, отчасти, прикрыты красно-бурыми глинистыми осадками, а третьи совершенно скрываются подъ упомянутыми наносами, обнаруживаясь лишь незначительными выходами на дневную поверхность изъ-подъ красно-бурыхъ отложеній Кара-Кумскаго материка.

Въ петрографическомъ отношеніи описуемые сѣрные холмы отличаются слѣдующимъ характеромъ: въ нихъ можно различить три яруса: 1) верхній, составленный изъ сѣрыхъ песчаниковъ и бѣлыхъ слоистыхъ рухляковъ, входящихъ въ составъ внутреннѣй массы бугровъ, среди которыхъ разсѣяны многочисленныя и объемистыя гнѣздовыя и жильныя скопленія сѣрной породы, весьма плотнаго качества, интенсивно желтаго цвѣта; 2) средній ярусъ, образованный отложеніями красно-бурыхъ слоистыхъ глинъ и яркоокрашенныхъ песковъ. Этотъ ярусъ не участвуетъ во внутреннемъ строеніи бугровъ, а составляетъ его внѣшнюю оболочку, которая въ иныхъ буграхъ совершенно отсутствуетъ, будучи разрушена атмосферными дѣятелями, или уцѣлѣла лишь лоскутьями, прикрывая незначительную часть склоновъ. Но интенсивное окрашиваніе, которое придается сѣрнымъ буграмъ отложеніями этого яруса, столь характерно, что позволяетъ издали отличить бугры, содержащіе сѣру, отъ сосѣднихъ холмовъ, сходныхъ съ ними по рельефу и петрографическому составу, но не содержащихъ сѣры; 3) нижній ярусъ, сложенный изъ бѣлыхъ сланцеватыхъ мергелей, известняковъ и песчаниковъ сарматскаго возраста, образующихъ подошву бугровъ.

Породою, заключающею сѣру, является найчаще видъ плотнаго кварцеваго песчаника, а въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ родъ конгломерата, въ которомъ мелкіе листочки бѣлаго кремня сцементованы аморфною сѣрою. Цвѣтъ породъ желтый съ различными оттѣнками, отъ свѣтло-желтаго или свѣтло-зеленаго до померанцево или коричнево-желтаго. Твердость значительная, доходитъ до 6. Порода звенитъ и даетъ искры отъ удара молота, а добычу

ея приходится вести клиновою работою. Спайность призматическая. Изломъ раковистый. Блескъ жирный, стеклянный. По химическому составу порода представляется сѣрнымъ ангидридомъ съ содержаніемъ чистой S до 80% и соотвѣтственною примѣсью кварцеваго песку. Порода содержитъ многочисленные прослойки, примазки и желваки чистой аморфной или кристаллической сѣры, въ которыхъ нерѣдко наблюдаются друзы, прекрасно образованныхъ ромбическихъ кристалловъ. Процентное содержаніе сѣры въ породѣ колеблется между 45 и 80%; въ среднемъ приближается къ 63%. Замѣчено, чѣмъ ниже горизонтъ залеганія породы въ буграхъ, тѣмъ процентное содержаніе S выше. Пустую породу составляютъ бѣлый и сѣрый рухлякъ, иногда плотный, но большею частью слоистый и рыхлый, котораго твердость всегда значительно уступаетъ плотности породъ. Отношеніе пустой породы къ рудной массѣ, какъ 4 : 1. Форма залеганія сѣрныхъ породъ гнѣздовая и отчасти жильная, при чемъ эта послѣдняя характеризуется непрерывною смѣною вздутій и съуженій. Объемъ гнѣздъ неравномѣрный и колеблется отъ одной до десяти и болѣе куб. саж. Поверхность гнѣздъ всегда въ нѣкоторой степени окислена.

Наиболѣе значительными размѣрами и хорошимъ качествомъ сѣрныхъ породъ обладаютъ слѣдующія группы сѣрныхъ бугровъ:

1) Группа „Дерваза-Кыръ“, расположенная въ 18 верстахъ къ N отъ Колодцевъ Шіихъ, состоитъ изъ одного большаго бугра и двухъ малыхъ. Высота большаго бугра до 50 саж. Площадь верхняго сѣченія до 2.000 кв. саж., нижняго основанія—около полуторы кв. версты, а съ отрогами до 3 кв. вер.

2) Группа „Кизылъ-Кыръ“ находится въ 7 вер. къ NW отъ Дерваза и также состоитъ изъ одного главнаго и двухъ меньшихъ бугровъ. Діаметръ основанія большаго бугра = 300 саж., верхняго сѣченія = 50 саж.; высота достигаетъ 40 саж.

3) Группа „Тыртайли“ отстоитъ на 8 верстъ къ NNW отъ Дерваза и содержитъ 3 холма почти одинаковыхъ размѣровъ;

средняя высота до 30 саж.; діаметръ основанія до 200 саж., верхнее сѣченіе до 30 саж.

4) Группа „Айракты“ расположена въ 10 верстахъ къ O отъ Дерваза и заключается въ одномъ центральномъ холмѣ и нѣсколькихъ отрогахъ. Бугоръ нѣсколько вытянутъ въ длину съ N на S, при чемъ длинная ось его равна 220 саж., а короткая 130 саж., высота достигаетъ 40 саж.

На вершинѣ бугра проведенъ разрѣзъ въ 11 саж. длиною до 1 саж. шириною и $1^1/_2$ саж. глубиною; по дну и по стѣнкамъ его, сверху до низу, обнажаются круто падающія и книзу утолщающіяся гнѣзда сѣрныхъ породъ, заключенныя въ бѣломъ слоистомъ рухлякѣ. Такихъ обнаженій въ разрѣзѣ имѣется 5, съ общею мощностью въ 6 саж., такъ что отношеніе пустой породы къ рудной массѣ, какъ 6 : 5, т. е. почти половина на половину.

5) Группа „Айракли“ по размѣрамъ равна группѣ Дерваза, отъ котораго удалена на 15 вер. къ O, но отличается формою двойнаго усѣченнаго конуса. На вершинѣ западнаго конуса проведенъ разрѣзъ длиною въ 8 с., шириною и глубиною въ 1 с., въ которомъ обнаруживается то же благопріятное отношеніе рудной массы къ пустой породѣ, какое мы видѣли выше на Айракты.

6) Группа „Топъ-Джульба“ отстоитъ на 30 верстъ къ S отъ Дерваза и заключается изъ 5 главныхъ бугровъ съ площадью основанія до $^1/_2$ кв. вер. каждый, вышиною до 35 саж., и нѣсколькихъ малыхъ.

7) Группа „Чиммерлю“ удалена на 50 вер. къ SO отъ Дерваза и состоитъ изъ 8 конусообразныхъ холмовъ различныхъ размѣровъ, близкихъ къ предыдущимъ.

Не стану вдаваться въ описаніе другихъ сѣрныхъ холмовъ, образующихъ разсматриваемое мѣсторожденіе, такъ какъ приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы судить о его размѣрахъ. Замѣчу лишь, что вершины всѣхъ поименованныхъ бугровъ изрыты шурфами до $1^1/_2$ саж. глубины, въ которыхъ обилуютъ выходы сѣр-

ныхъ породъ хорошаго качества съ среднимъ процентнымъ содержаніемъ сѣры до 50%.

Съ цѣлью практически удостовѣриться въ благонадежности залежи и получить данныя для подсчета запаса сѣры въ описываемомъ мѣсторожденіи, въ 1886 г. была предпринята развѣдка главнаго бугра Дерваза, для чего проведенъ вкрестъ простиранія породъ разрѣзъ двухсаженной глубины и вскрыта до глубины въ 3 саж. площадка въ 150 кв. с., приблизительно въ центрѣ бугра.

Освободивъ выработку отъ пустой породы, получилась возможность вычислить приблизительный объемъ обнаружившихся сѣрныхъ гнѣздъ, который оказался равнымъ 100 куб. саж. на 400 кубовъ вывезенной въ отвалъ пустой породы.

Принимая площадь верхняго сѣченія бугра въ 8.000 кв. саж. R основанія въ 100 с. и глубину залеганія породъ до 30 с., мы получимъ объемъ усѣченнаго конуса упомянутыхъ размѣровъ ровно 400.000 куб. саж., что при содержаніи 1/5 части сѣрной породы дастъ до 80.000 кубовъ или по вѣсу, принимая вѣсъ куба въ 1.200 пуд., до 100 милліоновъ пудовъ сѣрнаго камня. Принимая же среднее процентное содержаніе сѣры въ породѣ равное 60%, получимъ цифру въ 60 милліоновъ пудовъ чистой сѣры, могущей быть извлеченной изъ названнаго холма. Такой огромный запасъ сѣры въ одномъ только бугрѣ уже самъ по себѣ внушителенъ, но если принять во вниманіе, что сѣрныхъ холмовъ, большихъ или меньшихъ размѣровъ, насчитывается до 40, то можно съ полною основательностью заключить о необыкновенномъ богатствѣ названнаго мѣсторожденія. Къ сожалѣнію, отдаленность Кара-Кумской сѣрной залежи на 200 съ лишкомъ верстъ отъ желѣзной дороги ставитъ на первыхъ порахъ существенную преграду для ея выгодной эксплоатаціи.

Это неудобство, однако, могло бы быть устранено нѣкоторыми покровительственными мѣрами, какъ напр. уменьшеніемъ тарифа на провозъ сѣры по Закасп. в. ж. д., возвышеніемъ пошлинъ на заграничную сѣру и т. п. мѣрами, которыя были бы желательны,

въ виду того значенія, какое имѣетъ сѣра для государственнаго хозяйства вообще, и принимая во вниманіе, что потребность сѣры въ Россіи пополняется главнымъ образомъ привозомъ ея изъ-за границы, въ количествѣ около милліона пудовъ въ годъ.

Кромѣ Каракумскаго сѣрнаго мѣсторожденія, залежи сѣры встрѣчаются въ другихъ пунктахъ области, какъ напр. около Карабугазскаго залива, гдѣ онѣ обнаруживаются въ видѣ спорадическихъ включеній чистой аморфной сѣры, разсѣянныхъ въ буромъ и голубомъ мергелѣ, слагающемъ обрывы прибрежнаго озера Кукуртъ-атъ. Въ видѣ незначительныхъ скопленій сѣра извѣстна у подножія Келятскихъ горъ на западномъ склонѣ Курянъ-Дага, около устьевъ р. Атрека, около ст. Балла-Ишемъ Закасп. в. ж. д. и у горы Буя-Дага, но всѣ послѣднія эти мѣсторожденія не имѣютъ промышленнаго значенія.

Слѣдующее мѣсто за сѣрой занимаютъ селитряныя мѣсторожденія, обнаруживающіяся въ Закаспійской области въ видѣ искусственныхъ насыпныхъ кургановъ, расположенныхъ въ различныхъ пунктахъ Ахала, Атека и Мерва, изъ которыхъ до сихъ поръ осмотрѣны только два холма около Анау въ 15 вер. за Асхабадомъ и въ $^1/_2$ в. отъ полотна желѣзной дороги и одинъ холмъ въ Иммама-бабѣ, на среднемъ теченіи Мургаба.

Эти холмы вполнѣ аналогичны Дигальскому кургану, изслѣдованному академикомъ Абихомъ около береговъ озера Урміи въ Персіи, изъ котораго персидское правительство вываривaетъ отличныхъ качествъ селитру. По заключенію г. Абиха, они служатъ мѣстомъ сожженія и погребенія древнихъ гебберовъ.

Разрѣзъ въ 6 саж. глубины и шурфы въ 2 саж., заложенныя на днѣ разрѣза, даютъ возможность изучить внутреннее строеніе кургановъ. Грунтъ ихъ состоитъ изъ рыхлой тонкоземлистой глины, цвѣта бураго, мѣстами красноватаго. Въ вертикальномъ разрѣзѣ обнаруживается рядъ горизонтальныхъ слоевъ сѣрой золы, перемѣшанной съ обугленными частичками костей, осколками гончарной

посуды и отпечатками на глинѣ зеренъ ячменя, пшеницы и стеблей соломы.

Эти слои чередуются съ короткими прослойками древеснаго угля, чернаго цвѣта, также перемѣшаннаго съ остатками обугливишихся костей, прослойками, имѣющими общее горизонтальное направленіе и постепенно съуживающимися на концахъ. На дневной поверхности замѣчается тонкая кора кристаллической и аморфной селитры, выщелоченной дождями изъ почвы кургановъ. Процентное содержаніе селитры въ почвѣ кургановъ колеблется отъ 2 до 5%.

По размѣрамъ своимъ наиболѣе выдаются одинъ насыпной, элипсоидальной формы, холмъ въ урочищѣ Иммамъ-бабы, съ длинною осью въ 150 с. и короткою въ 30 с., и 2 кургана около Анау конусообразнаго вида, съ высотою до 10 саж. и діаметромъ основанія до 60 с. Вычисливъ объемъ упомянутыхъ холмовъ и предположивъ въ нихъ двухпроцентное содержаніе селитры, получимъ приблизительный запасъ ея около полумилліона пудовъ.

Имѣя въ виду, что селитряное дѣло въ Россіи, вслѣдствіе отсутствія благонадежныхъ мѣсторожденій этого продукта, находится въ полнѣйшемъ упадкѣ и требованіе на селитру пополняется привозомъ ея изъ-за границы при цѣнѣ около 5 р. за пудъ, было бы желательно и не безвыгодно обратить вниманіе на водвореніе селитрянаго производства въ Закаспійской области.

За селитрою слѣдуетъ галлотрихитъ (желѣзистые квасцы), мѣсторожденіе котораго находится въ 20 вер. къ сѣв.-западу отъ Кизылъ-Арвата, въ одномъ изъ ущелій Кюрянъ-Дагскаго хребта. Обнаруживается въ видѣ пропластковъ въ глинистомъ сланцѣ, явственно окристаллизованномъ въ длинныя, нитевидныя, недѣлимыя бѣлаго или слегка зеленоватаго цвѣта. Вкусъ сладковяжущій, блескъ стеклянный, твердость 2,5.

Приготовленныя изъ него краски отличаются необыкновенною яркостью, богатствомъ оттѣнковъ и прочностью цвѣта (нелинючестью), почему и употребляются для окраски текинскихъ ков-

ровъ, несравненно лучшихъ прославляемыхъ персидскихъ. При разработкѣ галлотрихита и приготовленіи изъ него красокъ, послѣднія безъ всякаго сомнѣнія должны будутъ вытѣснить употребленіе анелина. Судя по выработкѣ, оставленной на склонѣ горы, длиною въ 10 с., шириною въ 2 с., вышиною въ 1 с., подъ, стѣны и потолокъ которой сложены изъ напластованій галлотрихита, можно вполнѣ разсчитывать на благонадежность названнаго мѣсторожденія. Кромѣ того, вслѣдствіе близости къ желѣзной дорогѣ (20 вер.) залежь эта легко доступна для эксплоатаціи. Остается сказать еще нѣсколько словъ объ озокеритѣ (горномъ воскѣ), соли поваренной и глауберовой и гипсѣ.

Озокеритъ залегаетъ въ центральной части Нефте-Дага, на площади около 50 десятинъ, въ видѣ тонкихъ жилъ и пропластковъ отъ 1 до 2 и 3 дюймовъ толщины, заключенныхъ въ слоистыхъ мергеляхъ и глинахъ. Встрѣчается въ болѣе мощныхъ гнѣздовыхъ скопленіяхъ, достигающихъ 2-футовой толщины, въ песчаномъ наносѣ, прикрывающемъ осевую, наиболѣе возвышенную часть Нефте-Дага, и является здѣсь уже во вторичной фазѣ своего образованія, какъ продуктъ выноса и отложенія подземными источниками.

Въ первомъ случаѣ представляетъ аморфную разность темнобураго или смоляно-чернаго цвѣта, а во второмъ отличается крупнозернистымъ сложеніемъ, цвѣтомъ отъ зеленовато-бураго до луковозеленаго. Блескъ восковый. Очень мягокъ и гибокъ. Удѣльный вѣсъ 0,95.

Образовался путемъ подземной переработки, сгущенія и окисленія мѣстной нефти, содержащей значительный процентъ парафина, продукта, входящаго главнымъ образомъ въ составъ озокерита.

Такъ какъ залежи озокерита обнаруживаются въ мощномъ видѣ только на значительныхъ глубинахъ, отъ 30 до 60 и болѣе саженъ, то для опредѣленія благонадежности разсматриваемаго мѣсторожденія требуется глубокая шурфовка и развѣдка буровыми скважинами.

Залежи самосадочной поваренной соли встрѣчаются въ чрезвычайномъ изобиліи вдоль юго-восточнаго побережья Каспійскаго моря, начиная отъ Красноводска до устья р. Атрека, какъ напр. на Красноводской косѣ, во внутреннихъ озерахъ острова Челекеня, на сорахъ полуострова Дарджи, на площади бывшаго Хивинскаго залива и пр., гдѣ они являются продуктомъ сгущенія и испаренія маточныхъ разсоловъ Каспійскаго моря. Въ указанныхъ пунктахъ соль служитъ предметомъ разработки и вывоза въ Баку и на Сальянскіе рыбные промыслы.

Изъ мѣсторожденій поваренной соли, расположенныхъ внутри страны, заслуживаетъ вниманія пластовая залежь ея, находящаяся вблизи новой Афганской границы въ 15 вер. къ S отъ колодцевъ Акрабатъ. Въ помянутой мѣстности соль обнаруживается въ видѣ мощныхъ наслоеній на днѣ двухъ глубокихъ и обширныхъ котловинъ, имѣющихъ до 1.000 футовъ глубины при общей длинѣ свыше 50 верстъ и 10 верстъ ширины. Качество соли превосходное и ею снабжается населеніе не только Мервскаго, Пендинскаго и Тедженскаго оазисовъ, но и сосѣднихъ областей Афганистана и Хоросана.

Ближе къ району расположенія желѣзнодорожнаго пути расположено мѣсторожденіе пластовой самосадочной соли, пересѣченное на протяженіи 6 верстъ конною желѣзною дорогою, соединяющею Нефте-Дагъ со ст. „Балла-Ишемъ“ Закасп. в. ж. д. Оно занимаетъ площадь до 20 куб. в. и заключаетъ запасъ соли около 200 милліоновъ пудовъ.

Залежь же глауберовой соли находится въ Мервскомъ оазисѣ въ 8 вер. отъ ст. „Карабаты“ Закасп. в. ж. д., гдѣ она обнаруживается въ видѣ мощнаго кристаллическаго, снаружи вывѣтрѣлаго осадка, на днѣ глубокой котловины, окруженной песчаными буграми. Соль по качеству превосходная, свободная отъ постороннихъ примѣсей, а благонадежность мѣсторожденія не подлежитъ сомнѣнію.

Въ полуверстѣ же отъ Красноводскаго залива, въ одномъ изъ ущелій Кубадагскихъ горъ расположено мѣсторожденіе бѣлаго и

розоваго гипса. Залежь пластовая, чрезвычайно мощная и весьма доступная для разработки. Гипсъ вывозится въ Баку и на Закаспійскую воен. ж. дорогу.

VII.

Общій выводъ.

Изъ предыдущей главы видно, что Закаспійскую область бѣдною назвать нельзя ни въ какомъ случаѣ. Правда, производительность ея почвы не обѣщаетъ много въ будущемъ даже и тогда, когда будетъ улучшено ея орошеніе,—развѣ только тогда жителямъ не придется покупать хлѣбъ на сторонѣ, хотя и въ настоящее время они прибѣгаютъ къ этому въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ. Но за то скотоводство и горнодѣліе въ этой странѣ могутъ быть развиты до высшихъ предѣловъ, благодаря чему и сама область, и ея желѣзная дорога не только будутъ окупаться, но и приносить доходы.

Изъ полезныхъ ископаемыхъ области ни нефть, ни ея дистилаты, какъ я уже говорилъ, благодаря обилію и дешевизнѣ этого продукта въ Баку, въ Россію не пойдутъ, но за то, при безлѣсіи края, они съ успѣхомъ могутъ быть не только употребляемы въ области, но и вывозимы въ страны Центральной Азіи; другіе же, какъ напр. сѣра, селитра, желѣзистые квасцы и пр., могутъ, удовлетворивъ нужды Россіи, и тѣмъ самымъ оградивъ ее отъ покупокъ за границею, быть въ изобиліи отправляемы туда же, а вмѣстѣ съ вышепоименованными продуктами могли бы проникнуть на среднеазіатскіе рынки какъ продукты скотоводства, такъ и товары мануфактурной и кустарной промышленности Европейской Россіи.

А что всѣ товары эти имѣли бы тамъ громадный сбытъ, такъ это можно заключить изъ того, что англичане, такъ ревниво оберегающіе среднеазіатскіе рынки отъ вторженія иностранныхъ товаровъ вообще, а русскихъ въ особенности, посматриваютъ уже на

наши нефть и сѣру, какъ на продукты желательные не только на афганскихъ и другихъ рынкахъ, но даже и на индійскихъ.

Въ подтвержденіе этого я приведу отрывокъ изъ доклада, читаннаго 14 декабря 1885 года Англійской службы полковникомъ генеральнаго штаба Стюартомъ въ Лондонскомъ королевскомъ географическомъ обществѣ.

„Я полагаю, говоритъ полковникъ Стюартъ, что продолженіе нами Кветской желѣз. дороги на Гератъ должно прочно установить миръ и спокойствіе въ средней Азіи, а затѣмъ возможно примкнуть эту линію къ русской желѣзной дорогѣ.

Если на глобусѣ соединить ниткою Англію съ Индіей, то нитка пройдетъ по Россіи черезъ Владикавказъ у подножія Кавказскаго хребта (теперь здѣсь оканчивается русская желѣзнодорожная сѣть, но вскорѣ будетъ проведена до Петровска на Каспійскомъ морѣ), затѣмъ прослѣдуетъ близъ Закаспійской в. ж. д., пройдетъ черезъ Гератъ въ Квету.

Я знаю, что придется преодолѣть много затрудненій при постройкѣ дороги на Гератъ, но затрудненія эти не физическаго свойства, а чисто нравственнаго, заключающіяся въ предубѣжденіяхъ англичанъ и афганцевъ. Во всякомъ случаѣ я постараюсь изслѣдовать возможность постройки этой желѣзнодорожной линіи и разсѣять предубѣжденія Англіи. Мнѣ кажется, что трудности, которыя требуется одолѣвать Англіи при проведеніи дороги, менѣе тѣхъ, которыя одолѣваетъ Россія при прокладкѣ желѣзной дороги чрезъ Бухару на Самаркандъ.

Возможность проведенія желѣзной дороги къ Средней Азіи значительно облегчилась открытіемъ неограниченнаго количества топлива въ видѣ нефти. Весь сѣверо-восточный Кавказъ отъ Чернаго моря до Баку заключаетъ въ нѣдрахъ своихъ неисчислимые запасы нефти. Всѣ пароходы на Каспіи и локомотивы на Закаспійской в. ж. д. отапливаются нефтью. Выгода этого топлива сравнительно съ каменнымъ углемъ весьма значительна, такъ напримѣръ, пароходъ требуетъ только 90 тоннъ нефти вмѣсто 245 тоннъ угля.

Нефть продается въ Баку по цѣнѣ менѣе $^1/_2$ пенни за пудъ въ 36 фунтовъ.

Въ 1881 году, послѣдній годъ за который я имѣю свѣдѣнія, въ Баку было добыто 30.000.000 пудовъ нефти. Это было до открытія ж. д. между Чернымъ и Каспійскимъ моремъ, теперь же, я полагаю, въ текущемъ году добыча нефти увеличилась почти вдвое.

Для топлива употребляется нефть и ея остатки, получающіеся при выдѣлкѣ въ керосинъ.

Минеральная сѣра (Mineral wax) находится въ большомъ количествѣ на островѣ Челекенѣ, на Каспійскомъ морѣ..."

Итакъ мы видимъ, что англичане взираютъ на нашу бакинскую нефть и на челекенскую сѣру, какъ на продукты для среднеазіатскихъ рынковъ желательные.

Что бы было, если бы на нихъ появилась закаспійская нефть и кара-кумская сѣра, продукты болѣе дешевые благодаря сравнительно меньшему разстоянію чѣмъ бакинская нефть и челекенская сѣра, а слѣдовательно и меньшей провозной платѣ?

Но англичане, посматривая на эти продукты, и сознавая ихъ важное значеніе, не хотятъ, однако, пустить насъ съ ними на рынки Средней Азіи, а желаютъ лишь сами сдѣлаться для нихъ поставщиками при помощи предполагаемой ими Квето–Герато–Русской ж. д.

Понятно, что при подобныхъ условіяхъ невозможно ожидать не только сбыта на азіатскіе рынки предметовъ русской промышленности и мануфактуры, но и особенныхъ доходовъ отъ Закаспійской области.

При замкнутомъ своемъ положеніи, какъ Закаспійская область, такъ и плодородный Туркестанъ намъ кромѣ убытковъ въ общемъ не дадутъ ничего. И это будетъ до тѣхъ поръ, пока Афганистанъ не измѣнитъ къ намъ своихъ отношеній. Онъ долженъ или стать къ намъ въ такое же положеніе, какъ Бухара, или же мы должны сдѣлаться хозяевами въ Гератѣ.

Я говорю—въ Гератѣ, а не въ другомъ мѣстѣ, потому что, по словамъ того же самаго полковника Стюарта, „значеніе Герата весьма важно, въ особенности для пришельцевъ съ сѣвера. Гератская долина, единственное мѣсто въ этой части Центральной Азіи, способное прокормить большое количество народа. Владѣющій этою долиною будетъ имѣть рѣшающее значеніе на дѣла Персіи и Афганистана“ (а также, замѣчу отъ себя,—и Индіи).

Далѣе, рисуя картину Герата, полковникъ Стюартъ говоритъ: „окружающая городъ мѣстность густо населена. Вся Гератская долина отъ Обеха до Кусана (длиною 120 и шириною 12 миль) представляетъ изъ себя сплошной садъ. Все растетъ съ замѣчательной роскошью. Пшеница и ячмень произрастаютъ въ большомъ изобиліи. Персики, абрикосы, миндаль, виноградъ, сливы, тутовое дерево, орѣхи растутъ въ огромномъ количествѣ. Фисташки же растутъ въ дикомъ состояніи на скалахъ горъ, покрытыхъ пастбищами на несчетныя стада овецъ“...

Но все это возможно тогда, когда мы денно и нощно, ложась вечеромъ и вставая утромъ, будемъ вспоминать извѣстное изреченіе Катона „Praeterea censeo Cartaginem esse delendam“.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 февраля 1888 г.

Красноводскъ
Михайловская
Узунъ-Ада
Укр. Михайл.
Казанджикъ
Кизилъ-Арватъ
Г. Нефтяная
Пески Кара-Кума
Ахалъ-Текинскій оазисъ
Геокъ-Тепе
Асхабадъ
Персія
Душакъ
Карры-Бентъ
Дортъ-Кую
Мервскій оазисъ
Мервъ
К. Кельчи
Теджен
Теджен Тедженскій оазисъ
Репетокъ
Чарджуй
Р. Аму-Дарья
Коушутъ-Ханъ-Бентъ
Султанъ-Бентъ
Казыклы-Бентъ
Закаспійская область.
Масштабъ
вер. 100 50 0 100 200 300 верстъ.

Гос. Историч. Музея р. 54
Инвент. №

Въ складѣ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО, Спб., Колокольная, № 14.

Дома и на войнѣ 1853—1881 гг. Воспоминанія и разсказы ***Александра Верещагина.*** Изданіе 2-е, иллюстрированное виньетками и портретами. 1886 г. Часть I. Изъ домашняго быта временъ **крѣпостнаго права**. Часть II. Изъ **Русско-Турецкой** войны 1877—1878 гг. Часть III. **Текинская экспедиція** ***Скобелева*** 1880—1881 гг. 600 стр. текста . . . . . **2** р. **50** к.

Рекомендовано циркуляромъ Главнаго Штаба отъ 16-го мая 1886 г. за № 91.

Отзывы о 1-мъ изданіи, которое распродано въ теченіи мѣсяца. Въ отзывѣ М. Драгомирова, помѣщенномъ въ № 255 «Русскаго Инвалида», отъ 23-го ноября 1885 г., между прочимъ сказано:

«Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ г. Верещагинъ далъ рядъ пре«красно нарисованныхъ бытовыхъ и военныхъ сценъ, которыя не «могутъ не заинтересовать любаго читателя, а военнаго тѣмъ болѣе. «Взявшись за книгу, трудно оторваться отъ нея, до такой степени «разсказъ живъ, правдивъ, полонъ добродушнаго юмора... «Попадаются «у него, и нерѣдко, такія мѣста, которыя могутъ быть поставлены на «ряду со сценами величайшаго изъ живописцевъ военнаго обихода— «гр. Л. Н. Толстаго»...

Кромѣ того, объ этомъ сочиненіи были отзывы въ 1885 году: «Московскія Вѣдомости» № 335, «Новое Время» № 3503, Новости» № 326 и № 6, 1886 г. (статьи Д. Мордовцева и К. Скабичевскаго), «Петербургскія Вѣдомости» № 353, «Правительственный Вѣстникъ» № 3, 1886 г., «Свѣтъ» № 259, 21-го ноября, 24 ноября, «Русскія Вѣдомости» № 342, «Петербургская Газета» № 328 и № 331, «Недѣля» № 48, «Вѣстникъ Европы № 1, 1886 г. «Русская Старина» № 1, 1886 г.

Яковъ Петровичъ Баклановъ. Біографическій очеркъ. ***В. Потто.*** Изданіе 2-е, 1885 г., съ портретомъ Я. П. Бакланова, по наброску художника ***Микѣшина*** и съ виньетками ***М. Е. Малышева,*** гравированными ***Н. Г. Денисовскимъ*** . . . . . **1** р. **25** к.

Одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

Объ этой книгѣ въ отзывѣ 27 ноября 1885 года № 3503 газеты «Новое Время», между прочимъ сказано:

. . . Біографія Я. П. Бакланова, написанная г. В. Потто, читается весьма легко и по сюжету полна самаго захватывающаго интереса. . . . . Въ общемъ эта прекрасная работа, весьма пригодная и полезная для назидательнаго чтенія русскаго юноши.—Баклановъ, или страшный горцамъ «Баклю», фигура крупная и русскіе юноши нашего мелкаго времени должны быть благодарны г. В. Потто за его успѣшное стараніе поставить передъ ними этого казака-богатыря и правдолюба въ настоящую величину и въ надлежащемъ свѣтѣ».

Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Императрицы Екатерины II. 1773—1774 гг. По неизданнымъ источникамъ ***Н. Дубровинъ.*** Три тома, съ картою театра дѣйствій. 1884 г. . . . . **9** р.

«Чтеніе этой монографіи, благодаря интересу, возбуждаемому предметомъ и безыскусственности повѣствованія, завлекаетъ читателя «и переноситъ его въ тотъ восемнадцатый вѣкъ, отдаленныя воспоминанія о которомъ еще и до сихъ поръ живутъ въ нашемъ обществѣ». «(Русская Мысль, 1885 г. № 4).

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА въ отдѣльныхъ очеркахъ, эпизодахъ, легендахъ и біографіяхъ. Составилъ ***В. А. Потто.***

Томъ I. Отъ начала войны до назначенія ***Ермолова.*** 2-е изданіе 1887 г., изящно отпечатанное на тоновой бумагѣ съ виньетками и заставками къ каждой главѣ, работы художника К. А. Газенкампфа и ксилографа Н. Г. Денисовскаго, изъ 4 выпусковъ 1887 г. . . . . **6** р.

Томъ II. **Ермоловское время.** Изъ 4 выпусковъ 2-е изящное изданіе 1888 г. . . . . **6** р.

Томъ III. **Персидская война** 1826—1828 гг. Изъ 4 выпусковъ 1887 г. . . . . **6** р.

Рекомендовано Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ русскихъ военныхъ дѣятелей, издаваемыя подъ редакціей ***Вс. Н. Мамышева,*** изъ 4-хъ выпусковъ; каждый выпускъ содержитъ отъ 10 до 25 печатныхъ листовъ, не менѣе 3-хъ портретовъ и гравюры. **6** р.

Въ изданіе это вошли біографіи слѣдующихъ лицъ: И. Н. Скобелева (дѣдъ), Дениса Давыдова (партизанъ), Перваго фельдмаршала Головина, Я. И. Ростовцева, Казарскаго, Атамана Платова, Адмирала Нахимова, Графа Милорадовича и другихъ.

Отдѣльно выпуски не продаются.

Внесено въ основной каталогъ.

Въ газетѣ «Гражданинъ» 1887 г. за № 4 отзывъ о книгѣ оканчивается такъ:

«... Въ общемъ прекрасно изданный трудъ Вс. Мамышева слѣдуетъ признать весьма полезнымъ и назидательнымъ чтеніемъ. Витязи-богатыри и правдолюбцы, поставленные имъ въ настоящую величину и въ надлежащемъ свѣтѣ, олицетворяютъ собою силу русскаго духа и мощь великаго народа».

Сочиненія В. АВСѢЕНКО.

Скрежетъ зубовный. Романъ. 2 тома . **3** р. **50** к.

Повѣсти и разсказы. Томъ I. Позолота. — Боярская пора. — Рабыня. — Семейныя радости . . . . **1** р. **75** к.

Томъ II. Очарованные. — Мисхорская сакля. — Зимняя ночь. — Мгновенье. — Губернская Перикола. — Испанскій дворянинъ . . . . . **1** р. **75** к.

ТРЕБОВАНІЯ АДРЕСОВАТЬ:

Въ складъ В. А. БЕРЕЗОВСКАГО

С.-Петербургъ, Колокольная, собств. домъ, № 14.

Типографія Р. Голике, Троицкій пер., № 18—20.